ПИОНЕР

№ 5 МАЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1957 год

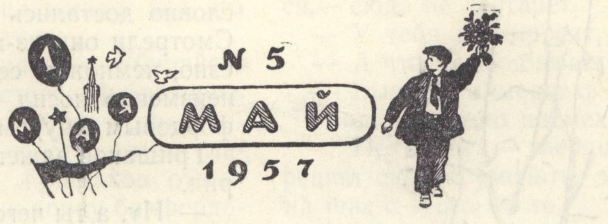
алинград. Мамаев курган. Место героических боев с фашизмом. День Победы пионеры пришли сюда с цветами.

Рисунок М. Самсонова.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания 34-й

В этом номере:

На облож...е:
Рисунок Ф. Ле...ля
к рассказу А. Мошковс...
«Взрыв».

...Клу...
...пис...

ИЗДАТЕЛ

...а
...хо-
...Воздух
...дернулась.
...ыма взлетел
...упругое эхо, сжатое
...нулось от берега
...окатилось на север.
...ваясь, был серьезен и
...еще большей силы толк-
...чнул сосны и лиственницы, и
...явился в небе дым, как что-то чер-
...ыстрое, словно стая ворон, мелькнуло
...ху, и в тайге все затрещало, заухало, и
...лышались тупые удары о землю.

— Так,— сказал Гришаков,— сработала.

Больше он ничего не сказал. Он зашагал к берегу. За ним, ступая в следы его огромных валенок, двинулись остальные. Юрка не мог смотреть на Гришакова, на его гигантскую молчаливую и крепкую, как скала, фигуру, на его стеганку с оторванным хлястиком — Юрка оборвал, когда взрывник тащил его сюда,— на его хмурое черноусое лицо.

На берегах Ангары

Рассказы А. Мошковского

Рисунки Ф. Лемкуля.

Взрыв

еперь уходите,— сказал Гришаков,
з кармана спичечную коробку.—

в скале вместе, заряжали
е вместе, но произвести
ывника, и здесь ему по-
было готово: куски
з каменной сте-
кавала сту-
чее, раз-

н, и
ть-
м

только глаза были не по лицу маленькие, словно достались ему случайно, по ошибке. Смотрели они из-под косматых бровей серьезно, немножко сердито. На правом боку он неизменно носил брезентовую сумку с бикфордовым шнуром и капсюлями.

Гришаков зажег в ладонях спичку и закурил.

— Ну, а ты чего? — обернувшись, спросил он у Юрки, молодого парня с черным пушком под носом и на щеках.— Полезай!

— Дядя Коля,— сказал Юрка,— давай вместе...

— Что вместе?— спросил Гришаков, большими затяжками скуривая папироску.

— Подождем. Ты вот всегда гонишь...

— Ну шагай, шагай, нечего тебе тут делать,— Гришаков легонько подтолкнул парня коленцем.— Рвать пора...

— Зловредный ты мужик! — сказал Юрка и сплюнул.

С Гришаковым он жил недружно. Когда он записался в бригаду Зимина и стал во всех списках именоваться бурильщиком, это не очень радовало его: слово негромкое. А вот называться взрывником — это чего-нибудь да стоило! Взрывник... Это пахло беззаветной отвагой, риском, удалью — всем тем, что дорого любому человеку, а особенно тому, кто не так давно вышел из детского возраста. Первым взрывником, которого Юрка видел в своей жизни, был Гришаков, и, к сожалению, он не произвел на него сильного впечатления.

С дотошной деловитостью набивал Гришаков пергаментные патроны взрывчаткой, потом топил в обогревалке на железной печурке снег в ведре, месил глину и делал из нее, как добрая хозяйка пирожки, продолговатые и теплые огурцы для запыжовки шпуров в скале, которые они бурили в камне. Иногда он лазил по скале и внимательно осматривал все щели и трещины и советовал бурить там, где грунт помягче. Когда ему сверху спускали кули с взрывчаткой, Гришаков аккуратно надрывал край куля и железным совком, точ-о продавец сельпо, начинял аммонитом шпуры, деревянной «забойкой» вталкивал глубже этот белый порошок и приговари- всегда одно и то же: «Вот и начинка

под пирог готова, добрая начинка!..» Потом он старательно, точно в избе керосиновую лампу, поджигал концы шнура и уходил.

Первые дни Юрка по наивности пытался разузнать что-либо интересное у него, человека такой грозной профессии. Но оказалось, ничего такого с ним не бывало: на него не рушились скалы, он никого не спасал от верной гибели и сам ни разу не был на волоске от смерти... В конце концов все это выглядело даже скучновато...

— Ну? — сказал Гришаков.— Убирайся!

Юрка полез чуть побыстрее. Добравшись до края скалы, он присел, опустив вниз ноги. Он хотел увидеть все собственными глазами. Докурив папиросу, Гришаков отвернулся от ветра, приложил к концу бикфордова шнура, соединявшего все отводы, торчащие из скалы, спичку, чиркнул по ней коробкой. С шипением побежал огонек по шнуру, плавя гудрон на черной оплетке,— теперь ни вода, ни ветер не погасят его. Гришаков спрятал коробку во внутренний карман стеганки, посмотрел, как дымок короткими прыжками бежит по шнуру, пошел по узкой каменной полке и, натянув веревку, привязанную к верхолазному поясу, неторопливо полез вверх. Был он громоздок и неуклюж, но в его руках была нечеловеческая сила, и подымался он куда легче Юрки, хотя весил втрое больше его.

Вдруг Юрка вскочил и в смятении забегал по краю обрыва.

Метрах в десяти от верха нога Гришакова соскользнула с обледеневшего выступа, и он во весь свой огромный рост вытянулся на скале. К счастью, падая, он не выпустил веревку и не полетел вниз.

Внизу с треском бежал по шнуру дымок...

— Дядя Коля, нате! — крикнул Юрка и бросил ему свою веревку.

Но взрывник не взял ее. Резким толчком он подтянулся, уперся во что-то коленом, встал на ноги и, прижимаясь боком к скале, большими шагами взбирался наверх. Юрка насупился, отвернулся и зашагал к обогревалке. Бурильщики уже углубились в тайгу. За ними пошел и Юрка, чувствуя за собой спокойный и размеренный хруст снега под слоновьими ногами взрывника,— он всегда ходил одним шагом, ни быстрей, ни медленней.

Наконец Юрка остановился у двух березок, росших из одного корня.

— Дальше,— сказал Гришаков.

Юрка лениво поплелся по снегу и опять остановился.

— Дальше,— повторил Гришаков.

Юрка сделал еще шагов десять и встал за большую черную лиственницу с ободранной у комля корой. В лесу было тихо и светло, где-то по-хозяйски каркали вороны; тайга не ожидала взрыва, который вот-вот должен грохнуть.

— Дальше,— сказал Гришаков, подходя к лиственнице.

— Хватит,— ответил Юрка и отодвинулся,— сюда не достанет.

— У тебя не спросит.

— А что, разве бывает?

— Бывает, и медведь летает...

Гришаков явно насмехался над ним.

— Не пойду! — твердо сказал Юрка. Он решил скорей умереть, чем сдвинуться хоть на шаг с этого места.

— Иди!

— Не хочу!

Не успел Юрка и опомниться, как Гришаков сгреб его, взвалил на плечи и валенками вперед понес в глубину тайги. Он нес его, чувствуя, как кулаки колотят его по спине, как валенки больно бьют в живот. Тогда Гришаков пятерней левой руки обхватил обе ноги. Теперь лишь кулаки колотили его по спине, но они только выбивали из телогрейки каменную пыль, и издали казалось, что спина взрывника дымится.

Бурильщики захохотали, когда Гришаков поставил Юрку на землю перед Зиминым.

— Вот,— сказал взрывник,— в целости, сохранности.

Юрка был весь мокрый, красный, ушанка съехала на лоб, губы вздрагивали. Он хотел что-то крикнуть, но не успел...

Тяжелый взрыв потряс тишину. Воздух сдвинулся. Земля под ногами дернулась. Огромный клуб бело-желтого дыма взлетел над тайгою, и плотное, упругое эхо, сжатое узким ущельем Ангары, ринулось от берега к берегу и, замирая, покатилось на север. Гришаков, прислушиваясь, был серьезен и тих. Новый взрыв еще большей силы толкнул воздух, качнул сосны и лиственницы, и еще не появился в небе дым, как что-то черное и быстрое, словно стая ворон, мелькнуло вверху, и в тайге все затрещало, заухало, и послышались тупые удары о землю.

— Так,— сказал Гришаков,— сработала.

Больше он ничего не сказал. Он зашагал к берегу. За ним, ступая в следы его огромных валенок, двинулись остальные. Юрка не мог смотреть на Гришакова, на его гигантскую молчаливую и крепкую, как скала, фигуру, на его стеганку с оторванным хлястиком — Юрка оборвал, когда взрывник тащил его сюда,— на его хмурое черноусое лицо.

Юрка плелся сзади. Слезы застилали ему глаза, и он, не попадая в след, то и дело ступал в целину. Он был сломлен, он был раздавлен. После всего, что случилось, ему нечего было больше делать в этой бригаде.

Скоро по сторонам стали попадаться глубокие дырки в снегу — следы от упавших камней. На многих деревьях были срезаны толстые сучья и ветки. И вдруг Юрка увидел лиственницу, знакомую лиственницу с ободранной корой у комля. Все ветки на одной ее стороне были словно сбриты, а в том месте, в том самом месте, где он хотел укрыться, лежала пудовая глыба, оторванная от скалы.

И что-то раскаленное пробежало по жилам и обожгло его, и сразу высохли слезы, и он стоял и неподвижными глазами смотрел на эту глыбу. А потом вдруг словно опомнился и побежал догонять своих.

Пакетик ваты

Свет не знал более упрямого человека, чем Юрий Щукин, или, попросту, Юрка. Он был высок, дурашлив, с полудетским лицом, мягкие черты которого еще не устоялись. Работал он на дорожном участке, водил грейдер, но как только узнал, что у Ангары начинаются буровые и взрывные работы, тотчас едва ли не самовольно удрал в бригаду Зимина. Как многие ребята его возраста, он был нескладен, быстро рос, и его длинные кости не успевали обрастать мясом. Но в этом нескладном теле жила возвышенная, героическая душа, которая жаждала подвигов. Он учился в девятом классе вечерней школы рабочей молодежи, помнил огромное количество цифр: сколько электроэнергии даст будущая гидростанция в целом и каждая турбина в отдельности, куда пойдет ток, какой высоты будет штормовая волна на новом море...

Он, в сущности, был замечательным парнем, этот Юрка Щукин, да только вот больно уж упрям. Он никак не хотел работать на скале в респираторе — особая коробочка с ватой, которая с помощью резиновых ремней надевается на лицо и во время бурения предохраняет легкие от каменной пыли. Увидев однажды, что Юрка бурит без респиратора, Зимин подошел к нему.

— Как работается? — спросил он.

— Ничего.

— Не наелся камня?

— Нет.

— А ну-ка плюнь.

Юрка плюнул на скалу; слюна его была густая, темно-серая от пыли.

Зимин сокрушенно покачал головой.

— Плохи дела... На месяц меньше проживешь.

— Пугаешь все.

— Надо мне тебя пугать. Цементация легких будет, вот что, все капилляры забьются пылью — и капут. Нет, так ты долго не протянешь.

С печальными, испуганными глазами, как подсудимый выслушивает приговор, слушал Юрка бригадира. И это чуть успокоило Зимина, и он, не жалея красок, расписал всю гибельность работы без респиратора.

— Придется надеть намордник,— вздохнул Юрка и натянул на лицо респиратор.

На следующий день разговор повторился.

— Да не могу я в нем! — плакал Юрка, выключив буровой молоток.— Духотища, дышать нечем! — Но после нового разговора покорно надевал респиратор.

На третий день Зимин не читал ему популярных лекций, а только пристально посмотрел на Юрку. Но посмотрел так, что парень опять сунул руку в карман стеганки за респиратором.

— Будешь еще?

— Нет.

— Точно?

— Точно.

А назавтра... Да, свет не знал более упрямого и неразумного человека, чем Юрка. В обед в обогревалке собралась вся бригада.

Юрка вскрыл банку кукурузных консервов и, ложечкой черпая желтые зерна, смачно ел.

— Юрий Александрович,— громко сказал Зимин,— на минуту прекратите обед.

Юрка перестал работать ложечкой.

— Ты опять сегодня ел пыль?

Парень угрюмо молчал.

— Этак через годик ты, можно считать, скушаешь камня с нашу скалу.

По обогревалке прошел смешок.

— Ну так вот, говорю при всех: если еще раз замечу, что ты работаешь без респиратора и дышишь этой гадостью, верну на дорожный участок. Это я тебе обещаю.

Разговор подействовал. После обеда Зимин видел, что парень сдержал свое слово. Зимин тоже не очень-то любил дышать через респиратор и натягивал его по необходимости — что поделаешь! — и поэтому очень удивился плутоватому блеску Юркиных глаз. Можно было подумать, что дышать через коробку с двумя слоями ваты доставляет ему величайшее удовольствие.

Зимин быстро спустился к нему.

— Сними-ка.

Юрка замотал головой, что-то замычал под нос, и, не выключая грохочущий перфоратор, продолжал работать. Зимин выключил его молоток, но парень сделал рукой жест, говоривший примерно: «Отстань, отцепись, не мешай мне жить!..» Но Зимину, видно, было приятно мешать ему жить. Он крепко взял его за плечи и приказал:

— Сними!

Юрка продолжал упорствовать, и пришлось силой сорвать с него респиратор. Конечно, круглая железная коробочка оказалась совершенно пустой, и Юрка дышал через нее только для отвода глаз.

— Ну и глупый же ты, парень.

Но Юрку, кажется, не оскорбило неважное мнение бригадира и о его умственных способностях.

— Вся вата вышла,— сказал Юрка,— израсходовал.

Это случилось в субботу, а в воскресенье в клубе поселка были танцы. В самый разгар веселья в большой зал ворвался Зимин. Он был в заиндевевшем полушубке и белых от снега валенках, лицо встревожено.

— Здесь Юрий Щукин? — спросил он.

Умолк аккордеон, танцы прекратились. Зимина окружили парни и девушки — разряженные, надушенные и тщательно причесанные лесорубы, бетонщицы, электрики.

— Эй, Юрка, где ты есть? — послышались голоса.— Он с утра Нюшке голову кружит.

Из толпы к Зимину протиснулся Юрка, держа за руку беленькую девушку с медными капельками сережек.

— Вот тебе,— сказал Зимин,— очень срочный пакет...

Он из кармана вытащил какой-то сверток, подал Юрке и исчез так же быстро, как и появился.

Юрка дрожащими пальцами стал разворачивать бумагу. На него наседали со всех сторон, давили, толкали в спину, дышали в затылок. Наконец он развернул бумагу. В руках его лежал упругий пакет гигроскопической ваты. Под ухом раздался хохоток, посыпались вопросы.

— А вам что за дело? — остервенело закричал Юрка, хотя сам сразу весь взмок и побагровел.— Отстаньте от меня! — И он внушительно тряхнул своими широкими, хотя еще не вполне окрепшими плечами.

Вот и все. Это случилось в воскресенье, а начиная с понедельника бригадир был от него в полном восторге, потому что Юрка был, в сущности, замечательным парнем.

Глыба

Федор вздрогнул, и по его спине пробежали мурашки, когда он услышал сзади знакомые шаги.

— Слушай,— сказал Зимин, трогая его за плечо,— там Юрка наш в сосульку превращается... Смотреть жалко.

Федор вонзил в кругляк топор и выпрямился.

То, чего он так боялся, случилось: придется лезть на эту проклятую скалу, где ветер режет лицо и леденит кровь и где жизнь человека висит на веревке в два пальца толщиной...

— О чем речь, я готов,— сказал Федор и враждебно посмотрел в глаза бригадиру. И, испугавшись, что на секунду не смог затаить своих чувств, расплылся в улыбке:— Хлипкий, взяли на свою шею...

— А там, знаешь, чуточку прохладнее, чем здесь.

— Знаю,— сказал Федор.

В голосе Зимина он почувствовал насмешку: хватит колоть дрова и возиться у печки, полезай-ка и ты, братец, на скалу...

Больше Федор не решался смотреть на Зимина: столько было в нем ненависти,— скрыть бы не смог.

У края скалы стоял долговязый парнишка с посиневшим от холода лицом и отстегивал верхолазный пояс. Рядом торчал ломик. Вчера был большой взрыв, и бурильщики с утра лазили по скале и сбрасывали вниз слабо державшиеся камни.

Передав Федору пояс, Юрка заплясал на снегу и стал усиленно дуть то в одну, то в другую рукавицу.

Федор с неприязнью посмотрел на него: худища, в чем только душа держится! Ведь лишь потому, что Юрке, видите ли, стало холодно, он должен был бросить работу у обогревалки и лезть на эту гибельную скалу. И Федору вдруг захотелось обидеть Юрку.

— Ну и дохляк ты! — сказал он, надевая пояс.

— Зато ты разъелся... Мурло!

— Это как понимать?

— Как хочешь,— ответил Юрка и отошел подальше.

— Может, на твоих харчах?

— Может...

Федор изменился в лице, но Юрка не стал дожидаться затрещины и побежал к обогревалке — одинокому домику, стоявшему шагах в ста от обрыва. Федор сплюнул: значит, не только он ненавидит их всех, беспечных и равнодушных к этой скале, они тоже держат камень за пазухой...

Прежде чем спускаться, он проверил веревку: весил он, этот крепкий, краснощекий парень, немало. Взяв ломик, он подошел к обрыву. Внизу, далеко внизу, так далеко, что и посмотреть страшно, белели торосы и валялись отколотые взрывом камни. И они, эти торосы и камни, вдруг стали расплываться в глазах, шевелиться. Федор отвернулся, закрыл глаза. Потом встряхнул головой и опять посмотрел вниз. Теперь все было неподвижно.

Он подобрал веревку и начал осторожно спускаться по скале, ставя ноги в выбоины и щели. Прежде чем сделать шаг, он, крепко держась за веревку, долго пробовал одной ногой уступ и, только убедившись, что он вполне надежен, переносил на него и другую ногу. Вдоль скалы с бешеной силой свистел ветер, выдувал из расщелин снег, сек лицо ледяной крупкой, мешал дышать.

«Вот дурак, что спутался с ними! — подумал он, стараясь не смотреть вниз.— В два пальца веревка!.. Сдохнешь ни за хвост собачий».

Захотелось курить. Он кое-как достал пачку, но ветер сломал папироску, и в его зубах остался один мундштук. Федор выплюнул его. Косматая, вся белая от инея тайга подступала к скалистым берегам Ангары, великой и безмолвной, закованной в толстый торосистый лед. И это безмолвие, тяжелое и безмерное, давило его своим величием и дикостью, и Федор чувствовал себя одиноким и ненужным, и его вдруг с неодолимой силой потянуло из этой промерзшей, неуютной Сибири в теплую деревушку, откуда он уехал сюда на заработки...

Справа доносились удары ломика, там работал Андрей, и это придало ему некоторую уверенность. Он полез дальше, шепча проклятия и сопя от страха. За две недели Федор третий раз лез на скалу, и с непривычки было трудновато. Наконец он достиг места, где вчера произвели взрыв. Здесь горная порода — диабаз — выделялась на темно-бурой скале огромным свежим пятном.

Вдруг сверху донесся голос:

— Эй, Андрей! Давай мне...

Маленькая фигурка Зимина стояла у края скалы — черная и легкая на фоне белых облаков,— и Федор опять почувствовал, как его руки и ноги наливаются тяжелой и горькой злобой: он, этот человек, послал его сюда и теперь пришел надзирать за ним... Да, Зимин недурненько устроился: получает по седьмому разряду и за бригадирство. Этак ему рубликов сто с лишним за день набегает. В месяц — тысячи четыре... Ничего! Есть за что бегать, кричать и мерзнуть на ветру. А вот, ему, Федору, едва ли две тысчонки в месяц отвалят...

Федор ощущал на своих руках, на затыл-

ке и спине взгляд Зимина: увидит, как он сползает вниз, хохотать начнет...

И Федор стал решительнее спускаться по скользким уступам. Вот первый подозрительный камень криво торчит наружу. Федор ударил по нему ногой — камень шевельнулся. Тогда он нашел трещину и начал остервенело бить в нее ломиком. Острые брызги долетали до лица, жгли, но Федор не прекращал работы. Наконец камень покатился вниз.

Чтобы передохнуть, он стал провожать его глазами. Соскочив на лед, камень с длинным упругим стуком запрыгал по Ангаре и врезался в гряду торосов.

— Видал? — прошептал Федор.— Только дрова могу я рубить?

Он опять взялся за ломик. Одни камни вылетали из своих гнезд с первого удара, другие сидели прочно, и он оставлял их.

Впереди нависла огромная глыба, тонн на двадцать. С угрюмым вызовом, по-бычьи смотрела она своим широким лбом на Федора: а ну-ка, подступи! Он подобрался к ней поближе, осмотрел. Она сидела, как показалось ему, намертво и была горда, что мощный взрыв не смог ее отколоть и унести вниз и она все еще преспокойно торчит из скалы, являясь частью ее.

От глыбы веяло стужей, и Федор почувствовал, как холод ее проник под стеганку, прожег брезентовые рукавицы: кончики пальцев мучительно заныли. Он едва удерживал тяжелый ломик.

Трещин вокруг нее Федор не заметил. Тогда, придерживаясь за веревку, он скользнул под глыбу, выбрал узкий карниз для ног и приблизился вплотную. Глыба тупо смотрела ему в глаза, едва не касаясь лица. «Под нее, пожалуй, килограммов пять взрывчатки нужно!» — подумал он и двинул глыбу плечом. И вдруг его облил горячий пот: глыба шевельнулась и плотно прижалась к плечу. Нет, он не чувствовал ее многотонной тяжести, не чувствовал, но она тесно придвинулась к нему.

Его охватил ужас. Перед глазами все поплыло. Он стоял, боясь дохнуть, и ощущал, как по спине течет пот, как от гулких ударов сотрясается все тело, и казалось, от этих ударов сотрясается вся скала. Но он стоял неподвижно, словно сам был частью этого дикого камня. Потом голова прояснилась, мысль заработала четко. Он все понял: глыба едва держалась на нескольких точках опоры, он тронул ее, и она сошла с одной из них, и он сам стал этой точкой.

Решение пришло сразу: надо быстро отпрыгнуть в сторону.

Федор выпустил из рук ломик, покрепче взялся за веревку и стал потихоньку поворачивать ступни ног вправо, куда он решил сделать прыжок. Незаметно для себя он чуть сдвинул корпус, и глыба еще плотнее прижалась к нему. Теперь держать ее просто было тяжело. Федор понял, что никуда не уйдет от этой глыбы, она раздавит его так же легко, как нога человека давит в тайге ягодку клюквы...

И он стоял, прижавшись к ней, стоял и чувствовал, как по телу бежит уже холодный пот. Уйти нельзя, это ясно. Если бы он находился сбоку, еще можно было бы попытаться отпрыгнуть, а то ведь он стоит в середине глыбы...

— Федор, где ты? — вдруг донеслось сверху.

Он хотел отозваться, но не смог раскрыть рта, так напряжено было все тело. Казалось, если он раскроет рот, он невольно сдвинется, и глыба еще плотнее навалится на него. Она и так давила все тяжелее и тяжелее, и он с каждой минутой дышал учащенней, упираясь руками в шершавый камень.

— Федор! — голос раздался ближе.

— Я здесь, я здесь... Помоги мне...— отозвался он, но и сам не услышал своего голоса. Он даже не прошептал эти слова, а только слабо шевельнул пересохшим языком и губами, а может, эти слова только промелькнули в его сознании, и ему показалось, что он прошептал их.

Легкий шорох скользнул где-то рядом, но Федор не мог повернуть голову.

— Чего не откликаешься? — спросил Зимин.

Федор ничего не мог сказать, он только несколько раз беззвучно открыл и закрыл рот, точно зевал. Глыба все настойчивее давила ему на плечи, коленки занемели и, казалось, вот-вот подогнутся. Странная тишина, тяжелая и острая, пахнущая больницей тишина вошла ему в уши и стала медленно растекаться по телу, и он понял, что теряет сознание. Но вдруг в этой тишине оглушительно, как взрыв, прозвучали слова:

— Федор, слушай! Я возьму камень, а ты... Ты уходи, когда я скажу. Только осторожнее уходи, вниз и в сторону... Глыбу не задень. Понял?

Федор по-прежнему ничего не мог сказать. Он только моргнул глазами и почти тотчас ощутил на шее теплое дыхание.

— Давай,— прошептал возле самого уха Зимин.— Ну?

Но Федор стоял ни жив ни мертв и боялся шевельнуться. Казалось, стоит стронуться на

миллиметр, как глыба надвинется и мгновенно раздавит его.

— Уходи,— напряженно повторил голос. Федора словно прибили к скале.

— Пошел! — закричал Зимин.

Млея от ужаса, Федор оторвал плечо от глыбы и почувствовал удивительную легкость. Глыба уже не давила его, не придвигалась к нему. Она оставила его в покое. Судорожно сжимая обеими руками веревку, он очутился еще ниже и быстро отпрыгнул в сторону. Его круглое и румяное лицо както сразу осунулось, побледнело, и темные брови казались угольно-черными. Он глянул со стороны на эту глыбу, широколобую, серую, дикую, и увидел под ней маленькую фигурку в ушанке и валенках, с блестящими кольцами на верхолазном поясе, и она, эта тонкая фигурка, удерживала многотонную глыбу... И когда Федор подумал, что минуту назад он стоял на ее месте, к горлу подступила тошнота, и он, чтоб не упасть, прижался к холодной стене.

— Саша! — закричал он, впервые называя бригадира по имени.— Саша! А ты... Как же ты?

Он стоял и чувствовал, что огромная тяжесть не отпустила его, она еще давит и давит ему на плечи.

С замирающим сердцем увидел Федор, как Зимин медленно повернулся лицом к глыбе, удерживая ее грудью и руками. Потом произошло что-то непонятное: Зимин стремительно подпрыгнул, поджав ноги, и оказался над глыбой, а она прошла под ним и, увлекая водопад камней, загрохотала вниз. Зимин ударился о стенку и повис на веревке. «Жив ли?» Но вот он зашевелился, уперся валенками в скалу и, перехватывая руками веревку, как гимнаст, отвесно полез вверх.

Когда Федор, ослабевший и мокрый, коекак взобрался на скалу, Зимин уже отвязывал от колец веревку. На его лбу вспухли две большие шишки, левая щека была рассечена, и из нее на снег текла кровь.

Федор почувствовал, как внутри его все переворачивается.

— Саша...

Он хотел сказать еще что-то, но голос у него дрогнул.

— Пурга будет завтра,— сказал Зимин.— Смотри, какое небо.

Он отвязал веревку, бросил ее на землю и приложил к щеке горсть снега. Когда снег набух и стал весь красный, он бросил мокрый с отпечатками пальцев комок на землю и взял новую горсть.

— Пурга будет. Ну и везет же нам...

Федор подошел к нему, не зная, что делать, что сказать, куда деть свои большие, тяжелые руки.

Зимин, прижимая к щеке горсть снега, пошел к обогревалке, а Федор остался на краю скалы. Он смотрел вслед Зимину, и невыносимая тяжесть каменной глыбой все сильнее и сильнее давила ему на плечи.

И впервые за два года не показалась ему Сибирь такой неуютной и холодной.

СОЛНЕЧНАЯ ПЕСЕНКА

В. Товарков

Что за чудо песенка!
Песенка,
Как лесенка.
К солнцу поднимается,
Птицей откликается.

Что за чудо песенка!
Песенка,
Как лесенка.
С этажа и на этаж
Утром дом обходит наш.

Вот скользит она лучом,
Вот звенит дверным ключом.
Вот шуршит по мостовой
Жесткой новенькой метлой.

Вот скрипит она галошей,
Вот кряхтит,
Кряхтит под ношей.

Слышишь? Книгой шелестит.
Слышишь? Зябликом свистит.
Слышишь? Щелкает замком.

Юный друг, ты с ней знаком!
Это песенка рассвета.
Город будит песня эта.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ

Тридцать пять лет — большой срок. За такое время беспомощный малыш превращается во взрослого человека, умного, сильного, успевшего совершить немало хорошего в жизни.

Организации юных пионеров-ленинцев исполнилось тридцать пять лет. У самых первых пионеров уже головы серебрятся сединой, а в отрядах за тридцать пять лет выросли и возмужали новые поколения ребят в красных галстуках.

Они давали торжественную клятву перед красным знаменем, дружно работали в отрядах, становились комсомольцами, кончали школу и выходили в широкий мир, в большой мир взрослых людей, чтобы строить, трудиться, совершать подвиги для великой цели — коммунизма.

Пионеры всегда были верны своей клятве, красному знамени, заветам Ленина. Любовь к труду, любовь к знаниям, стремление помогать старшим и быть полезными Родине — вот законы пионерской чести.

Какое бы большое дело ни поднимала страна, пионеры становились в общий строй с коммунистами и комсомольцами, чтобы в меру своих сил помогать им.

Годы идут. У каждого времени свои требования, своя героика. Сегодняшние пионеры вместе со взрослыми строят жилые дома и на маленьких речках своими руками сооружают хоть и небольшие, но настоящие гидростанции, такие, что дают свет родной школе и колхозу.

Только за последнее время пионеры Украины собрали столько старого металла, что его хватит на полтораста тракторов. Переработав бумажный утиль, собранный пионерами Белоруссии, можно сделать сто двадцать миллионов тетрадок. По всей стране шумят сады, посаженные заботливыми руками юннатов.

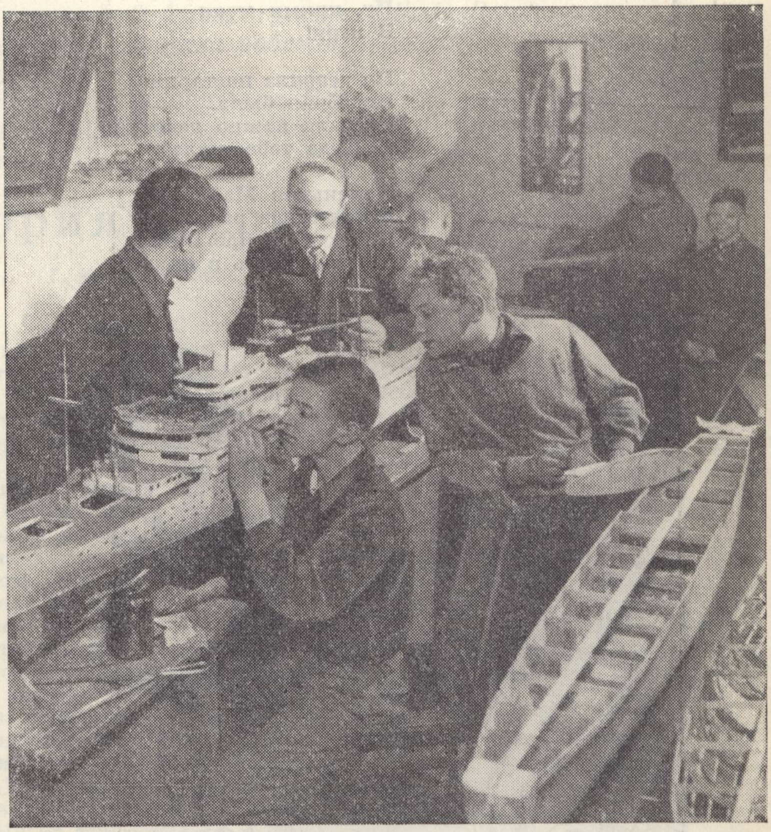
Подвигами ребят заполняются все новые страницы пионерской Книги Почета, которую ведет Центральный Комитет комсомола.

В этой книге имена смелых помощников в охране границ, имена ребят, мужественно тушивших лесные пожары, ребят-садоводов, ребят-птицеводов, ребят-строителей.

Умножайте и дальше ваши славные дела, пионеры! Будьте готовы!

1922 год. Пионеры Краснопресненского отряда готовятся к походу на озеро Бисерное, где будет самый первый пионерский лагерь. Всем звеном ребята делают у себя в отрядной мастерской тапочки.

1957 год. Пионеры из судомодельного кружка во Дворце культуры имени Горбунова готовят к Фестивалю управляемую по радио модель океанского теплохода «Советская Россия».

МАЛЕНЬКАЯ МАЙКА

Я. Аким.

Рисунки Е. Афанасьевой.

Вышла Майка
На крылечко
В первый ясный
День весны.
Смотрит:
Девочка постарше
В мяч играет у стены.

Хлоп в ладоши —
И поймала.
Покружилась —
И поймала.
Через ножку —
И поймала.

Скачет мячик у стены.
Все кругом удивлены.

— Знаешь что,—
Сказала Майка,—
Брошу я,
А ты поймай-ка.
Я сумею,
Я не вру.
Ну, прими меня
В игру!

Но девочка постарше
Недобрая была.
Сказала важно девочка:
— Куда тебе, мала!

Маленькая Майка
Всхлипнула разок
И, позабыв про мячик,
Пошла играть в песок.

Насыплет в ложку —
Опрокинет.
На ладошку —
Опрокинет.
Хвать в пригоршню —
Опрокинет.

Ну и сайки, ну блины!
Все кругом удивлены.

Но вот подходит
К Майке
Девочка с мячом
И говорит:
— Давай-ка
Мы крендель испечем.

Стоит она
У ящика
С услужливым лицом.
— Я буду покупателем,
Ты будешь продавцом!

Но маленькая Майка —
Даром что мала —
Девчонке-задаваке
Такой ответ дала:

— Нет, для нашего песка
Ты, пожалуй, велика!

День дружбы и борьбы

Каждому из вас, ребята, всю вашу жизнь, сколько вы себя помните, знаком радостный и торжественный Первомайский праздник. Совсем малышами, едва научившись ходить, вы важно шагали по улице с маленьким красным флажком, который купила мама. Вы еще не умели читать, но знали, что сияющие буквы из разноцветных лампочек означают: «Первое мая». Первоклассниками вы спешили вдоль своей улицы, провожая колонны демонстрантов и невольно прилаживая шаг к ритму оркестра или веселой песни...

Первомай! Есть ли праздник краше, ярче, счастливее, солнечнее, ближе!

То, что мы любим, то, что нам близко и дорого, всегда хочется лучше знать, глубже понимать.

Прислала нам письмо пятиклассница Тамара Савенкова. Она спрашивает, почему Первое мая называется пролетарским праздником, раз его празднует вся страна: не только рабочие, но и колхозники, и ученые, и школьники, и врачи, и инженеры? А шестиклассник Коля Владимиров хочет знать, могут ли в странах капитала побеждать забастовщики, раз вся сила в руках капиталистов?

Колин вопрос, хотя в нем и не упоминается Первое мая, тесно связан с вопросом Тамары. И мы думаем, что ответы на оба эти вопроса будут интересны всем вам, ребята.

История Первомая

Г. И. Петровский

Мне, старому члену Коммунистической партии — а в партии я уже шестьдесят лет,— хотелось бы рассказать и тебе, Тамара, и всем твоим сверстникам, всем юным ленинцам о Первомайском празднике.

Было раньше так: богатый человек или целая группа богачей откупала несколько сотен или тысяч гектаров земли, нанимала рабочих для того, чтобы на этом месте они строили заводы, шахты и рудники. У рабочих не было никаких средств для жизни, и поэтому они вынуждены были за нищенскую заработную плату продавать свой труд, свое мастерство, свои силы, свое здоровье богачам. Рабочие строили фабрики и заводы, делали замечательные машины, добывали железо и уголь, нефть и золото. Они своим трудом обогащали капиталистов, а сами голодали. Они воздвигали дворцы, а жили в лачугах. Ткали прекрасные ткани, а ходили в лохмотьях.

Рабочий день во многих странах был не меньше одиннадцати — двенадцати часов. И рабоч... все время добивались его сокращения. Ло... восьмичасового рабочего дня имел громадное ...чение, он подымал на борьбу с капитали...

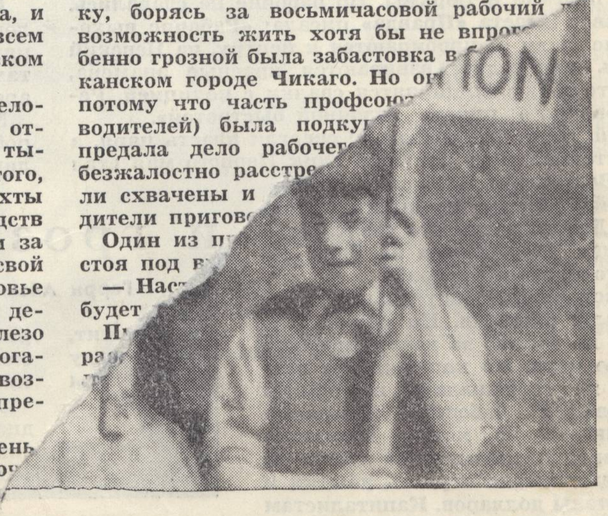
С этим лозунгом связана и вся история Первомая.

В 1886 году в США рабочие объявили забас... ку, борясь за восьмичасовой рабочий д... возможность жить хотя бы не впрого... бенно грозной была забастовка в ... канском городе Чикаго. Но он... потому что часть профсою... водителей) была подку... предала дело рабочег... безжалостно расстре... ли схвачены и ... дители пригово...

Один из п... стоя под в...

— Наст... будет ...

П... раз...

...ндоне в прошлом году. Ребята требуют лучших школ.

торую пролили рабочие, замученные капиталистами, погибшие в борьбе. На знаменах — лозунги рабочего класса: «Восьмичасовой рабочий день», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», «Мир народам».

Днем этого боевого праздника был назначен день начала чикагской забастовки — первое мая.

В следующем, в 1890 году рабочие вышли первый раз на свою международную первомайскую демонстрацию.

Праздник прошел почти во всех странах организованно, торжественно, грозно. Рабочие демонстрировали свою силу, свое единство, свою волю к борьбе. С тех пор Первое мая празднуется каждый год. Не раз в этот день улицы городов обагрялись рабочей кровью. В смертельном страхе перед единством рабочих буржуазия стремилась задушить расправами рабочее движение. Так было почти во всех странах.

Русские рабочие отмечали впервые день Первого мая в 1891 году. На окраине Екатерингофского парка в Петрограде было организовано тайное рабочее собрание — первая маевка. В России рабочим жилось еще тяжелее, чем в Америке или в Англии и Франции, и страшнее был полицейский надзор, а рабочее движение только еще начиналось, поэтому в первые годы рабочим приходилось отмечать Первое мая не демонстрациями, а маевками. Рабочие тайно собирались где-нибудь за городом, в лесу или в овражке, слушали ораторов, договаривались о дальнейшей борьбе с хозяевами. Чтобы полиция не выследила маевку, выставляли часовых, условливались о пароле и пропускали к назначенному месту лишь надежных людей.

Все-таки царским шпионам иной раз удавалось выслеживать маевки и арестовывать рабочих.

Революционеры готовили рабочих к празднованию Первого мая. Они объясняли значение этого праздника на сходках рабочих и в листовках. В 1896 году первомайскую листовку написал великий Ленин, которого царские власти в это время держали в тюрьме.

Год от года рабочие в день Первого мая выступали все более и более решительно. Они стали устраивать в этот день забастовки, устраивали даже демонстрации, хотя полиция их разгоняла, ...реляла в рабочих; многих убивали, арестовыва-...осали в тюрьмы. Но рабочие не сдавались. ...зета «Правда» писала: «Рабочие выхо-...пробираются к центру, на Невский ...взвиваются красные знамена, ...вятся свалки с полицией. Ре-...зочной быстротой».

...е свергли власть царя, а ...ник Первого мая стал

На этой старинной гравюре изображена казнь вожаков чикагской забастовки в 1886 году.

праздником победившего народа, праздником освобожденного труда. И теперь все трудящиеся нашей страны в этот день демонстрируют свою мощь, показывают, чего они уже достигли за годы Советской власти, чего должны достигнуть на пути к коммунизму. Так же радостно и победно проходит Первомай в странах народной демократии.

Но, выходя на улицы ярко расцвеченными колоннами, мы вспоминаем о наших братьях в капиталистических и колониальных странах. Ведь там этот праздник все еще проходит под угрозой арестов и расстрелов.

Мы знаем: все ближе то время, когда рабочие победят во всем мире и станут хозяевами счастливой, цветущей, преобразованной планеты.

и грозное оружие

Гарри Айзман

...ожит, ...обеду ...ты

рабочей солидарности я знаю с детства, она и меня самого вырвала из тюрьмы, когда я был пионером и жил в США.

Это было давно, еще до войны, в конце двадцатых годов. Мы, юные пионеры США, всячески старались помогать рабочим в их борьбе. ...ам, где нельзя было пройти взрослым рабочим, ...м были мы, пионеры.

...феврале 1929 года происходила стачка рабо-...швейников Нью-Йорка. Одна фабрика про-

должала работать, и это могло сорвать стачку. Необходимо было во что бы то ни стало привлечь рабочих этой фабрики на сторону забастовщиков. Но у входа на фабрику день и ночь дежурили полицейские. Они и близко не давали подойти забастовочным пикетам. Однажды рано утром мы, пионеры, пришли к месту, где собрались рабочие пикеты, и вызвались пойти вперед, чтобы отвлечь полицию. Не успели мы подойти к воротам фабрики, как полицейские набросились на нас. А пока они гонялись за нами, забастовщики проникли на фабрику и добились того, что ее рабочие присоединились к стачке. Правда, пионерам крепко досталось от полицейских. Десятерых ребят арестовали и увезли в тюрьму. Но и за решеткой, усталые, голодные, мы пели революционные песни и даже смеялись. Настроение у нас было приподнятое, потому что мы помогли рабочим в их борьбе.

Вскоре после этого Коммунистическая партия США организовала в Нью-Йорке антивоенную демонстрацию. Пионеры пришли вместе со взрослыми. Полиция напала на нас. Участников демонстрации избивали, арестовывали. Среди арестованных был и я. Меня осудили на шесть месяцев «исправительной» тюрьмы для подростков. «Исправительная» — это лишь название. Туда сажали ребят, чтобы запугать их, сломить их волю. Но через месяц моего заключения открылся в Москве Первый Всесоюзный слет пионеров. Когда участники слета услышали о том, что в Америке пионер заключен в тюрьму, они решили начать всемирную кампанию за мое освобождение. Сколько стало приходить ко мне с воли хороших, теплых писем от советских, китайских, немецких, английских, французских пионеров! Сколько радости мне доставили эти весточки братской солидарности!

Через год меня снова бросили в тюрьму, на пять с половиной лет, за участие в демонстрации безработных. Но благодаря массовой кампании, которую развернули советские пионеры во всем мире, я был освобожден.

Это было четверть века назад...

А как сейчас борются рабочие?

И сейчас борьба продолжается.

Летом прошлого года на одной из центральных улиц Нью-Йорка в самый разгар движения вдруг появилось несколько сот мальчиков и девочек со своими матерями. У всех в руках были картонные плакаты с надписями:

«Наша семья не может выдержать снижения зарплаты у Вестингауза!»

«Вестингауз бросил в тюрьму моего папу за то, что он был в забастовочном пикете!»

Это были жены и дети бастующих рабочих турбинного завода в местечке Лейстер, недалеко от города Филадельфии. Шесть тысяч рабочих-электриков вступили в борьбу с одной из крупнейших и могущественнейших американских фирм — компанией Вестингауз. И вот семьи забастовщиков пришли из Лейстера в Нью-Йорк, чтобы

Первомайская демонстрация в Лондоне в прошлом году. Ребята требуют лучших школ.

Забастовка докеров США.

своей демонстрацией привлечь сочувствие рабочих Нью-Йорка.

Двести девяносто девять дней продолжалось единоборство электриков с капиталистами. Чего только не предпринимала компания Вестингауз, чтобы вынудить рабочих сдаться! С самого начала забастовки она заручилась судебным предписанием, которое запрещало бастующим рабочим выставлять пикеты у завода. Но рабочие должны были обязательно выставить пикеты, чтобы не допустить на завод штрейкбрехеров. И за это тотчас были арестованы двадцать шесть руководителей забастовки. Вместо заключенного в тюрьму забастовочного пикета был создан новый, и он действовал не менее решительно! Все попытки компании Вестингауз доставить на завод штрейкбрехеров кончились провалом. Двести девяносто девять дней рабочие бастовали, и не было ни одного штрейкбрехера!

Завод стоял. Оборудование и материалы ржавели. Ни одной турбины не вышло за десять месяцев из его цеха. Но капиталисты все-таки не соглашались выполнить требования рабочих. Компания Вестингауз не хотела истратить ни цента на повышение зарплаты и предпочитала терпеть убытки в миллионы долларов. Капиталистам не жаль было никаких средств, лишь бы разбить единство рабочих, уничтожить прогрессивный профсоюз электриков и его отделение № 107, которое непосредственно руководило стачкой.

Компания Вестингауз рассчитывала, что время принесет ей победу, что голод вынудит рабочих уступить. Так оно и вышло бы, если бы не дружба, не классовая солидарность.

Забастовочный комитет обратился ко всем профсоюзам и к населению за поддержкой в борьбе.

Бастующие рабочие посетили более восьмидесяти тысяч квартир и собрали в забастовочный фонд тысячи долларов, десятки тысяч банок с консервами. Ежедневно грузовики с продуктами прибывали на пункты, где выдавалась помощь тем, кто нуждался.

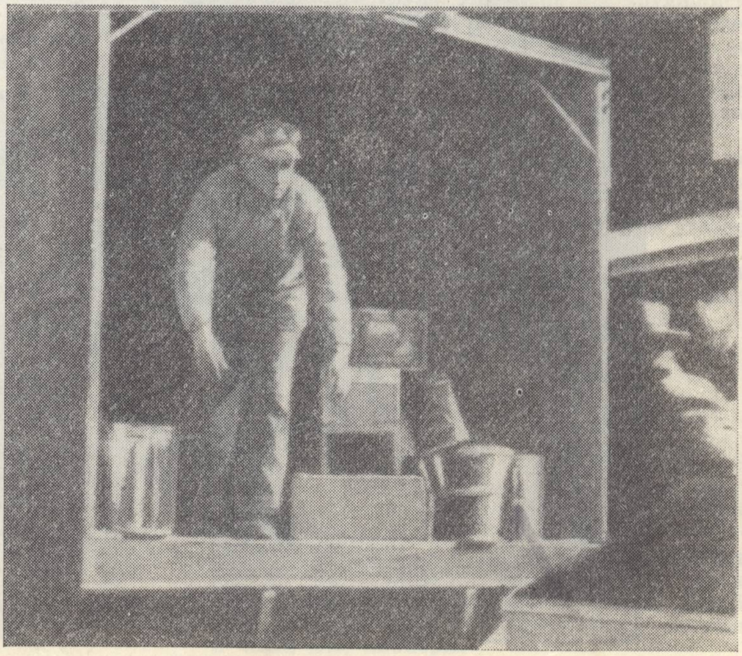
Повсюду простые люди радушно встречали бастующих рабочих.

Члены «Объединенного профсоюза электриков», которые работали на других предприятиях, каждый месяц делали добровольное отчисление от своего заработка в фонд забастовщиков турбинного завода. Профсоюз горняков послал чек на сумму 2 500 долларов. Весь рабочий класс поддерживал бастующих электриков. Это единство вынудило власти освободить из тюрьмы членов забастовочного комитета.

Все двадцать шесть человек вышли на свободу.

После десяти месяцев забастовки рабочие победили. Компания Вестингауз вынуждена была не только отказаться от снижения зарплаты, но и повысить ее.

Такие стачки возникают то и дело на разных предприятиях. Одни стачки длятся не так долго, как в Лейстере, другие даже дольше, и каждая стачка представляет собой «маленькую войну» между рабочими и капиталистами. Когда рабочие сплочены, они в состоянии заставить хозяина

Грузовик с продуктами, которые собрали рабочие для бастующих электриков компании Вестингауз.

удовлетворить их требования. Часто бывает и так, что объявляют забастовку рабочие одного предприятия, а чтобы ускорить победу, прекращают работу и другие. Совсем недавно забастовали докеры — портовые рабочие Атлантического побережья США. В знак солидарности с ними забастовали и докеры Тихоокеанского побережья и Мексиканского залива. Впервые в истории США все порты были парализованы. Ни один пароход не мог выйти в плавание. Рабочие стойко держались, не поддавались никакому давлению. И они победили!

Почти в то же время — 14 февраля — победоносно кончилась самая длинная и самая тяжелая забастовка в Западной Германии. Сто двенадцать дней бастовали металлисты Шлезвиг-Гольштейна.

Эта победа перепугала немецких капиталистов. Министр хозяйства Федеративной Республики Германии Эрхард заявил, что если другие рабочие последуют примеру металлистов Шлезвиг-Гольштейна, то это создаст «почти смертельную опасность» для теперешней экономики Западной Германии.

Французские войска в Алжире разгоняют забастовщиков.

Но совсем не всегда, Коля, рабочие бастуют за улучшение своей жизни. Рабочие объявляют забастовку часто в помощь народу другой страны, против несправедливости, против колониальных преступлений своей буржуазии.

Вот, например, ты знаешь, что Франция захватила Алжир и старается выкачать оттуда все богатства. Народ Алжира ведет борьбу за свое освобождение. Чтобы подавить эту борьбу, правительство Франции послало в Африку войска. Рекой льется кровь в Алжире...

Рабочие Франции в возмущении называют эту войну не иначе, как «грязной войной». В знак солидарности с алжирцами они устраивают демонстрации, забастовки, отказываются грузить поезда и пароходы, на которых правительство направляет в Алжир войска, оружие и боеприпасы.

Во многих странах Африки, Ближнего и Среднего Востока рабочие организовали всеобщие однодневные забастовки солидарности с алжирцами. Когда в африканский портовый город Касабланку прибыла на пароходе французская воинская часть, то докеры порта не дали солдатам высадиться. Теперь французские военные власти больше не пытаются посылать в Алжир войска через Касабланку.

В 1954 году точь-в-точь такие действия рабочих Франции и других стран заставили французские власти прекратить другую грязную войну — войну против вьетнамского народа. Нет сомнения, что колонизаторы вынуждены будут убраться и из Алжира.

Вот, Коля, что значит товарищеская поддержка. Чем крепче эта товарищеская поддержка, эта классовая солидарность, тем легче рабочим побеждать. Нет, рабочие не беспомощны перед своими врагами! Они успешно отстаивают свои права. Забастовка — могучее и действенное средство борьбы. Пролетарская солидарность — великая, несокрушимая сила.

(Окончание)

Повесть М. Прилежаевой.

Рисунки О. Коровина.

Первый удар

Приближалось рождество 1894 года. Двадцать третьего декабря работа на Семянниковском заводе шла спорее обычного, мастеровые с отчаянной спешкой заканчивали последние «уроки» перед праздником. В воображении уже рисовались картины близкого отдыха, настроение в цехах и мастерских было мирное, ждали гудка. В положенный час его низкий, с хрипотцой голос разнесся по всем закоулкам завода, давая команду станкам остановиться.

Шабаш! Завод умолк.

Бабушкин, бросив работу, торопливо прибирал инструменты. Спать! На сегодняшний день он ничего больше не желал и не мог: доплестись кое-как до квартиры, завалиться на койку и досыта выспаться! Праздник настанет завтра.

Нечаянно его взгляд упал на одного из рабочих, с которым он жил не во вражде и не в дружбе, а в самых безразличных отношениях. Этот рабочий, человек уже пожилой, богатырского сложения, характера скрытного и неясного, по имени Филипп Афанасьевич, не проявлял интереса к политике. Бабушкин сторонился его.

«С получкой задержка»,— понял он, видя, что Филипп Афанасьевич, кончив работу, подстелил возле тисков кацавейку и, опершись на расставленные колени локтями, свесив голову, сидя спал. И другие рабочие не собирались домой. В мастерской было не шумно, но людно.

Вошел мастер в новых скрипучих сапогах, с тихоньким сытым лицом.

— Ребятушки, потерпите денег до вечера.

Филипп Афанасьевич проснулся и, собираясь с мыслями, непонимающе глядел на него.

— Потерпите, говорю. Промашка вышла маненько...

— Что толковать! — сообразив, о чем речь, услужливо согласился Филипп.— Погодим. Чай, не плеток дожидаем...

Во всех углах мастерской поднялся смутный недружелюбный говор:

— Своего жди, как милости!

— К вечеру принесут ли? Может, только посул?

— Уж это беспременно! — суетливо обещал мастер.— Артельщикам велено: как вырвут деньги из банка, без оглядок мчать на завод. А посчастливится, и раньше ночи управимся.

По группам рабочих пошел ропот, но осо-

бого возмущения не было. Привыкли. Редко случалось, чтобы жалованье давали в срок: гудок остановит работу — часа четыре после толпятся рабочие в заводском дворе, пока позовут в контору получать деньги.

— Ребятушки, расходитесь по квартирам, кто ближние. Опосля наведаетесь. Не уплывут ваши денежки промеж рук. При вас останутся,— бегая глазами, приговаривал мастер.— Пропить-то успеете,— пошутил он.

— Сам нахлестался до времени! Харя! — стегнул его чей-то голос из дальнего конца мастерской.

Мастер, бледнея, открытым ртом вдохнул воздух, скрипнул сапогами в сторону голоса, но одумался.

Филипп Афанасьевич снова поднял голову:

— А вы зря не шумите. Что, начальству для нас хужего хочется? И радо бы ублаготворить, в банке загвоздка...

— Главное, уж и «ха-а-ря»! Языки-то змеиные. Чуть что, так и жалить,— повторял мастер, но, не решаясь вести розыск, почел за лучшее оставить рабочих в покое.

Некоторые из них прилаживались поспать возле станков, как Филипп Афанасьевич, другие слонялись без дела взад и вперед по мастерской и во дворе, те, кто жил поблизости, разбрелись по домам. То мирное, почти торжественное настроение, которое в предчувствии праздника воцарилось к концу рабочего дня на заводе, было нарушено.

Бабушкин решил сходить домой, часика три отдохнуть.

Во дворе, как и в мастерских, кучками собирались рабочие, топтались на холоде, дуя в кулаки, поглядывая на проходную, откуда должны были появиться артельщики с деньгами.

— Лучше б работать, все лишнее выработаешь. Толкись здесь!

— Эксплуатация! Вся на виду,— сказал Бабушкин.

— Как ни хошь назови, а брюху от того не сытее. Шляйся до ночи здесь!

Бабушкин пошел к проходной, через которую негустым потоком медленно вытекал на улицу из завода народ; сторожа привычно и ловко, почти не задерживая, обшаривали ладонями штаны и куртки выходящих, с улицы во двор втекал обратно встречный поток; беспокойство нарастало, гнетущая тревога ощущалась в этом бессмысленном движении людей, глухом гуле голосов, потупленных взорах. А на улице, как нарочно, в полном разгаре стоял морозный, блистающий день с выписанными серебряным инеем ветвями деревьев, с ледяными узорами окон, звонким снегом, ребячьими криками; и только сумрачная толпа рабочих, толкущихся возле завода, бросала на праздничную улицу тень.

Рядом с заводом вытянулось одноэтажное деревянное здание цвета позолоченной охры, отгороженное от уличных зевак резным палисадником. Сторож развел на обе стороны ворота — пара резвых коней вынесла со двора на улицу легкие саночки под бархатным ковром. В санях, слегка откинувшись на спинку, сидела дама в бархатной ротонде с высоким воротником, из которого, как из рамы, картинно выступало подрумяненное морозом нежное личико. Это была жена управляющего. Сам управляющий, инженер-технолог Иван Осипович Ярковский, горбоносый, с брезгливо оттопыренной нижней губой, опирался обеими руками на палку черного дерева и, высоко держа голову, незрячими глазами глядел на рабочих, не различая их.

— Рас-сту-пись! — крикнул кучер.

Толпа нехотя раздалась, и сани, визгливо пропев полозьями, унеслись в направлении города. Бабушкин глядел им вслед, пока они не скрылись из виду.

«Эх, была б на заводе крепенькая горстка людей, потребовали бы от начальства закона! Мало еще сознательных людей у нас на заводе».

Пришлось извиниться перед хозяйкой, что не принес вовремя плату за харчи и квартиру. Старуха собрала на стол, подала по случаю поста пустые щи и пшенную кашу с конопляным маслом.

— Скоромным в рождество разговеемся.

Пока квартирант обедал, она сидела на кончике лавки, подперев щеку рукой, и задумчиво жевала губами, похожая на отъездившую век лошадь.

— Мой покойник, бывало,— вдруг заговорила она,— пока в люди поднялся, натерпелся... Бывало, ходют за получкой-то, ходют. Кланяются, просют... А кто больно требовать станет, в кутузку запрут. Выпорют там. И замолчишь.

Бабушкин отодвинул миску с недоеденной кашей.

— Что сентябрем насупился? Ешь.

— Спасибо. Сыт.

Он дотащился наконец до постели и, не думая ни о чем, уснул мертвым сном.

Проснулся он поздно. Темно. В углу тихо теплится огонек. Завтра сочельник, старуха убрала икону вырезанным из бумаги узором и зажгла перед богом лампаду. Отчего-то эта икона с плоским изображением божьего лика на темной доске и фиолетовый, неживой свет лампады вызывали тягостную скуку.

— Где начальство попряталось? Подавай его сюда!

— Что уставился? — спросил Бабушкин бога.— Уж и надоел ты мне здесь!

Он собирался мысленно порассуждать о религии, но, вспомнив о получке, вскочил с постели и, наскоро одевшись, помчался на завод.

Был десятый час. Густо-синее небо, усеянное необыкновенно крупными, лучистыми звездами, медный серпик луны, будто только что вылуженный, такой новенькой была его желтизна, мерцающий иней, мороз и безмолвие — все создавало впечатление глубокого покоя зимней ночи. Но, подбегая к заводу, Бабушкин убедился, что покой ночи обманчив.

Не заглушаемый шумом машин, из завода выплывал грозный гул. У заводских ворот, над которыми раскинул чугунные крылья двуглавый орел, по-прежнему толпились люди; движение, начавшееся еще днем, продолжалось сейчас: рабочие безостановочно слонялись через проходную в заводской двор и обратно, на улицу, сторожа бросили понапрасну обшаривать проходящих; толпу качало из стороны в сторону, взад и вперед.

— В контору айда! — раздался зов.— Объявлять будут...

Народ повалил в проходную. Дверь под напором затрещала, грозя сорваться с петель. Бабушкин увидел прижатого к стене мастера с измятыми, как тряпки, слинявшими щеками.

Двор был запружен рабочими.

— Плати деньги! — вопил сиплый, видимо, уже искричавшийся голос.— Плати! Завод в щепы разнесем!

— Где начальство попряталось? Подавай его сюда!

— Братцы! Управляющий с супругой рождество отгуляют, а наши-то бабы...

— Крушить управляющего!

— Стойте, ребята! Обождите! Да что это, батюшки!

Над толпой поднялось переменившееся, будто подтаявшее лицо мастера; он вскарабкался на ящик и с маху колотил себя в грудь:

— Ребятушки! Поберегитесь греха! Остановитесь! Побойтесь злодейства!..

Его не слушали. На высоком крыльце конторы появился управляющий. Толпа качнулась к крыльцу.

— Начальство вышло. Помолчите, что скажет начальство.

Управляющий был без шапки, в распахнутом полушубке на белой овчине, его горбоносое, холеное, с пухлыми губами лицо, казалось, было подернуто пылью.

— Кровосос! — пустил кто-то из толпы.

Он притворился, что не слышит.

— Рабочие и мастеровые! — привычно-начальственным тоном, властно окрикнул он, выдержал паузу.— Деньги сегодня не ждите. Администрация хлопотала — банк отказал. Приходите завтра с утра.

Ответом на эти слова было молчание. Казалось, стоит этому человеку в небрежно распахнутом полушубке нечаянным жестом выдать страх — толпа ринется на него и сомнет. Лицо управляющего окаменело, только налитый холодом взгляд стал напряженней.

— Завтра с утра,— повторил управляющий и, словно только сейчас догадавшись, как опасен этот поединок с безмолвной толпой, не выдержав его дольше, быстро ушел.

* * *

...День загублен. Приходится в семьи под праздник с пустыми карманами идти... Но властный тон управляющего и определенность его обещания подействовали на рабочих успокоительно. Отводили душу, ругались, кляли заводское начальство, а все-таки мирно расходились по домам до утра.

Случайно Бабушкин по дороге столкнулся с Филиппом Афанасьевичем. Пошли вместе.

Мороз к ночи усилился, снег под ногами гремел, будя уснувшие улицы. Черными стеклами глядели на дорогу лачуги, не дождавшиеся с завода хозяев. Только в доме управляющего нарядно и ярко светились окна. Сквозь тонкий тюль занавесей видны были курчавые зеленые лапы рождественской елки.

Филипп Афанасьевич плюнул:

— Праздник, говорят.

— Что отворачиваешься? Хоть на господскую радость поглядеть. Своей-то немного.

— Ты не дразни,— пробурчал Филипп.— У тебя семеро по лавкам не скачут...

Он поерзал под кацавейкой спиной и, запустив за воротник пятерню, сосредоточенно скреб.

— Саднит тело от пота, мочи нет. Загадывал в баньке нынче попариться... Вернусь без получки домой, будет мне банька!

Помолчали.

— Докричится! Не хочешь, а по уху съездишь,— добавил он скучно.

— Это за что ж? — задохнулся Бабушкин. Равнодушие, с каким Филипп пригрозил жене, будто съездить ее по уху — все равно, что огреть поленом дворнягу, наполнило всего его едкой тоской.

— Какая, однако, получается интересная связь! Задержали плату рабочим. Рабочие зря в ожидании день проволынили. У капиталиста процент на деньги нарос. А жене рабочего слезы... На заводе-то мы смирные,— протянул презрительно Бабушкин.— С мастерами мы обходительные. Начальству слова поперек не скажем...

Он с насмешкой перечислял все противные ему привычки и свойства Филиппа, не замечая, что тот отрывисто дышит и бледнеет. Вдруг Филипп сбросил с рук варежки, рванулся, вцепился Бабушкину в шею, едва не ломая, запрокидывая назад ему голову. Бабушкин близко над собой увидал меловое лицо с одичалыми глазами, нечесаную разбойничью бороду.

— Смутьян! В контору тебя, смутьяна, сволоку...

— Пусти! Ну! — прохрипел Бабушкин, силясь вырваться из железного обруча, все крепче сжимавшего горло.

— Смутьян, а! Бунтарь! Из-за вас... этих самых... Вся жизнь качается,— бессвязно бормотал Филипп.

«С ума он свихнулся»,— пронеслось в мозгу Бабушкина.

Но руки на его горле обмякли, приступ бешенства у Филиппа остывал.

— Твою науку слушать — в острог угодишь,— бросая Бабушкина, сказал он, все еще прерывисто и трудно дыша.

— Ничему я тебя не учу,— возразил Бабушкин, потирая помятую шею и удивляясь, как она осталась целой.

— Не учишь! Про капиталистов рассказываешь!

— Что про них рассказывать? Без расска-

зов ясно. А злобу на жене вымещать совестно.

— Тебе какая до чужой жены забота? Свою заведи, да и милуй. Заступник!

Они шли одиноко по пустынному тракту, вдоль которого вязли в снегу сонные лачуги, кривые заборы да убранные морозным инеем ивы. Не слышно голосов, не видно огней. Ночь. Бабушкин давно миновал свою квартиру, какое-то любопытство вело его за Филиппом, какая-то недоуменная жалость...

«Умелец-рабочий, цены нет, а темный человек. Хомут у него на шее — семья. Только ведь все с этим хомутом живут, а слепые не все».

— Мастер-то переполошился! — неожиданно, как будто без всякой связи вспомнил Филипп. Смешок согнал хмурь с его бородатого, недобро замкнутого лица.— Гляжу давеча, мастер наш наизнанку рад вывернуться.

— Приметил! — одобрительно усмехнулся Бабушкин. Такой благоприятный поворот разговора его обнадеживал.— А управляющий-то! Тоже перетрусил не лучше,— подхватил он.— Только что виду не подал. Выдержка!

— А что...— осторожно начал Филипп, словно пробираясь в потемках ощупью.— Гляжу я, это самое... командуют начальники, а нашего брата вроде боятся!

«Зашевелил мозгами, тронулся!» — ликовал Бабушкин.

— Слушай, Филипп Афанасьевич! — доверительно положил он на плечо ему руку.— Надо нам всем, понимающим рабочим, вместе быть. Вместе мы сила. Были бы организованные...

Но с Филиппом что-то случилось. Он сошвырнул с плеча руку Бабушкина.

— Ты чего? — отступил Бабушкин, видя перед собой прежнее, окутанное мраком лицо: снова Филипп Афанасьевич, как улита, заполз в свою раковину.

— Вот что, парень, отстал бы ты от меня,— с угрозой выговорил он.— Я ведь смекаю, к чему ты речь клонишь. И книг мне читать не давай. Вы книгами маните, знаю, это самое, да... Не желаю я их читать! Организованные! А не хошь ли с завода вон да по нашему Шлиссельбургскому тракту в самое крепость до смерти? Нет уж... Завтра выпью с получки, на том и остыну. Прощай, покуда! Ну да... это самое... прощай, говорю! — выкрикивал Филипп, словно в бегстве, шагая аршинными шагами вперед от Бабушкина, загребая, как веслами, воздух руками. По снегу рядом с ним шагала его громадная черная тень, так же качая на ходу длинными, не гнущимися в локтях руками.

«Дернуло меня с ним язык распустить! — ругал себя Бабушкин.— Правда, ничего такого я ему не сказал. Разболтать вроде нечего. И не станет Филипп болтать: молчун».

Он вернулся домой. Жарко натоплена печь. Дремотная тишина. Ни звука, ни шороха. Сон.

Бабушкин не зажигал огня.

Сквозь оконце глядело к нему в горенку небо, полное звезд, разгоравшихся к морозу все синее, все ярче; осыпанная инеем береза, как заколдованная, стоит под окном; бесшумно привалился к забору ночной синеватый сугроб.

«Скорее бы завтра! Праздник. И школа!» — подумал с неожиданной нетерпеливой радостью Бабушкин.

* * *

С такими мыслями Бабушкин уснул и с ними встал на завтрашнее утро, решив непременно на первом же занятии кружка поделиться своими впечатлениями с лектором, а сегодня обсудить все с Никитой Меркуловым.

Но день сложился совсем иначе, чем рассчитывал Бабушкин.

Первым человеком, кого он увидел в заводском дворе, был полицейский пристав. В полной форме, со шнурами, при шашке, он оглядывал проходящих, стоя на конторском крыльце, и, должно быть, давненько! Мороз уже побелил его щеточки-брови и похожие на рыбьи плавники реденькие колючие усики.

— Проходи!

— И то прохожу.

«Что б это значило?» — подумал в недоумении Бабушкин.

Народ собрался, как в будний день,— загуди гудок, и машина на полный ход заработает. Но гудок не гудел, станки молчали, начальства не видно.

Настроение у рабочих было хорошее. За ночь отоспались, вчерашнее раздражение улеглось, терпеливо дожидались получки.

Филипп Афанасьевич с отмытым лицом, на котором стали вдруг видны бирюзинки-глаза, раскачиваясь на массивных, как тумбы, ногах, подошел к Бабушкину и, конфузливо улыбаясь, сказал:

— Чуть не помял тебя, парень, вчерась.

— Чуть не в счет. Крику не было дома?

— Откуда крик? У меня, парень, баба разумная. Моя-то баба из всей Невской заставы. Слова против не молвит. А у меня нрав такой: мне не перечь — и я смирный.

Он долго и обстоятельно рассуждал о жене

и ребятишках, которым к вечеру посулил вязку баранок, о том, какая ладная у него семья. Рядом неторопливо велись такие же домашние, мирные разговоры.

Между тем время текло, вот уже и обеденный час миновал, короткий зимний день угасал и мутнел, а артельщики с деньгами не показывались. Незаметно обстановка на заводе менялась: лица суровели, снова началось вчерашнее бессмысленное движение людей взад и вперед, но в мастерских было все еще тихо, когда чей-то ясный и отчетливый голос, как бы удивляясь, сказал:

— Братцы, а ведь обманул управляющий!

На секунду мастерская замерла, и вдруг тишина раскололась.

Так в летний, беззвучный от зноя день внезапно зашумит в верхушках деревьев неизвестно откуда взявшийся ветер, затрепещут листья осин, смятенно каркая, поднимется с гнезда ворона,— с края неба, дымясь, наползает зловещая туча, неся бурю.

Голос, сказавший об обмане управляющего, был набатом. Его только и ждали. Народ лавиной хлынул из мастерской. У выхода образовалась давка. Из других цехов и мастерских, также словно поднятый всполохом, валил на волю народ. А из проходной слышались грохот, лязг, рев: рвали с петель двери и рамы, били наотмашь стекла, со звоном сыпались на пол осколки.

Над грохотом, треском и скрежетом, не утихая, стоял злобный, исполненный отчаяния крик:

— Получку пла-а-ти!

— Где начальство поскрывалось? Выдавай его сюда!

— Плати деньги! Нахапали наших копеек, животы-то себе откормили! Ребята, ищи мастеров, сюда их, к ответу!

Сам не заметив как, Бабушкин очутился за оградой завода. Необычное зрелище предстало ему, сердце заколотилось жутко и весело; он не мог собрать мыслей, забыл думать, как надо сейчас ему действовать, а только смотрел, смотрел и смотрел, жадно запоминая первый на своем веку крушащий, ломающий, грозный, губительный рабочий бунт.

Улица была запружена темной массой народа, ее шатало, кружило, вздымало на дыбы; рев, свист бушевали под заводскими стенами. С окрестных улиц и сел, с чужих фабрик подбегали новые толпы людей:

— Семянниковцы бастуют, ура!

Просвистел первый камень и ударил в двуглавого орла над воротами. Дан знак — и вот полетели палки, комья каменного угля, булыжник, кирпич — часто, поспешно, жестоко, как град.

У орла отбили клюв.

Брызнул стеклами и, закачавшись, повис головой набок фонарь, лампа погасла.

— Лавку громят!

Бабушкина, как в тиски, сжало народом, он не вбежал, а, скорее, внесен был толпой в узкий тупичок рядом с заводскою стеною, где стояла хозяйская лавка.

Лавку громили. Дверь была выбита, лавка зияла черной, словно в недоумении разинутой пастью. Там были мрак и хаос. Какие-то люди остервенело крушили топорами и кольями, чем под руку попадется, хозяйский товар. Топтали, швыряли вон. На улицу извергались из лавки пачки чая, летели фунтовые глыбы сахара, плюхались под ноги и на головы людям мокрые сельди, караваи ситного шмякались в снег; из выкаченной на крыльцо бочки фонтаном хлестало золотистое подсолнечное масло.

Вдруг среди орущих, пьяных от возбуждения людей Бабушкин различил Филиппа. Он вышел из темного отверстия лавки, шатаясь, в изодранной куртке и, прижимая к груди ящик с розовенькими мятными пряниками, остановился на крыльце. Он хотел что-то сказать и объяснить, но, не находя слов, в исступлении мычал несвязно, на одной монотонной ноте:

— Мы-ы-ы!

Бабушкин видел: Филипп занес над головой ящик с розовенькими пряниками, раскачал и с силой брякнул о ступеньки крыльца. Ящик раскололся, пряники попрыгали по ступенькам, стуча, как камешки. Мальчишки с визгом бросились подбирать, пихая в карманы и на животы под рубашками.

Филипп вытер лоб локтем.

«Не то он делает»,— мелькнуло в голове Бабушкина. Здравый смысл его спорил против этого губительного погрома, но страшная стихия мятежа заражала, тушила рассудок и волю.

«Засудят Филиппа. Надо его отозвать»,— беспокойно подумал он, но не решался окликнуть Филиппа по имени, боясь выдать. А с улицы накатывалась волна нового рева:

— Управляющего жечь!

Толпа отхлынула от лавки, и Бабушкина понесло с толпой из тупичка на улицу.

Флигель управляющего, наглухо закрыв ставни, мертво молчал. Кто-то навалил к запертому подъезду щепы и поленьев, раздобыли керосину из разбитого фонаря, и пламя, еще несмело, как бы примериваясь, зазмеилось оранжевыми ручейками, растекаясь по

костру, чтобы охватить его разом, вскинув к крыше столб жаркого дыма и искр.

Костер разгорался, оранжевые ручейки плескались резвее, толпа примолкла, с восторгом и страхом ожидая развязки, когда где-то позади возник резкий, судорожно нарастающий звук трубы: мчалась пожарная часть.

Труба резче, пронзительнее, ближе, и в толпу ворвался вестовой в медной каске и заплясал подле горящего крыльца, разгоняя народ.

Труба трубила тревогу, жеребец бил копытами снег. Через несколько минут гладкие кони с широкими, как ворота, задами, роняя с губ клочья грязно-желтой пены, примчали к пожару сани с баграми, лестницами и бочками, облитыми льдом. Пожарные повскакали с саней, оцепили флигель, наставили лестницы, заметались, нацеливая на костер брезентовые рукава, и скоро все окончилось: огонь в костре опал и послушно угас, обугленные поленья пошипели и затихли.

Пожарные не разъезжались. Брандмейстер, дюжий детина в одном мундире и каске, так низко надетой, что лицо со срезанным лбом казалось квадратным, бегал между бочками, отдавая пожарным какие-то приказания, и исступленно орал на народ:

— Пшел по домам! Пшел!!! Разойтись!..

Народ стоял.

Брандмейстер махнул рукавицей. Будто хобот слона, поднялся пожарный рукав, покачался в раздумье и принялся стегать по толпе ледяной струей, как железным прутом. Толпа отшатнулась. Люди побежали, придерживая шапки и пряча лица в ладонях; мокрая одежда мгновенно дубенела на морозе, дымясь паром.

Брандмейстер все махал и махал рукавицей: хоботы поднимались и, выкидывая вверх водяные столбы, окачивали толпу ледяным ливнем.

— Окоян...— не своим голосом закричал рядом с Бабушкиным старый рабочий, похожий на праведника с древней иконы. Струей ударило его прямо в лицо, он беззвучно, как скошенный, повалился навзничь. Бабушкин подхватил и почти волоком оттащил его на противоположную сторону улицы, к забору у чьей-то хатенки. Сюда пожарные рукава не доставали. Бабушкин вытер шапкой рабочему лицо, оно вспухло от удара, из полузакрытого глаза била слеза.

Теперь все происходящее вокруг стало казаться Бабушкину диким, терзающим воображение сном, все было спутанно, неправдоподобно, как в бреду, разворачивалось с непостижимой быстротой и жестокостью, нельзя было понять и объяснить, что происходит.

Пожарные еще окачивали водой поредевшую толпу, гоня ее от завода, а со стороны города, дробно цокая копытами, подскакал на подмогу казачий конный отряд и рассыпался с шашками наголо вдоль заводской стены. Завод стал походить на осажденную крепость. И тогда, словно крысы из щелей, повылезли на свет осмелевшие городовые; покрикивая, зашныряли среди рабочих мастера. Кого-то схватили. Женский безумный вопль сотрясал воздух:

— Караул! Убивают!

Кого-то вязали, ломая руки, тащили в участок. Начиналась расправа.

Бабушкин снова увидел Филиппа. Его вели двое городовых. Они повисли у него на руках, третий,— тот самый пристав, с белыми щеточками бровей и колючими усиками, которого Бабушкин заметил утром возле конторы,— придерживая Филиппа за шиворот, с деловым видом, как будто выполняя важную работу, размеренно пинал его в спину кулаком. Филипп не сопротивлялся. Он шел, с трудом передвигая ноги, не пытаясь освободиться.

Убитость Филиппа перевернула Бабушкину сердце.

«Весь сразу и сдался!»

— Вы куда без вины человека ведете? — крикнул он городовым, догоняя Филиппа.

— Проваливай,— бесстрастно отвечал пристав, продолжая пинать Филиппа между лопатками.

— Какое вы право имеете рабочего человека бить?

Группа семянниковцев, на расстоянии сопровождавших Филиппа, подошла ближе; теперь городовые вели его под рабочим конвоем.

— Им правов не требуется. Они нашего брата безо всякого права лупят.

— А что, ребята, так и всякого схватят, если в руки даваться?

Сейчас, когда семянниковцы шли рядом, Бабушкин чувствовал, как кипит и клокочет в нем буйство, которое обычно он умел усмирять; вся осторожность и выдержка были забыты.

— Отпустить его, слышь! Кому говорят!

— Пра-ва-ливай!

Вдруг Филипп остановился.

Он похож был на кряжистый дуб с обломанными сучьями; из вырванного рукава клочьями торчала вата, кацавейка изодрана в лохмотья, полуголая волосатая грудь неровно вздымалась. Он медлительно, как буд-

Бабушкин подхватил старика и почти волоком оттащил его на противоположную сторону улицы.

то очнувшись от сна, недоуменно оглядел городовых, словно только сейчас их заметил, удивился; угрюмый лоб, исписанный беспорядочными морщинами, выражал мучительное усилие мысли.

— Пусти,— коротко вымолвил он, стряхивая с себя городовых.— Сам пойду.

— Ах, ты... такой...

Пристав выругался деловито, будничным тоном, как привык ругаться в полицейском участке, занес над Филиппом кулак и... отвел, не смея ударить. Семянниковцы придвинулись ближе.

— Вы что надумали? — заорал пристав, вдруг утрачивая нахальную свою бесстрастность.— Противление власти?!

Он схватился за свисток.

Но в это время поблизости, у заводской проходной, окруженной рабочими, разыгралось новое событие. Подкатили пароконные санки с жандармом на запятках. Кучер осадил лошадей, жандарм, соскочив с запяток, откинул полость и вытянулся перед высшим чином в струну. Из санок довольно поспешно для своей грузной комплекции вылез пожилой представительный генерал в серебристо-серой шинели на красной подкладке.

Здорово, братцы! — как-то слишком уж торопливо и бодро обратился он к рабочим, едва выйдя из саней.— Здорово, мастеровые!

Он ожидал, в ответ гаркнут, как обычно: «Здрасте... ваше... ство!» — или, по крайней мере, раздастся нестройный приветственный гул. Но никто не ответил.

Генерал смешался. Щеки генерала, разрисованные сеткой склеротических, лиловеньких жилок, залились огнем стыда и гнева: надо было спасать генеральский престиж, кого-то немедля распечь.

— Главного конторщика сюда! Вмиг! — загрохотал он, топая по снегу сапогами.— Я покажу вам, как закон нарушать! Чтоб сейчас были деньги рабочим! Вмиг! Шкуру спущу с виноватых!

Пристав, держа руку у козырька, понесся к конторе. Генерал передохнул. Самолюбие рабочих обласкано. Но почему же они попрежнему стоят вокруг генерала недружелюбной толпой?

Если бы не боязнь, что его здесь же, возле проходной, втопчут в снег,— махнуть бы перчаткой, и казаки, зверь к зверю, вклинятся в бунтующий сброд, посчитают им головы шашками. Но канун рождества—неудобный для экзекуций момент, да огласка, да заграница, заграничная пресса...

— Что это вы, братцы, бунтовать надумали? — заговорил генерал.— В самый сочельник беспорядки устроили, ась? Люди в церковь, а у вас на заводе безнравственность? Совестно перед народом в святой день бунтовать!

— Хапнули нашу получку да нам же теперь бунт и припишут! — дерзко раздалось из толпы.

Генерал круто обернулся на голос, но никого не поймал.

— Никто вам бунт не припишет. Ступайте-ка по цехам. Спокойно да тихо.

Он внушал тишину и спокойствие негенеральским, заискивающим голосом, сам не узнавая себя и в то же время в нетерпеливой досаде поглядывая на проходную. Заводское начальство медлило.

— Будут деньги. Сейчас привезут,— уговаривал рабочих генерал, вместо того чтобы грозить, ругаться, пороть нагайкой, как намеревался, когда катил сюда под охраной жандарма на усмирение беспорядков.

Наконец прибежал старший конторщик.

— Что у вас здесь за бесчинства? — гаркнул генерал на конторщика, найдя наконец, на ком сорвать гнев, и действительно до отвращения ненавидя подобострастно согнутую, жалкую фигуру конторщика, полуживого от ужаса.

— Что вы, а? Кто? Где у вас мозги, что до бесчинств допустили? А? А-а?..

— Пожалуйте на завод. Ваш... Ва... Привезли деньги. Пожалуйте...— лепетал конторщик.

— Привезли? Ну, постойте, я разберусь! Я с вас шкуру спущу!

Бушующего генерала, с налитым кровью лицом, повели в контору. Рабочие потянулись за ним.

Начальство струхнуло. Ускакали пожарные. Городовые снова попрятались.

Только казаки еще сторожили заводскую стену.

Пока генерал шумел, полицейские, схватившие Филиппа, исчезли.

Филипп стоял возле Бабушкина, лязгая зубами от холода. Его огромное, волосатое, полуголое тело судорожно тряслось, как у припадочного.

— Я смирный человек,— виновато, жалко выдавил он из себя.— Меня не трогайте, и я не трону.

— Из-за вас, смирных, и гнут нас в дугу! — бросил с презрением Бабушкин.— Грудь-то укрой. Изодрался.

Они пошли на завод.

За получкой построились очереди: длинные темные хвосты измученных, возбужденных людей.

Забегали по цехам мастера и конторщики, наблюдая порядок.

Начальство с генералом заперлось на секретное совещание в главной конторе.

Жалованье платили до ночи. К ночи завод утих...

* * *

Эти два дня оставили в душе Бабушкина незаживающий след. Испуг заводского начальства его поразил. Они нас боятся! А ведь рабочие едва силу попробовали. Иные только теперь, может, и догадались о ней, как Филипп...

На завтрашний день Бабушкин узнал, что Филипп арестован.

Рождество открылось арестами.

В церковке на Шлиссельбургском тракте, прозванной «куличом» за то, что стояла она в ограде на белом снегу, как на блюде, веселенькая, круглая, желтовато-пшеничного цвета, служились молебны за здравие царя и благодетелей церкви — окрестных промышленников; ребячьи артели ходили с крыльца на крыльцо славить за кусок пирога Христово рождение; газеты, состязаясь в умильности, печатали святочные рассказики о бедных мальчиках и девочках, которых елочный дед-мороз или сказочно прекрасная дама из высшего общества оделяют в сочельник дарами и счастьем, а в селе Смоленском стоял бабий вой, словно в каждом доме покойник.

Жандармы, не стыдясь колокольного звона и белого дня, вылавливали по квартирам семянниковцев.

Хватали по оговору, по злобе или по неопровержимой улике, как изодранная куртка Филиппа, или просто так, за здорово живешь, крутили за спину руки и волокли в полицейский участок. Участки были полны.

Бабушкин ждал: придут за ним. Не пришли.

Листовка

Утром, в самый разгар арестов, заявился Никита Меркулов. Старуха только что шепотком поведала жильцу весть: «Ванюшка, наших берут на селе!»,— когда в сенях разлилась пьяной трелью гармонь.

Никита явился в самом праздничном виде: барашковая шапка смята на висок, грудь облита шелком рубахи, в нагрудном кармане пиджака цветной треугольник платочка. Ноги Никиты лихо выделывали развеселые кренделя под гармонику. Старуха насупилась и молча побрела на свою половину. Он с плясом переступил порог, а в глазах, обычно сонных, металась тревога:

— Живо собирай что опасно!

Бабушкин кинулся к царскому портрету. Там, под портретом, брошюра «Что такое «друзья народа». Увидев эту брошюру, Никита растянул гармонику с плеча на плечо и внутренне замер. Они вместе с Бабушкиным разбирали ее. Совсем недавно сидели здесь за полночь и читали вслух по очереди, проверяя друг друга, кто что понял.

«Коммунистическая революция — вот в чем самый-то гвоздь!» — заключил Никита.

«К этому гвоздю подобраться еще надо»,— сказал тогда Бабушкин.

— Живо, не мешкай! — торопил Никита, стараясь веселее перебирать лады на гармонике.

Бабушкин наспех обшарил горницу, собрал опасные брошюры и книжки и запихал Никите в сапоги и под рубашку.

— Слушай,— сказал Никита,— если тебя возьмут...

— Пронесет, может...

— Гроза по высокому дереву бьет,— перебил Никита.— Если возьмут, знай: мы останемся.

И ушел. Гармоника поговорила под окном. Потом тишина.

Позже Бабушкина посетил новый нежданный гость.

Это было, когда жандармы устали бесчинствовать, аресты затихли.

К флигелю управляющего Семянниковским заводом плотники пристраивали на казенный счет крыльцо, в точности такое, как было, с резными перильцами. Лавочник, подсчитав понесенный убыток и поделив его между заборными книжками, приписывал к каждой для покрытия расходов лишний должок. В проходной навесили двери на петли, вставили рамы, засветился новый фонарь. Только двуглавый орел, растопыривший над воротами чугунные крылья, навек остался бесклювым.

Шлиссельбургский тракт затаенно молчал.

Гость пришел поздним вечером, почти ночью.

В дверь постучали быстро и коротко. Сердце упало у Бабушкина.

«За мной. Не оставили все-таки...»

Взгляд метнулся к портрету царя.

«Что ж! Там пусто. Спасибо Никите Меркулову. Нет у меня ничего обличительного. Спокойно!» — приказал себе Бабушкин, машинально оправил рубашку и пошел открыть дверь.

Стучался Владимир Ильич.

Бабушкин отступил, не веря глазам. Кружок в эти дни из предосторожности не собирался, но Владимир Ильич Ульянов пришел!

— Здравствуйте! — сказал он, как-то особенно крепко пожав Бабушкину руку.

— Здравствуйте...

Бабушкин запнулся, прикрыв рот горстью. Он знал теперь имя лектора, но вслух произносить остерегался.

— Заждались мы вас! — сказал он и рассмеялся по-мальчишески неудержимо-счастливым, заливчатым смехом: нечаянно он произнес тот пароль, который когда-то ему передала для первой встречи Невзорова.

Бабушкин понял: все это время он ждал Владимира Ильича.

Владимир Ильич сбросил пальто и, потирая озябшие руки, быстро прохаживаясь, спрашивал нетерпеливо, с тем настойчивым интересом и одновременно с той повелительностью, какие подсказывали Бабушкину, что ночной его приход исключителен.

Морозная ночь. Из прорубей на Неве, как

из котлов, валит пар. Тишина, только иногда услышишь под окном тревожный треск сучьев: то камнем свалилась с березы обмороженная ворона и утонула в сугробе, или крякнет от стужи бревенчатая стена. Владимир Ильич пришел весь белый, в инее; на негустой его бородке висели ледяные сосульки.

Владимир Ильич! Что ведет вас сюда, на рабочую окраину, в глухую зимнюю полночь, когда люди попрятались в тепло, на печки, позапирали дома? Не корысть. Не тщеславие. Не расчет на далекую славу. Не нужда.

— Ну, говорите! — спрашивал Владимир Ильич.— Все! Что было увидено, передумано!.. Все!

Он, не присаживаясь, шагал вдоль комнатушки во время рассказа, только иногда, чем-то в нем остановленный, быстро обернувшись, зорко всматривался в Бабушкина, словно взвешивая все пережитое им. Смуглое, остывающее от морозного румянца лицо Владимира Ильича с угловатыми и резкими линиями, зигзагами сломанные брови, молодой, поднимающийся куполом лоб, остро вспыхивающий взгляд, легкие и точные жесты — все в этом человеке знакомо и дорого Бабушкину!

— Дальше,— требовал Владимир Ильич, когда рассказ о бунте закончился приездом генерала и выдачей денег.

— Известно: аресты пошли...

— Нет, дальше.

Бабушкин понял: Владимир Ильич требует его суждений и взгляда на будущее.

— Весь завод взъярился,— вспоминал Бабушкин.— Мечется, а вожаков-то нет. Кто и сознательный, распылились, не видно. Выходит, упустили мы нынешний случай...

— Вот этого сказать нельзя! — воскликнул Владимир Ильич.— Нельзя допустить, чтобы случай выступления рабочих против хозяев прошел незамеченным.

Он продолжал ходить, иногда на минуту присаживаясь на лавке возле Бабушкина, снова вскакивал, и шагал вдоль комнатушки, и говорил; его подвижность удивительно соответствовала живости речи и мыслей, и Бабушкин снова, как всегда, узнавал в них отражение собственных мыслей о себе, заводе, товарищах и недавнем бунте. Только сейчас, в устах Владимира Ильича, они получали порядок и стройность.

— Необходимо бороться! Но как? Вот что, не ослабляя энергии, надо объяснять рабочим. Бабушкин, у вас есть перо и чернила?

— Есть-то есть...— еще не понимая, ответил Бабушкин.

— Давайте,— сказал Владимир Ильич, усаживаясь за стол и жестом приглашая его.— Объясним семянниковцам...

— Листовка?! — вскричал Бабушкин.

— Да.

Владимир Ильич вынул из-за пазухи пачку бумаги, аккуратно разложил ее стопочками на столе.

— Не слишком ли мы с вами шумим? — спросил он, взглянув на дверь.

Бабушкин на цыпочках подкрался к двери, накинул крючок. К столу он вернулся также на цыпочках, неуклюже балансируя руками, с выражением нетерпения в лице.

Вот о чем сразу и догадаться бы надо! А то сделал вывод: случай упущен. Легко, а неверно...

Бабушкин подсел к Владимиру Ильичу за стол и тихонько сказал:

— Когда среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну в сознательную классовую борьбу...— Эти слова из брошюры Ульянова «Что такое «друзья народа» он знал наизусть. Ведь знал же!

Владимир Ильич улыбнулся.

— От знания до дела есть некоторый промежуток. Давайте обсудим нашу листовку.

Они сидели рядом, касаясь друг друга плечами. Владимир Ильич держал наготове перо.

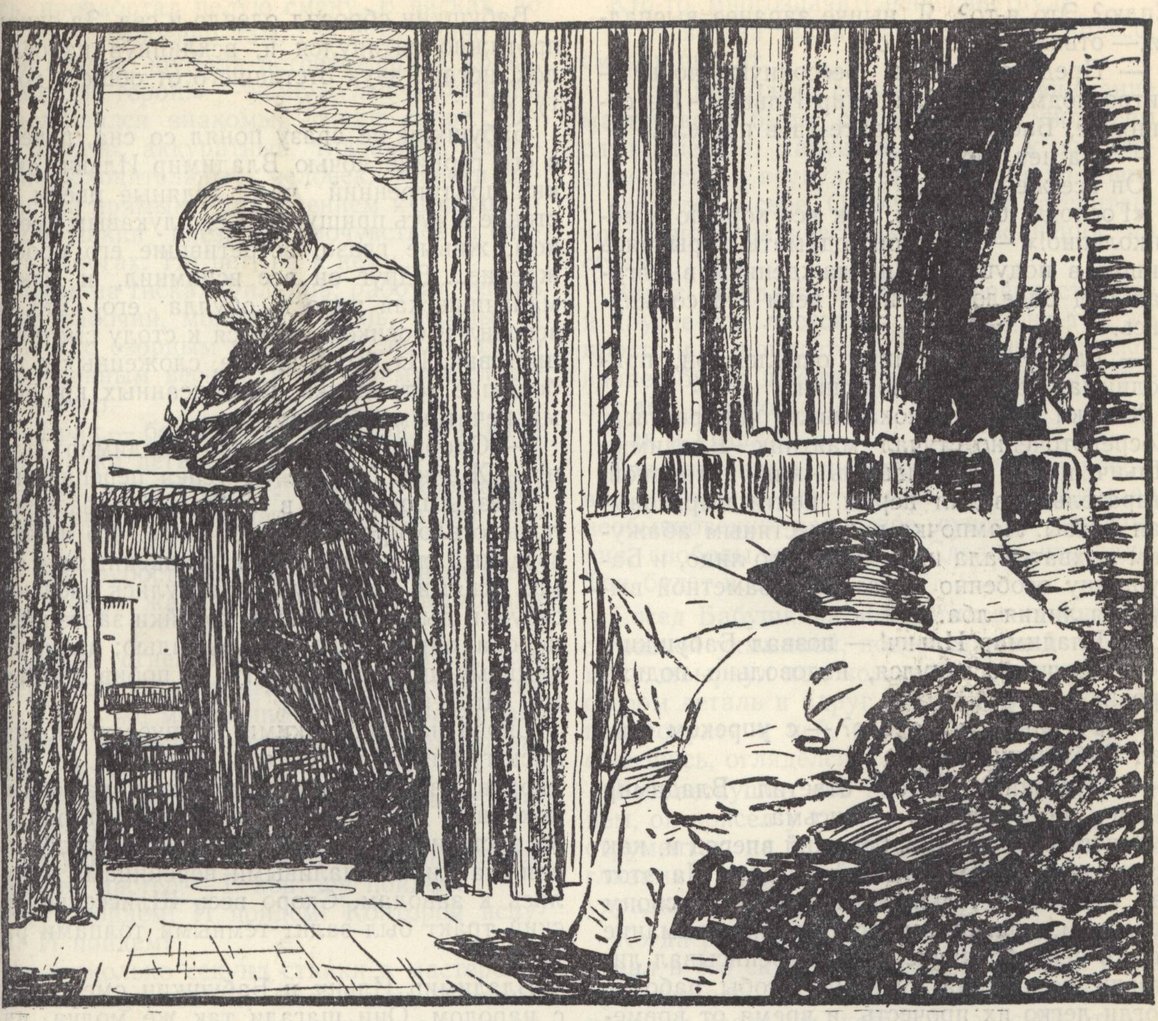
В воображении Бабушкина возникла разбитая хозяйская лавка в заводском тупике; в ушах повторился скрежет расколотого Филиппом ящика с пряниками, звон выбиваемых стекол, забрызгавших осколками в улочке снег... За эту лавку да за костер на крыльце управляющего жандармы чинили расправу.

— Нет, сознательному рабочему не кулаками надо бороться!

— Об этом и напишем! — охотно подхватил Владимир Ильич, обмакивая перо в чернила. Он писал, низко склонившись к столу. Бабушкин слышал скорый шорох пера по бумаге и близко видел высокий, рано залысевший висок Владимира Ильича, к которому уже бежали от глаза морщинки, и сердце снова колыхнулось от нежности. Никогда, ни за что не признался бы он Владимиру Ильичу в своих чувствах! Бабушкин говорил с лектором о революции, рабочем движении, прочитанных книгах, а вот о чувствах помалкивал. Зря...

— Слушайте! — прервал его мысли Владимир Ильич и прочитал первые строки.

Бабушкин невольно уронил на стол кулак, губы жестко сложились; сейчас он казался

Нужно было переписать листовки печатными буквами, чтобы рабочие могли легко их прочесть.

старше и строже своих неполных двадцати двух лет. Владимир Ильич бегло взглянул на него.

Он продолжал писать, а Бабушкин, опершись на кулак, задумчиво следил за его быстрым пером и перечислял все бессовестные порядки на Семянниковском заводе, обман управляющего, предательство генерала, налеты жандармов.

Они закончили листовку. Была поздняя ночь.

— Теперь размножать! — сказал Владимир Ильич. Он не чувствовал ночи, небывалое возбуждение овладело им.

Эта листовка молодому Ульянову представлялась событием, исполненным грозного смысла. Может быть, ей суждено обрести силу умолкшего герценовского «Колокола». Новый «Колокол»! Первый удар.

Ульянов беззвучно смеялся. Хотелось говорить. Он мечтал:

— Нас еще мало. Нам трудно. Еще долго мы будем идти, как по краю обрыва, крепко взявшись за руки. Но во всем свете нет такой силы, которая может остановить ход истории. Что такое? Вот так раз! Вы спите, Бабушкин? — разочарованно протянул Владимир Ильич.

Бедняга Бабушкин! Он изо всех сил старался бодрствовать. Он выкатывал глаза, провожая по строчкам перо Владимира Ильича, как вдруг черные мелкие буковки попрыгали со страниц и горошинками раскатились по столу. Бабушкин хотел их собрать, но голова, как подломленная, бессильно склонилась на грудь, и он провалился в бездонную пропасть.

— А? Кто? — встрепенулся Бабушкин. —

Сплю? Это я-то? Я нынче заранее выспался,— отважно соврал он.

— Предчувствовали бессонную ночь? — хитро подмигнул Владимир Ильич.— Не сочиняйте, Бабушкин! Идите-ка в постель.

— Да нет, не пойду.

Он все же пошел.

«Господи, батюшки, как все хорошо и великолепно!» — успел он подумать, зарываясь лицом в подушку, с наслаждением вытягивая под одеялом ноги. И веки его сомкнулись.

— Где я? — испуганно очнулся он, приподнимая голову от подушки.

Ходики на стене показывали четыре часа. Сосредоточенно стучал маятник. Владимир Ильич, низко склонившись над тетрадкой, старательно водил пером, почти вырисовывая буквы. Лампочка под жестяным абажуром выхватывала из темноты его лицо, и Бабушкину особенно показалась заметной выпуклая линия лба.

— Владимир Ильич! — позвал Бабушкин.

Он молча оглянулся, недовольно подняв брови.

— Усталь есть на вас? — с упреком сказал Бабушкин.

— Пустяки. Спите,— ответил Владимир Ильич, не отрываясь от письма.

У него был мелкий, бегущий вперед и, как все в нем, стремительный почерк. На этот раз Владимир Ильич был недоволен своим почерком, только сейчас обратив внимание на его неразборчивость. Он переписывал листовки печатными буквами, чтобы рабочие могли легко их прочесть, и время от времени озабоченно качал головой: дело шло не так-то быстро. Маятник стучал в тишине прямо над виском. От утомления Владимир Ильич чувствовал его каждый удар. Ему хотелось вскочить и пошагать, чтобы разогнать в жилах кровь, но надо спешить, и Владимир Ильич так и не встал из-за стола.

Гудок возник внезапно, резко нарушив ночное безмолвие, и, разрастаясь, заполнил собою ночь, небо, поселок, весь Шлиссельбургский тракт, всю укрывшуюся снегами Неву и бился в замороженное, дребезжащее в гнилых рамах оконце Бабушкина. Это Семянниковский завод звал рабочих к утренней смене. Нагоняя его, заметался тонкий, хлещущий свист соседней фабричонки, тотчас завыл другой завод, третий, и десятки гудков разбудили тишину не довершившей свое шествие ночи. Невская застава проснулась.

— Бабушкин, вставайте,— позвал Владимир Ильич, тряся его за плечо.

Бабушкин сбросил одеяло и сел. За окном протяжно затянулся и, всхлипнув напоследок, истаял звук отставшего от общего хора гудка.

Бабушкин не сразу понял со сна, почему в его горнице ночью Владимир Ильич. Зябкий предутренний час, ледяные цветы на стекле и чуть прищуренные, с лукавым смешком, живые глаза, встретившие его пробуждение... Вдруг он все вспомнил, и такая мальчишеская радость обуяла его, что он вскочил и босиком кинулся к столу смотреть листовки. Их было четыре, сложенных в небольшие тетрадочки, переписанных крупными печатными буквами.

— Одобряете? — спросил Владимир Ильич.— Жалко, больше не успел переписать...

Звезды поредели в небе; небо раздвинулось, стало просторней, бледнее: его ночной звездный свет заглушался зажженными в окнах огнями. Из труб потянулись узенькие струйки дыма. В хлеву у хозяйки завозилась корова, опрокинула пустую бадью; вяло, позимнему, проголосил петух и, побив крыльями, затих на насесте.

Снова над заводскими корпусами поднялись гудки; они гудели, гудели, а со всех дворов, из калиток, из хатенок и каменных доходных домов выходили люди и, торопливо застегивая на ходу шубейки, нахлобучивая шапки, молчаливыми вереницами тянулись к заводам. Скоро весь Шлиссельбургский тракт был залит темными толпами рабочих.

Владимир Ильич и Бабушкин смешались с народом. Они шагали так же молча, нахлобучив на уши шапки. Дыхание индевело на морозе; борода и усы Владимира Ильича стали белыми, как у столетнего, древнего деда.

Скоро Семянниковский завод.

Владимир Ильич взял Бабушкина за локоть, дружески сжал.

— Наш первый агитационный листок. Начинаем борьбу, Бабушкин! В добрый час!

Они расстались. Владимир Ильич повернул к паровичку. Подходя к остановке, он оглянулся, но Бабушкина уже не было видно.

Никогда в таком волнении не входил Бабушкин в мастерскую, где известен каждый станок, изучены все закоулки, где каждого рабочего знаешь. Бабушкину чудилось: все глаза обращены на него. Чего они смотрят? Уж не высунулся ли из-под пиджака край тетрадки? Сползет под рубахой, выскользнет на пол... Как распространяют листовки? Куда их кладут?

Всего с полчаса стоял он у станка, а каза-

лось, проработал целую смену. В висках, во всем теле, особенно там, где суматошно мечется сердце, шумела встревоженная кровь.

«Вот так герой!» — усмехнулся Бабушкин.

Заслышался знакомый скрип сапог. Вошел мастер, аккуратный, тихонький, бессовестно-обходительный человек. Сапоги заскрипели прямым направлением к Бабушкину. Бабушкин внезапно почувствовал слабость в ногах. Но нет, не к нему...

Рядом, на тисках Филиппа, работал теперь новый рабочий, молодой парень, веселый и дерзкий, с озорным скуластым лицом, густо покрапленным веснушками; к нему и следовал мастер.

— Брак,— беззлобно проговорил он, едва взяв в руки деталь.

— Чего еще? Откуда? Глаза-то хорошенько разиньте! — закричал оторопевший парень.

— За грубость штраф,— с грустным вздохом, словно жалея его, коротко вымолвил мастер.

Рабочий огненно вспыхнул; мелкие, как бисер, росинки пота мгновенно выступили на лбу, и так же мгновенно по лицу разлилась резкая бледность, и стала трогательно заметна россыпь веснушек на скулах.

— За что жизнь ломаете, дышать не даете? — тихо спросил он.

— Буянишь? — с кротким удивлением произнес мастер.— В контору пойдем.

— И пойдем! И пойдем! Конторой испугал? И пойдем!

На несколько секунд станки в мастерской приумолкли; рабочие, как один, глядели вслед мастеру, уводившему парня в контору.

— Ест человека! Поедом! Ни за что!

— Была бы спина, найдется вина.

Кто-то многозначительно свистнул:

— Известна вина! Не смазано колесо, смазки просит.

В эти несколько секунд, пока внимание мастерской было отвлечено обсуждением случившегося, Бабушкин юркнул к опустевшим тискам, всунул меж тисками листовку и вернулся к себе. Он действовал рассчитанно, точно и не чувствовал ни волнения, ни страха.

Вдруг откуда-то пришла уверенность, что и другие три листовки он устроит так же просто и не попадется и чем смелее и рискованнее будет действовать, тем меньшая грозит ему опасность.

Так и вышло.

Три остальные листовки Бабушкин рассовал по чужим мастерским. Он испытывал необыкновенно радостное чувство успокоения, свободы и легкости. Сделал что надо. Так будет всегда.

Сосед Бабушкина возвратился из конторы с гневной ухмылкой, подергивающей губы, с маху швырнул под ноги забракованную мастером деталь и вдруг заметил листовку. Он притронулся к ней, отдернул руку, будто ожегшись, огляделся, схватил.

Все веснушки его загорелись рыжим огнем, он присел у тисков, будто роясь в инструментах, на мгновение впился в листовку глазами и, еще раз оглядевшись, торопливо, украдкой спрятал тетрадочку в сапог.

Когда рабочий поднялся, Бабушкин снова узнал в его скуластом лице озорство и веселую дерзость. Они обменялись долгим, изучающим взглядом, каждый для себя открывая другого, и, доверясь друг другу, принялись за работу.

— Скорей, скорей на тридцать третью страницу, а то опоздаем в клуб! Это же неудобно: председатели, и вдруг опаздывают.

РАЗБИТАЯ ЧАША

УЗБЕКСКАЯ СКАЗКА

Рисунки В. Таубера.

В давние времена правил в Коканде жестокий Мадали-хан. Он был несметно богат, но все его сокровища не могли сравниться с драгоценной чашей, потому что она была покрыта таким тончайшим узором, что его надо было разглядывать через китайское стекло, которое во много раз увеличивало рисунок. Тысячу лет назад эту чашу создали искусные мастера Хорезма и тайну своего искусства унесли в могилу. Голубая, как небо, красавица-чаша стояла посреди дворца на золотой подставке, и сто воинов день и ночь охраняли ее.

Но вот однажды возвратился хан из похода. Он вернулся с победой и велел трубить себе славу. Трубачи-карнайчи подняли в небо свои саженные трубы и затрубили так громко, что стены дворца задрожали, а великолепная чаша упала с золотой подставки и разбилась вдребезги. Узнав о несчастье, хан так разгневался, что пламя вылетело у него из ноздрей. Три дня он не выходил из своих покоев, а на четвертый призвал к себе лучших мастеров из гончарного ряда и приказал им склеить чашу, но так, чтобы не было видно ни одной трещины.

Гончары развели руками, но хан затопал на них и закричал:

— Негодные, если я замечу на чаше хоть одну царапину, каждый третий из вас будет повешен!

С ханом не станешь спорить. Гончары собрали в мешок осколки чаши и, печальные, вернулись в гончарный ряд. Всю ночь разглядывали они драгоценные черепки, но даже самые искусные мастера не могли придумать, как взяться за дело. Наутро стон и плач поднялись в гончарном ряду. Рыдали жены, кричали дети, стонали старики и старухи, заранее оплакивая гибель своих кормильцев.

Тогда старшина гончаров, чернобородый Али, заткнул пальцами уши и сказал:

— Перестаньте кричать! Хан жесток, и слезы не спасут нас от гибели! Но не спасет ли нас старый Усман-ага? Сто лет он живет на свете, но до сих пор каждую пятницу присылает на базар полную арбу кувшинов-тануров, и знатоки платят за них по двадцать таньга, потому что даже в полдневный зной вода в этих кувшинах остается прохладной, как горный снег.

Пришлось гончарам ехать в далекий кишлак к старику Усману.

Старый гончар усадил гостей на кошму и приказал своему ученику и правнуку Джафару подать гостям зеленого чая. Долго при-

хлебывали чай гончары, они выпили уже по двенадцати чашек, а старик все еще перебирал черепки ханской чаши своими морщинистыми руками. Уже солнце склонилось к закату и по земле легли длинные тени, а старик молчал. Наконец он покачал головой и сказал:

— Нет, эту чашу склеить нельзя.

Тогда гончары заплакали еще громче, чем их жены и малолетние дети, а старшина Али воскликнул:

— Теперь, отец, нас никто уже не спасет!

— Э, нет,— рассердился Усман-ага.— Я не допущу вашей гибели! Ступайте к хану и добейтесь отсрочки на год. Год — долгий срок, быть может, я догадаюсь, как склеить эту драгоценную чашу!

Целый год никто не видел старика. Он заперся в своем доме и уже не присылал на базар кувшинов-тануров. А гончары, замирая от страха, ждали окончания срока.

И вот ровно через триста шестьдесят четыре дня все гончары города собрались на площади, но никто уже не верил в спасение. В знак горя их жены надели синие покрывала, а дети плакали так громко, будто отцов их уже не было в живых. Жестокий хан не знал милосердия. Он приказал построить помост для казни, и палачи уже готовили веревки. Наконец воины громко ударили в барабаны, возвещая начало расправы, и гончары расстались с последней надеждой.

Но именно в эту минуту все увидели старика Усмана. Гончар медленно ехал на ишаке, а следом за ним шел его правнук и ученик Джафар и бережно нес под полой халата большой сверток. Усман-ага приблизился к гончарам, и все увидали, что за один только последний год он постарел больше, чем за сто лет своей долгой жизни: руки его дрожали, а глаза почти не видели света. По обычаю, он поздоровался, не спеша сел на ковер рядом со старшиной и знаком приказал Джафару развязать сверток. И... о, чудо! Гончары увидели ханскую чашу! То, что было грудой осколков, не более ценных, чем горсть земли, стало снова несравненной ни с чем красотой! Сколько ни разглядывали гончары чашу, сколько ни постукивали по ней тонкой камышинкой, чаша звенела серебряным звоном, и этот звон отзывался радостью в каждом сердце. Спасенные гончары смеялись, плакали и пели от счастья, а старшина Али взял в руки большое деревянное блюдо и стал обходить гончарный ряд. Женщины бросали на блюдо свои серьги и кольца, мужчины щедро бросали деньги, дети, и те не хотели отставать от старших и клали на блюдо свои расшитые тюбетейки. Когда же блюдо наполнилось до краев, почтенный Али с поклоном поставил его у ног Усмана. Но старый гончар не принял подарков. Он сказал:

— Я награжден уже тем, что своим трудом сохранил для людей эту прекрасную чашу, а для ваших жен и детей сохранил кормильцев. Другой награды мне не нужно.

Не прошло и недели, как слава о чудесном мастере разнеслась по всему Коканду. На площадях, на базарах, в каждом доме и даже в мечети — всюду люди говорили одно и то же:

— Усман-ага владеет чудесной тайной! Он знает составы, связывающие и склеивающие без трещин, и разбитую вещь превращает в новую!

Гончары сказали:

— Усман-ага уже стар, и дни его сочтены. Не должен ли он передать свою тайну нашему сословию? — И стали собираться в дорогу.

Старшина и пять лучших мастеров надели праздничные халаты, заложили за ухо по цветку гвоздики и на горячих конях, как на свадьбу, поскакали в тихий кишлак.

Старый мастер терпеливо выслушал гончаров. Опустив голову, он долго перебирал свою белую бороду восковыми пальцами, а потом ответил:

— В моем ремесле нет никакой тайны. Так же, как вы, я смешиваю глину с песком и водой. Так же, как вы, обжигаю кувшины, а потом их охлаждаю. Но с детских лет я горячо полюбил свое ремесло и стараюсь достичь совершенства во всем, что бы ни делал: простой ли горшок для крестьянина или чашу для великого хана. Другой тайны у меня нет, а эта тайна доступна каждому.

Ни с чем возвратились гончары в город, но они не поверили старику. Они даже бранили мастера за то, что он так бережет тайну и не хочет открыть ее своему сословию.

Так же подумал и Джафар, ученик и правнук Усмана. Он упал старику в ноги и сказал:

— Сжалься, о отец моего деда! Кроме меня и сестры моей Сурмахон, у тебя никого нет. С малых лет мы слушали тебя и чтили тебя. Открой тайну своему ученику и правнуку, и мы еще больше будем беречь твою старость!

Но старый мастер не ответил ни слова. Он строго взглянул на юношу и молча ушел в свою мастерскую, стоявшую в стороне от дома, на берегу многоводного арыка.

С этого дня не стало мира в доме Усмана-

аги. Джафар ходил по двору печальный, как тень, сестра его плакала, не осушая глаз, а старик от зари до зари сидел один в своей мастерской и молчал.

Подошла пятница. Джафар думал, что прадед пошлет его на базар продавать кувшины, но старик сам нагрузил на арбу тануры и поехал в город. Стыдно стало Джафару, что он так обидел прадеда, и горько оттого, что прадед не верит ему и не хочет поведать своей тайны. Он сел в траву у арыка и стал думать, как поправить дело. И вдруг услышал голос сестры. Сурмахон стояла в дверях мастерской и звала его. Джафар испугался:

— Зачем ты вошла в мастерскую? Ты знаешь, что старик этого не любит!

Но девочка потащила брата к двери:

— Скорее, он ничего не узнает! Зато ты узнаешь о многом.

Джафар последовал за сестрой. Проворная Сурмахон, как ящерица, скользнула в угол мастерской и, порывшись в куче старой глины, вытащила большой сверток.

— Возьми,— шепнула Джафару сестра.— Когда я приносила прадеду обед, он рассматривал эти черепки...

Джафар развязал сверток, и — о, удивление! — это были черепки ханской чаши.

«В моем ремесле нет никакой тайны,— вспомнил юноша слова старика.— Но с детских лет я полюбил свое ремесло и стараюсь достичь совершенства во всем, что бы ни делал. А эта тайна доступна каждому».

Свет истины пронизал тьму. Джафар понял, что столетний мастер сам, своими дрожащими руками создал чашу, не менее прекрасную, чем чудо Хорезма! Каковы же должны были быть искусство и терпение его! Каких наград мог он требовать за свой беспримерный подвиг! Но он молчал, потому что только молчанием мог спасти гончаров от казни и не навлечь на себя ханского гнева.

Опустив голову, Джафар вышел из мастерской. Теперь он знал, почему прадед не открыл своей страшной тайны даже ему.

Поздно вечером заклубилась пыль на дороге. Жалкий старик в заплатанном, старом халате возвращался домой с базара на тряской арбе. Чалма его выцвела от солнца, а старые глаза слезились. Но не дряхлого старика видел Джафар: Усман-ага казался ему блистательным и могучим, всесильным богатырем — пехлеваном!

Он вышел деду навстречу и с почтением поцеловал дрожащую руку. Глаза их встретились и сказали то, о чем молчали губы.

— Живи тысячу лет, мой ягненок! — прошептал старик.— Люби свое ремесло, и я обещаю, что ты достигнешь еще большего совершенства, чем твой старый прадед...

И слова эти навсегда запечатлелись в сердце юноши.

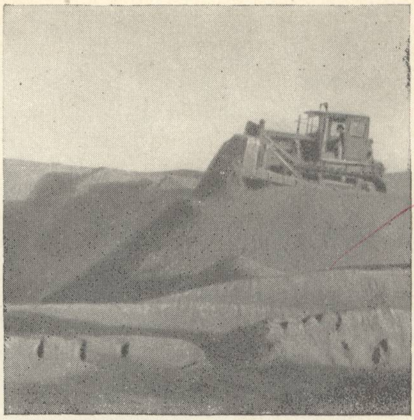
Пускай же запомнит их каждый, кто стоит на пороге жизни.

Пересказали А. Александрова и М. Туберовский.

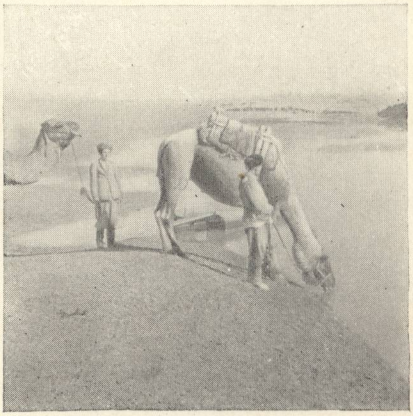

Мощный земснаряд «Сормовец-13» углубляет русло Каракумского канала. По каналу будут ходить даже большие пароходы.

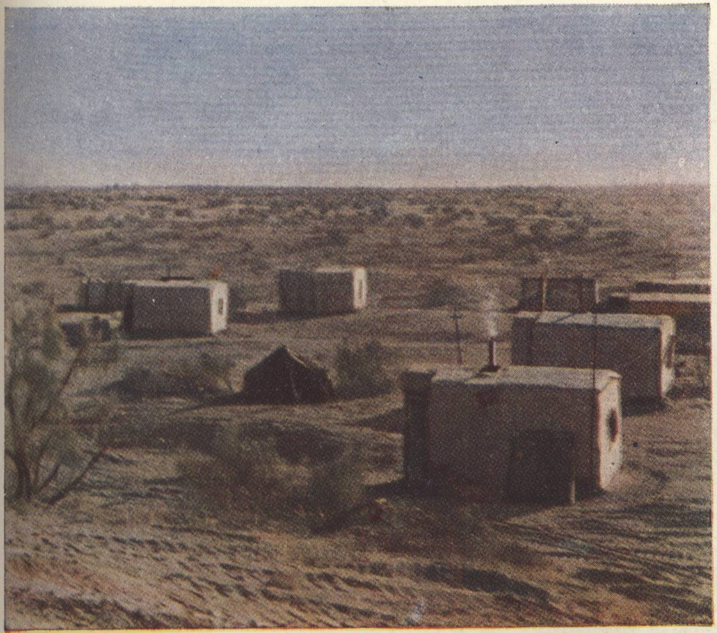

Трассу канала пересекают огромные барханы. Бульдозерам приходится передвигать горы песка, чтобы проложить путь воде.

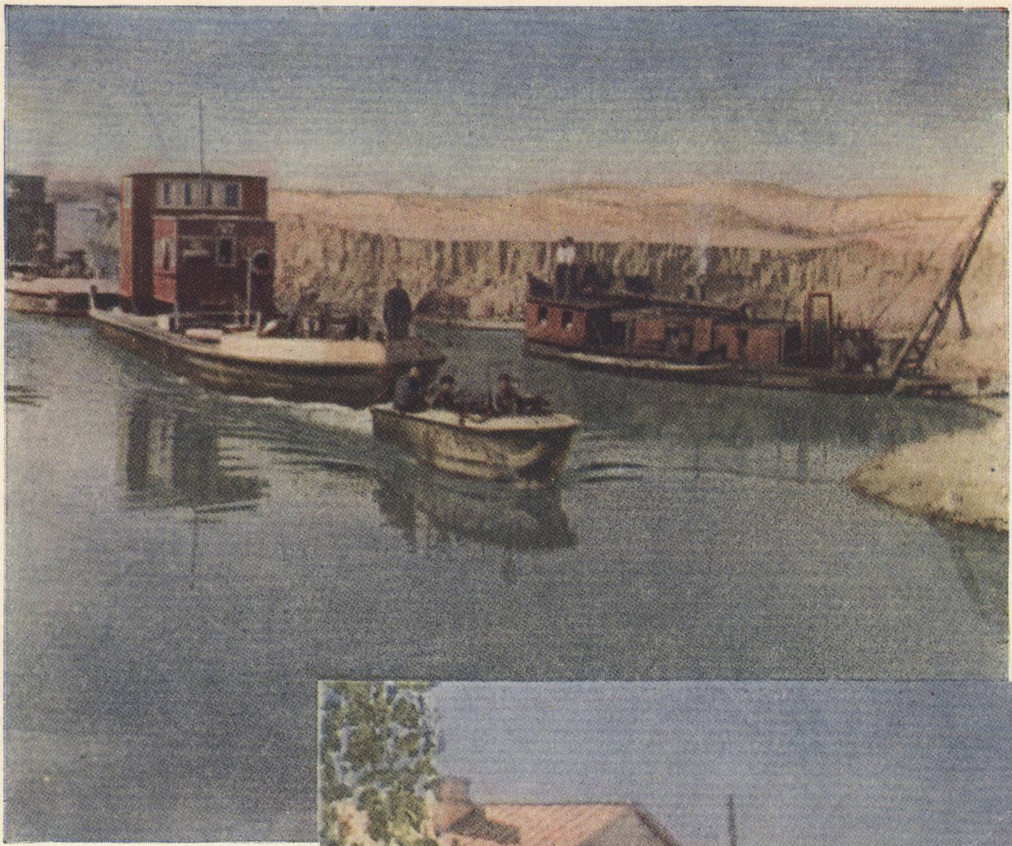
Какая вкусная вода в канале! И как много ее — пей сколько хочешь!

Внизу городок строителей. Когда они заканчивают работу на одном участке, приходят тракторы и увозят домики на новое место.

В каждом, даже временном, поселке есть школа. Стены легкого, передвижного домика, в котором помещается школа, обиты ватными одеялами и брезентом. Такому домику не страшны ветры, летом в нем прохладно, а зимой тепло.

Канал не только даст воду пустыне; он будет хорошей водной дорогой. Уже сейчас по каналу идут караваны барж.

По берегам канала возникают новые поселки. Пионеры поселка Карамет-Нияз сажают деревья у своей школы.

Вода идет в пустыню

Уже второй час самолет летит над пустыней Каракумы. Наконец под крылом блеснула темная полоса.

— Аму-Дарья, — сказал мой сосед.— Сколько воды бесполезно сбрасывает она в Аральское море! А вот теперь отберут у нее часть воды и отдадут пустыне...

Вскоре наш самолет приземлился на аэродроме небольшого городка Керки с узкими улочками, одноэтажными домами и старинной крепостью. Здесь находится Управление строительством Каракумского канала, куда я и поспешил, чтобы выяснить, как и когда я смогу попасть на канал.

Мне повезло. Я узнал, что завтра рано утром на канал уходит автомашина с кинопередвижкой. Она сможет захватить и меня.

Мы выехали на рассвете. Я не раз бывал в пустыне и знаю, что ни один шофер не уедет, не взяв с собой достаточного запаса воды. Шофер автомашины, на которой мне предстояло ехать, совсем не взял с собой воды. Когда я напомнил ему об этом, он только улыбнулся: «Ничего, не пропадем!»

Кончилась булыжная мостовая, и машина запрыгала по мягкой песчаной дороге.

С каждым километром барханы становятся все выше. Наша машина — вездеход, но и она с трудом взбирается на барханы.

Вдруг на повороте дороги я увидел огромную белую цистерну с черной надписью на боку: «Вода». Потом не одна такая цистерна встретилась на нашем пути. Так вот почему так беззаботен был шофер!

Наконец мы добрались до канала. Вода изменила все вокруг: по обоим берегам его зеленеет широкая полоса травы.

Канал пока что еще узкий. Это так называемая пионерная траншея; потом она будет расширена до тридцати пяти метров и углублена до четырех — пяти метров, так что большие пароходы и самоходные баржи смогут свободно ходить по каналу.

Аму-Дарья расположена на триста метров выше уровня Каспийского моря, поэтому не нужно перегораживать высокой плотиной бурную реку, чтобы заставить ее воду идти по каналу. Уклон заставляет воду течь «самотеком», она следует по пятам строителей, прокладывающих трассу канала.

Но что же удерживает воду в канале, почему она не просачивается сквозь песок? Оказывается, в Аму-Дарье больше ила, чем в знаменитом Ниле. Потому-то ее вода такая мутная, шоколадного цвета. Вот этот ил осаждается на стенки и дно канала, делает их непроницаемыми для воды.

К вечеру мы попали в поселок Карамет-Нияз; совсем недалеко за поселком идет строительство канала. Карамет-Нияз стоит на самом берегу канала, скоро он станет портом. В нем прямые, широкие улицы, уютные дома с большими террасами. Вдоль улиц и перед домами посажены деревья. Две лесозащитные полосы окружают поселок, защищая его от пустыни.

Эти деревья посадили строители канала, которые вскоре уйдут из поселка,— как только продвинется вперед строительство канала. Они заботятся не о себе, а о постоянных жителях-речниках, которые будут работать в новом порту.

Вот наконец и строительство канала. Вдали показался знакомый силуэт земснаряда. На первый взгляд кажется, что землесос стоит, уткнувшись тупым носом в берег. Но, подойдя ближе, мы слышим ровный гул дизеля; время от времени с шумом обваливается берег, подрытый землесосом.

Мы едем вдоль канала и вскоре подъезжаем к бульдозерам. Они идут впереди земснаряда — прокладывают пионерный канал.

Каракумский песок текучий, как вода. Если вы наберете его в горсть, он просочится сквозь плотно сжатые пальцы; «вытекает» он и из тележек скреперов. Поэтому на строительстве канала нет скреперов, здесь работают одни бульдозеры. Своим огромным, низко опущенным ножом бульдозеры срывают, разравнивают огромные барханы, углубляют траншею канала все глубже и глубже.

Когда канал соединит Аму-Дарью с рекой Мургаб, его воды оросят тысячи гектаров плодородной земли, ныне пустующей из-за безводья. По его берегам раскинутся плантации лучшего в нашей стране длинноволокнистого хлопчатника, раскинутся сады и виноградники.

В пустыне кочуют миллионные отары овец. Чабаны поят овец водой, с большим трудом добываемой из колодцев глубиною в 200—300 и больше метров. Воды канала досыта напоят колхозные отары, которые станут еще многочисленнее.

Скоро, в 1958 году, строители закончат первую очередь канала длиною в 410 километров. Она вчетверо длиннее Волго-Донского канала.

Но на этом советские люди не остановятся. Уже разработаны проекты второй и третьей очереди строительства канала. Канал будет продолжен от Мургабского оазиса до Теджена, а потом от Теджена до станции Арчман. Так будет создана в пустыне новая искусственная река длиною в девятьсот километров.

В. Степаненко

— Уфф! Все-таки успели... И уже, кажется, кто-то пришел!

— Это вовсе не сюда, это рядом. Давай приоткроем страницу, заглянем...

— Вот так история! Клуб, оказывается, на соседней странице, и там ждет какой-то незнакомец. Пошли туда!

Клуб „Пионера“

— Не догадывайся, никто тебя не просит. Мне с той страницы было плохо видно. А теперь я и сама вижу, что это художник Пименов. Ребята! Слово предоставляется Юрию Ивановичу. Слушайте! Он начинает рассказ о том,

— Вот теперь уже без ошибки. Мы в клубе.

Ребята! Все, кто отстал или заблудился, как мы с Женей, скорей сюда! И прежде всего выясним, кто этот очень заинтересовавший нас незнакомец!

— Ну, какой же это незнакомец? Вечно ты, Женя, все перепутаешь! Это пришел художник Юрий Иванович Пименов, которого мы пригласили к нам в клуб. Видишь, у него в руках большая папка. А в этой папке, как я догадываюсь...

как увидеть Москву

Знаете ли вы Москву?

Даже вы, ребята-москвичи, знаете ли вы свой город? Каждое утро бежите вы в свои школы, ходите в магазины по маминым поручениям, в кино, в Дом пионеров, на каток или на прогулку. Вокруг Москва. За окошком троллейбуса проплывают широкие мосты над темной рекой, открываются просторные площади Садового кольца, старые районы Замоскворечья. Они набегают на вас, окружают вас, эти прекрасные образы живущего, во всю силу действующего города. Замечаете ли вы их?

Большей частью, занятые своими обычными делами, вы их не видите.

Вот над маленькими старинными домами, в

Новая Москва (1937 г.). **Ю. Пименов.**

просвете кривого переулка, растет новый дом, и в один прекрасный день вы вдруг говорите себе:

«Э-э, да он, оказывается, почти достроен! И когда только успели! Ведь я каждый день мимо хожу...»

Распускаются почки на деревьях. Глядь — все уже зелено. И когда только!..

Какие сокровища, какие радости упускаем мы из-за своей ненаблюдательности! Нежный иней на деревьях скверов, разноцветные огни из окон сквозь туман... А как прекрасно золото апельсинов на лотках! Они особенно празднично выглядят на темно-сером фоне московского асфальта. И снег на черных узорах решеток, и снег, кружащийся в снопах света автомобильных фар, и мокрый осенний тротуар с отраженной в нем пестротой георгинов и астр цветочного ларька.

У художников бывают свои любимые темы. Одни рисуют исторические события, другие — море, третьи — лес, четвертые — портреты.

Мое рабочее место — на улицах Москвы. Я хожу по Москве и рисую Москву. Стараюсь это делать каждый день, чтобы каждый день прибавлять к своему хозяйству художника хоть маленький набросок в карманном блокноте. Рисовать Москву — это мое первое дело и большое счастье. Одно и то же место можно десятки раз нарисовать, и каждый раз оно будет другое, особенное, новое. Порой за один день передо мной словно сменяется добрый десяток городов. Москва рассветная, Москва солнечная, Москва хмурая, Москва, умытая дождем, Москва ветреная, Москва работающая, Москва спящая. Ранним утром она розовая, в сумерки — голубая, в темноте — мерцающая золотом огоньков.

Больше всего я люблю Москву строящуюся. Поэтому так радостно и так интересно мне рисовать строителей, тех, кто сделал и делает Москву такой прекрасной.

Для меня в них есть какое-то особое обаяние — обаяние труда, творчества, нелегких и хорошо выполненных обязанностей... Поэтому же я люблю рисовать окраины: молодые окраины молодой Москвы. Вот у меня нарисована конечная остановка у Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Но ведь для Москвы это не конец, а новое начало. С окраины она

Дорога на Москву (1952 г.)
Конечная остановка (1956 г.).
Ю. Пименов.

растет, меняет свой облик на глазах. Вместо кривых домиков встают красивые дома, улицы, парки, бульвары. Прошел год, и не узнать давно знакомой остановки. Далеко за нее ушла Москва.

Так вырос городок Песчаных улиц на месте села Всехсвятского, городок Старых и Новых Черемушек, здания вокруг университета на Ленинских горах.

На всех этих местах вы сами можете видеть чудесные превращения Москвы, а мы, люди старшего поколения, помним и другие превращения. Мы помним, как создавалось подземное чудо: станции-дворцы Московского метро, как изменялось Садовое кольцо, как одевалась в гранитные набережные Москва-река. Мы видели, как старый, грязный Охотный ряд с кривыми, косопузыми лабазами стал таким, каким я его нарисовал в картине «Новая Москва» и каким вы, ребята, знаете его с первых лет жизни.

Мы говорим сейчас о Москве, а ведь это, конечно, относится ко всем нашим городам, большим и малым, столичным и провинциальным.

Я слышал, здесь в клубе был разговор о том, что вы, ребята, собираетесь стать проводниками гостей фестиваля.

Думается, что для этого мало знать названия улиц своего города и маршруты автобусов. Для проводников, как для художников, как для разведчиков и охотников, очень важно уметь смотреть.

Помните таежного охотника-следопыта Дерсу Узала? Он говорит: «Глаза у тебя есть, а посмотри — нету». Обязательно развивайте в себе эту способность, учитесь глядеть, замечать прекрасное (а оно есть в каждом городе). И когда сегодня выйдете из дому, посмотрите повнимательнее на Москву-красавицу, на Москву, по которой ходите каждый день... Однако мне пора. До свидания, ребята!

В весеннем парке (1955 г.). Ю. Пименов.

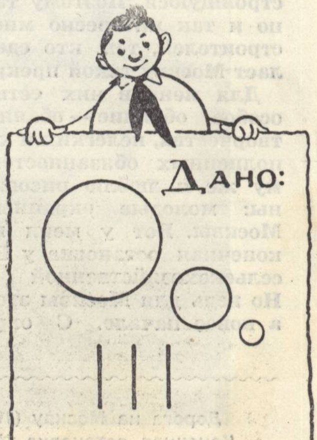
— Внимание! Внимание!

Объявляю перерыв. Как раз хватит времени, чтобы заглянуть в комнату игр. Пошли, ребята! Там Женя-мальчик уже приготовил для вас кое-что интересное.

В прошлый раз вы научились играм маленьких индейцев и негритят. А сегодня... Впрочем, помолчу. Узнаете сами... Вот она,

комната игр

— А я вас уже ожидаю тут. Сейчас мы займемся игрой китайских ребят. У этой игры совсем-совсем простые правила, но она требует изобретательности и смекалки. Вот вы видите здесь...

кружочки и палочки

Кружки трех размеров: большие, поменьше и совсем маленькие. Каждый играющий берет себе три разных кружочка и три палочки. Палочки все одинаковые.

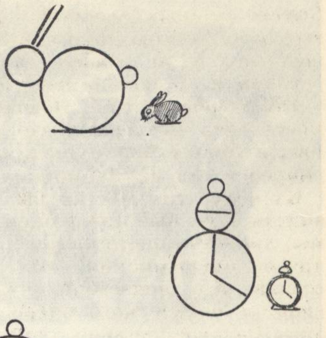
Из этих «строительных материалов» он должен, пока я сосчитаю до десяти, составить какую-нибудь фигурку, какое-нибудь изображение. Трое, поспевшие первыми, выигрывают и записывают соответственно три очка, два очка и одно очко.

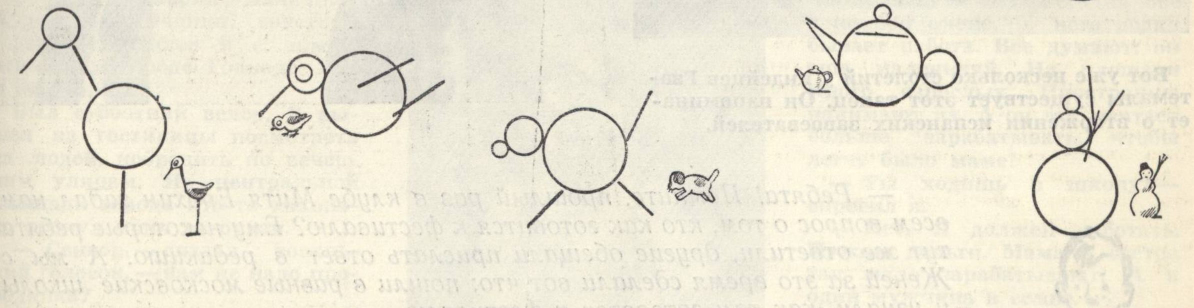
На бумажке, для памяти, каждый зарисовывает свою фигурку. Потом водящий снова считает до десяти, и снова за это время каждый складывает из трех палочек и из трех кружочков другую фигурку.

Если трое игроков закончат раньше десяти, счет прекращается.

Начинаем! Раз... два... три... четыре... пять... шесть... семь... Трое уже сложили, то есть даже не трое, а семеро. Как быть в таком случае? Если все одновременно, значит, всем семерым по три очка.

Ну-ка, давайте посмотрим, что получилось. Так... Заяц. Часы. Аист. Воробей. Что-то вроде собаки. Дальше — чайник. Снежная баба.

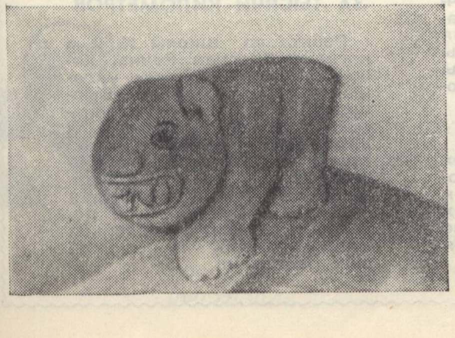
— Чур, не играю! — перебивает Женя-девочка.— Там опять пришли. Посмотрю-ка, кто это...

Ребята! Почтальон принес письмо. Авиапочта из Парижа. Вот видите — значок авиапочты. Странно... Письмо из Франции, а написано по-русски. Ах, вот что! Ваня Ликье! Французский мальчик Жан Ликье изучает русский язык и уже довольно свободно владеет им; и он всегда подписывает свои письма «Ваня»... В письме — фотографии. Прошлым летом Ваня побывал в Южной Америке. Фотографии он сам снимал в Мексике и Гватемале. Это фоторассказы, сделанные наблюдательным и вдумчивым мальчиком. Давайте-ка посмотрим все вместе на

фотографии Вани Ликье

Жители Мексики с незапамятных времен были искусными строителями. Они сооружали огромные, величественные пирамиды-храмы. На фотографии справа вы видите храм Солнца.

Храм украшен скульптурами из красного песчаника. Слева вы видите статую, изображающую мексиканского льва. Перед этой статуей жрецы приносили человеческие жертвы богу Солнца.

Вот уже несколько столетий у индейцев Гватемалы существует этот танец. Он напоминает о вторжении испанских завоевателей.

А здесь вы видите современного завоевателя — американца.

— Ребята! Помните, прошлый раз в клубе Митя Ерохин задал нам всем вопрос о том, кто как готовится к фестивалю? Ему некоторые ребята тут же ответили, другие обещали прислать ответ в редакцию. А мы с Женей за это время сделали вот что: пошли в разные московские школы и узнали, как там готовятся к фестивалю.

Сейчас в клубе вывешен посвященный этому экстренный выпуск стенгазеты.

Молния №1

Экстренный выпуск. Ответы Мите Ерохину

НИТИ ДРУЖБЫ

В вестибюле школы № 709 висит большая карта мира. На ней многочисленные нити протянулись от того места, где находится Москва, а значит, и школа № 709, к разным материкам, странам и городам земного шара — туда, где живут ребята, с которыми у школы дружеская переписка.

Вот две нити протянулись в Китайскую Народную Республику: одна — к Пекину, другая — к Шанхаю. Две нити пересекают Атлантический океан. Одна идет на Южноамериканский материк, в Аргентину, а другая — на Североамериканский материк, в США.

Несколько нитей ведут в Индию. С индийскими ребятами у школы давняя дружба. На конвертах писем, приходящих в школу,— почтовые марки и штемпеля двадцати одной страны.

ПИОНЕРСКИЙ СКВЕР И ЗЕЛЕНАЯ УЛИЦА

Ребята школы № 348 участвовали в строительстве сквера на Спартаковской площади, а ребята школы № 277 посадили четыреста девяносто деревьев на Первой Останкинской улице.

ФЕСТИВАЛЬНЫЕ КЛУМБЫ

Тут не назовешь номера школы. Слишком много получится номеров, потому что ребята многих школ Москвы устраивают фестивальные клумбы. Всюду, где есть место: на школьных участках, во дворах, на территории подшефных детских садов, на любой свободной площадке, — ребята устраивают цветники.

ЦЕПОЧКА

Мало ли для какого срочного поручения могут понадобиться ребята во время фестиваля! Пионеры школы № 187 тренируются, чтобы в любой момент быстро собираться по цепочке.

ГОЛУБИНЫЕ КОМАНДЫ

Они созданы во многих московских школах. В школе № 736 выращено сорок голубей. В школе № 500 их уже полсотни. А в школе № 615 большая голубиная стая в сто птиц.

КИНОГЛАЗ РАССКАЖЕТ

Школа № 248 находится в Дзержинском районе Москвы. Ученики этой школы снимают фильм о своем районе, чтобы подарить его делегатам фестиваля.

ВЕЧЕР НА ДВУХ ЯЗЫКАХ

Такой вечер устроил кружок переводчиков в московской школе № 243.

В концерте художественной самодеятельности было два отделения: одно — по-английски, другое—по-немецки. И стихи, и песни, и инсценировки в каждом отделении исполнялись на одном из этих языков.

ЗА ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ

Ребята из школы № 2 в поселке Красная Речка, Хабаровского края, тоже украшают Москву зеленью. Вьющиеся лозы дикого амурского винограда, актинидии и лимонника украсят балконы, стены и изгороди московских домов. От школьников Красной Речки в Москву пришла посылка, а в посылке семьсот черенков этих красивых и выносливых растений.

— Внимание! К нам пришел корреспондент газеты «Советская Россия» Всеволод Петрович Пархитько. Он недавно ездил в Испанию и хочет рассказать нам о том, как живет

маленький испанец Бридо

Вот фотография мальчика. Худенькие ручонки, грустные глаза. Встретился я с ним в испанском городе Гранаде. Это и есть Бридо.

Был субботний вечер. Я вышел из гостиницы посмотреть на людей, побродить по вечерним улицам. На центральной площади города кто-то тихонько тронул меня за рукав.

— Сеньор, — сказал тоненький голосок, — вам не надо проводника?

Передо мной стоял вот этот самый мальчик.

— Я могу показать вам город. Хотите, я провожу вас в пещеры, покажу, где живут цыгане?

— А сколько тебе лет?

— Семь, сеньор.

— Почему же ты не спишь? Ведь уже почти одиннадцать часов.

— Надо работать, сеньор. Я могу быть проводником.

— Знаешь, что? Проводи меня к своему дому.

По дороге Бридо рассказывал мне о своем городе:

— Это церковь святой Анны. Она в стиле барокко... Вон справа, на скале, Альгамбра — мавританский дворец. Туда ходят все иностранцы, сеньор... Вот улица Печали: сюда, на камни, мавры сбрасывали со скалы своих пленников...

Он много знал, этот маленький мальчик. Наверное, не один вечер слушал он, как рассказывают о Гранаде взрослые гиды.

По-ребячьи доверчиво и просто отвечал Бридо на мои вопросы. Да, он здешний. С ним вместе живут мать и сестра. Отца нет — умер. Мама работает на фабрике. Сестра тоже. Ей ведь уже четырнадцать лет. Сегодня обе в ночной смене. У него редко бывает работа. Все думают: он еще маленький. На площади много взрослых. Иностранцы нанимают их. А он так мечтает больше зарабатывать, чтобы легче было маме!

— Ты ходишь в школу? — спросил я.

— Нет. Я должен работать. Нужны деньги. Мама и сестра так мало зарабатывают! А я один мужчина в семье.

Мы свернули в узенькую улочку. Ее и улочкой трудно назвать. Это была просто какая-то щель между двумя домами. Рядом идти было нельзя. Мальчик пробирался впереди, я за ним.

Наконец Бридо остановился перед маленьким двориком. Здесь было очень темно, и если бы не огонек свечи в одном из окон, ничего нельзя было бы увидеть. Обветшалые стены. Во дворик выходило множество дверей. Здесь жили бедняки.

Бридо наклонился, сунул руку в какую-то дыру под домом и извлек оттуда ключ. Потом подошел к одной из дверей и отомкнул ее.

— Вот я и дома, — вздохнул он в темноте. — А вы дадите мне хоть несколько песет, сеньор?

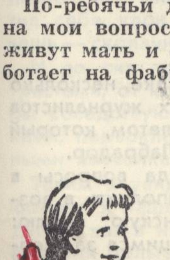
Я отдал ему все. что у меня было с собой.

На прощание мне хотелось сфотографировать моего маленького проводника. но в темноте ничего не было видно.

— Ты где, Бридо?

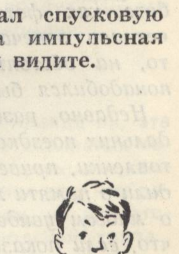
— Здесь, сеньор.

Повернувшись на голос, я нажал спусковую кнопку фотоаппарата. Вспыхнула импульсная лампа — и вот снимок, который вы видите.

— Вы любите орешки? А какие больше любите: грецкие, кедровые или арахисовые? Щелкать орешки всякий умеет, это нехитрое дело.

Пойдем-ка на последнюю страницу обложки, в Мастерскую фестивальных подарков. Там вы увидите, как орешки арахиса превратить в красивые, забавные игрушки на память гостям фестиваля.

С фотоаппаратом вокруг света

И. Иванов

Беспокойная профессия журналиста обязывает избравших ее людей к частым путешествиям. Для того, чтобы рассказать своим читателям о важных событиях, корреспондент должен их увидеть своими глазами.

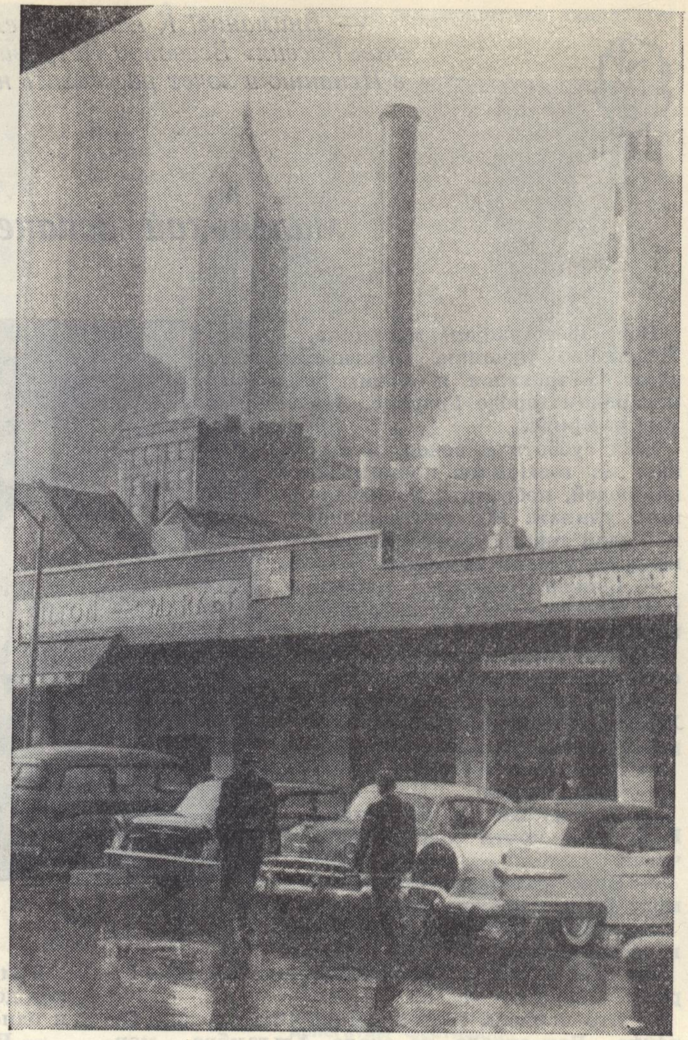
Вступает в строй новая гидроэлектростанция на Волге — журналист летит туда. На целинных землях идет напряженная битва за урожай — редакция посылает своего корреспондента на этот участок. Геологи нашли россыпи алмазов в дебрях якутской тайги — журналист пробирается по лесным тропам к искателям, чтобы описать их подвиги. Самолет полярной авиации уходит в дальний полет над обледеневшими скалами Антарктиды — корреспондент сидит рядом со штурманом...

Когда видишь новые места и встречаешь новых людей, хочется побольше узнать о них, побольше увидеть и запомнить. Корреспондент всегда возвращается из своих поездок с кучей исписанных блокнотов, с пачками газетных вырезок, со связками книг. Но ничто ему так не помогает в работе, как фотоаппарат: он быстро и отчетливо запечатлевает в одно мгновение то, на обстоятельное описание чего журналисту понадобился бы, быть может, целый час.

Недавно, разбирая материалы, накопившиеся в дальних поездках, я просмотрел рулоны заснятой фотопленки, привезенной из разных стран. Они пробудили в памяти много интересных страниц, напомнили о многом увиденном и услышанном. И я подумал: что, если показать эти фотографии читателям-пионерам? Ведь это будет своеобразное фотопутешествие вокруг света.

Это путешествие можно было бы начать с Соединенных Штатов Америки...

Снимки, помещенные на этих страницах, сделаны в 1946—1956 годах. Некоторые из них заимствованы из других изданий.

За океаном

Мне довелось побывать в Нью-Йорке несколько раз. Впервые я с группой советских журналистов прилетел туда осенью 1946 года самолетом, который шел из Парижа через Исландию и Лабрадор.

Помнится, нас очень удивили тогда вопросы в анкете, которую мы должны были заполнить в воздухе перед посадкой на американскую землю: «Являетесь ли вы лицом, высказывающимся за свержение насильственным путем власти, существующей в США?», «Были ли вы в сумасшедшем доме?», «Являетесь ли вы анархистом?».

Много внимания дотошные составители анкеты уделили выяснению вопроса о расовой принадлежности лиц, въезжающих в США. Они предупреждали особым пунктом людей, заполняющих анкету, что если в их жилах течет хотя бы одна тридцать вторая часть негритянской крови, то они рассматри-

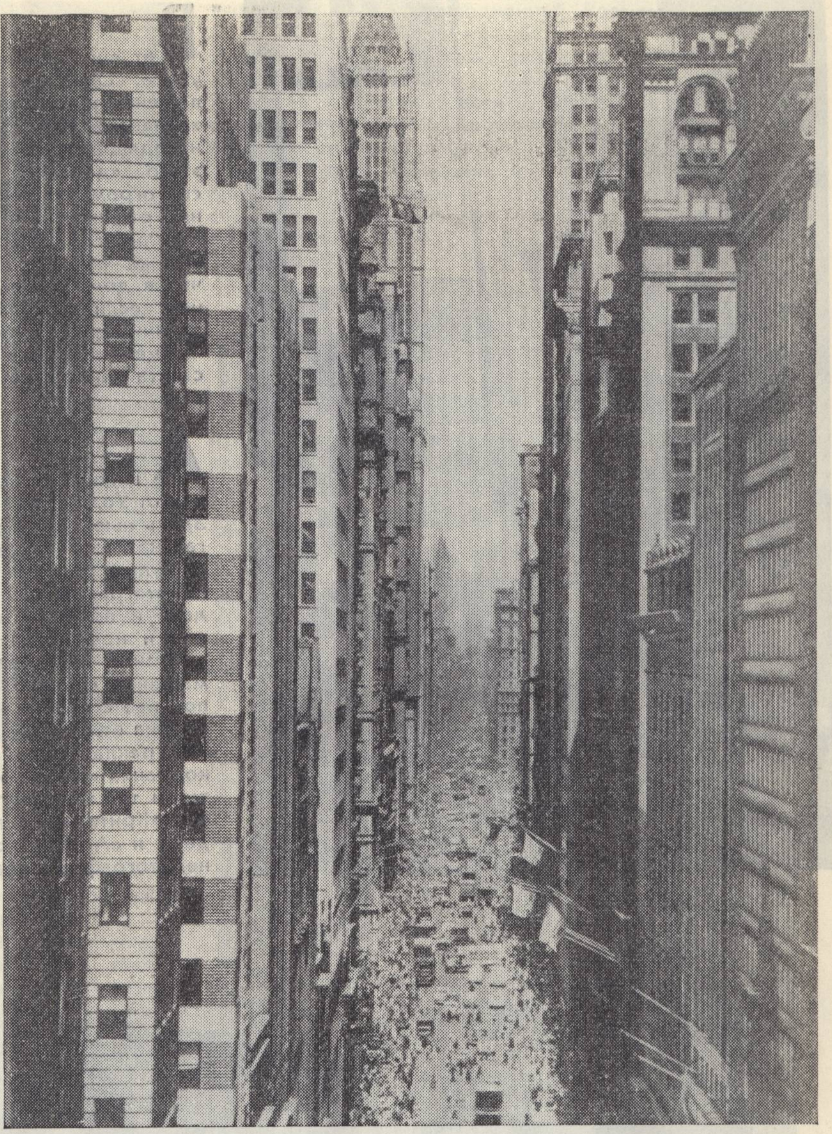
ваются как чернокожие, и что сокрытие этого от американских властей будет рассматриваться как преступление.

В последующие поездки такие вещи меня уже не удивляли. Я увидел, что на многое за океаном смотрят совершенно иначе, нежели у нас. Но и сам Нью-Йорк — это нечто совершенно непохожее на то, что в Европе принято считать городом...

Нью-Йорку нет еще и четырехсот лет от роду. Когда Генри Гудзон в 1609 году открыл устье большой реки, которая впоследствии была названа его именем, здесь, на скалистом острове, стояли лишь скромные хижины индейцев. Семнадцать лет спустя хитрый голландский губернатор купил у доверчивых и наивных индейцев остров за жалкие гроши и основал на этих камнях поселок Новый Амстердам. Еще сорок лет спустя англичане отняли его у голландцев и переименовали в Новый Йорк, по-английски Нью-Йорк.

Долгое время Нью-Йорк оставался деревней, но в прошлом веке ему привалило счастье: он начал бурно расти, превращаясь в настоящий город. В устье Гудзона бросали якоря корабли, приходившие из Европы, на скалах Манхеттена вырастали верфи, мастерские, склады, заводы.

Хозяева города не долго думали над планом Нью-Йорка. Они взяли линейку и расчертили карту острова Манхеттен на равные квадратики улиц и переименовали их. Улицы, идущие вдоль острова, назвали авеню, их менее десятка; улицы, идущие поперек, названы стритами, их свыше сотни. Ну, а дальше все зависело от капиталистов, тех, кто захватил себе клок земли: хочешь — строй дворец, хочешь — сколачивай хижину...

И до сих пор Нью-Йорк изобилует такими контрастами, от которых голова идет кругом. Небоскребы соседствуют с подслеповатыми ветхими домишками, первоклассные магазины — с жалкими и грязными лавчонками.

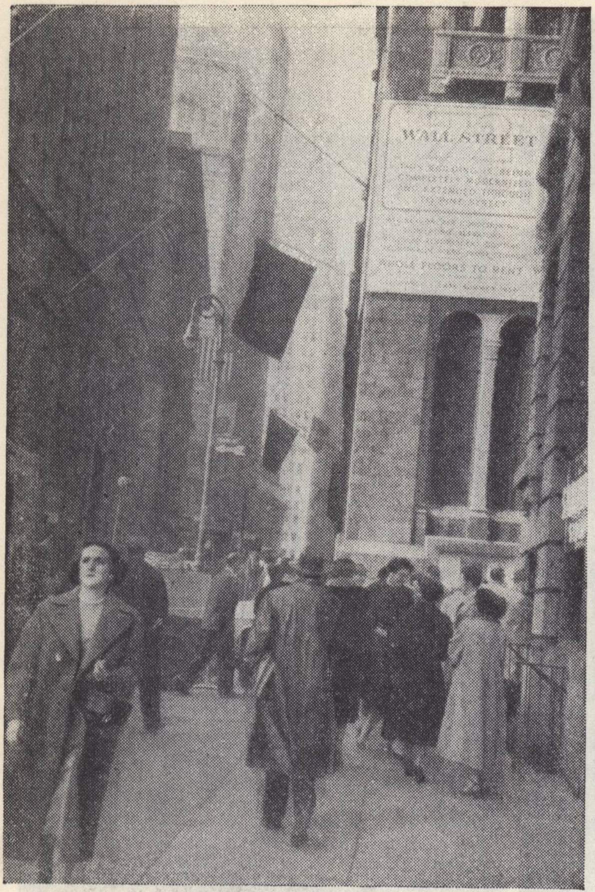
Таким я увидел Нью-Йорк в 1946 году, почти таким же я нашел его осенью 1956 года. Конечно, за десять лет в нем прибавилось немало небоскребов, выросли целые кварталы новых, похожих на картонные коробки доходных жилых домов.

Но город полностью сохранил свой хаотический пестрый вид, и жить в нем — сущая мука. Воздух отравлен дымом заводских труб, перегаром бензина от сотен тысяч автомобилей, и все это усугубляется убийственной влажной жарой.

Новшеством последнего десятилетия в Нью-Йорке являются приобретающие все более широкое распространение домашние установки искусственного климата, поддерживающие в квартире определенную температуру и вентилирующие воздух. Но эти установки далеко не каждому по карману.

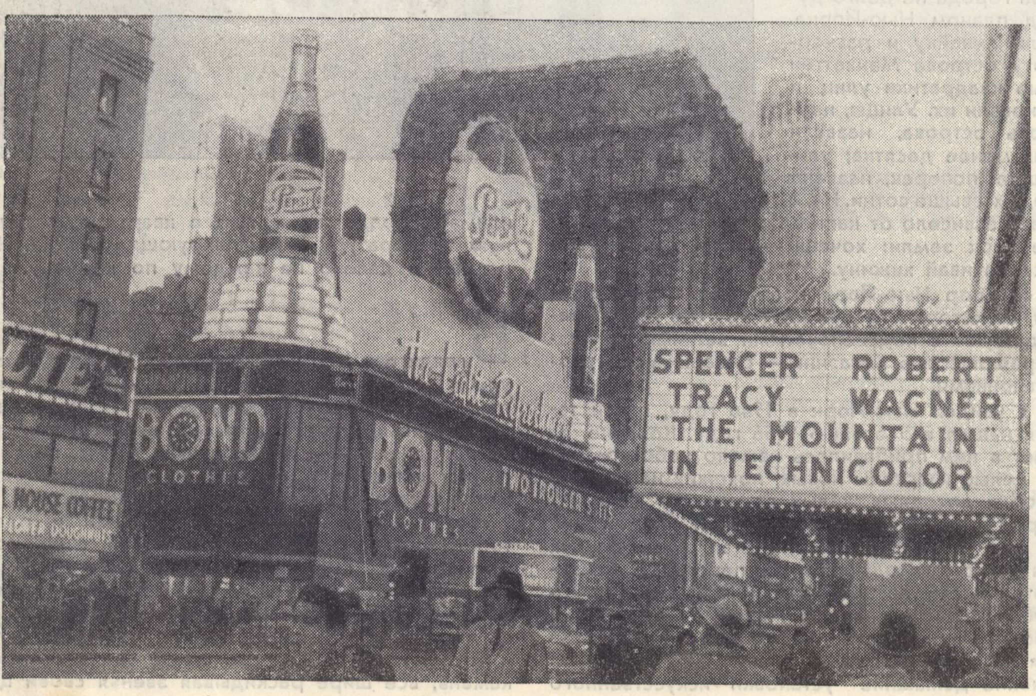
Вглядитесь в эту фотографию. Не правда ли, эта улица походит на глубокое ущелье в скалистых горах? Представьте себе жаркий летний день; эти камни, бетонные плиты и асфальт накалены так, что руку приложишь — и обожжешься. А там, на дне этого искусственного ущелья, кипит людская толпа... Нет, нелегко живется человеку в Нью-Йорке!

«Везде — над головой, под ногами и рядом с тобой живет, грохочет, торжествуя свои победы, железо,— так писал об этом городе А. М. Горький.— Вызванное к жизни силой золота, одушевленное им, оно окружает человека своей паутиной, глупит его, сосет кровь и мозг, пожирает мускулы и нервы и растет, растет, опираясь на безмолвный камень, все шире раскидывая звенья своей цепи...»

Вот еще одно каменное ущелье. Это знаменитая улица. Она называется Уолл-стрит. Здесь расположены крупнейшие банки, являющиеся подлинными хозяевами Америки. Я сфотографировал дом № 72, находящийся на углу Пайн-стрит — другой улицы этого «делового квартала». Хозяин дома вывесил огромную рекламу. На щите написано, что здание расширено и полностью модернизировано, что круглый год во всех помещениях царит искусственный климат, что лифты управляются автоматически, что в доме лампы дневного света и что вы, наконец, если пожелаете, можете арендовать в этом здании целый этаж. Но для этого вам потребовалось бы целое состояние: помещения в центре Уолл-стрита ценятся на вес золота.

А нижний снимок сделан за несколько километров от Уолл-стрита — на Бродвее, близ Таймс-сквера. Здесь ньюйоркцы развлекаются. В бесчисленных магазинах торговля идет тут круглые сутки. Вы можете купить тросточку в три часа ночи и сходить в кинематограф в шесть часов утра, пообедать в полдень и покатать шары кегельбана в любое время дня и ночи, были бы у вас только доллары! Посмотрите, какая огромная бутылка стоит на крыше магазина слева! Она высотой в четыре этажа. Из-под нее с шумом низвергается водопад, а правее — пробка от бутылки, тоже размером этак этажа в три. Это рекламирует свой прохладительный напиток компания «Пепсикола». Внизу магазин готовой одежды, и тут же, друг против друга, два кинематографа: «Критерион», где идет фильм «Десять заповедей», и «Астор», показывающий картину «Гора». Кинематографов и театров в этом квартале десятки.

выходцев из дореволюционной России, 519 тысяч ирландцев, 490 тысяч немцев, 413 тысяч поляков. Их семьи переселились сюда сорок — пятьдесят лет тому назад.

Многие — особенно дети и внуки переселенцев — совершенно забыли родной язык, другие говорят на каком-то странном жаргоне.

Но некоторые внешние черты старого быта все еще живут. Странно сплетаясь с американскими стандартами, они создают пеструю смесь обычаев, нравов, привычек.

В одном из уголков Даун-тауна (Нижнего города) я попал в район, который живо напомнил мне типичный городок юго-западной России девятисотых годов — с барахолкой, харчевнями, постоялыми дворами.

И здесь же рядом — квартал, воскрешающий в памяти старый Китай.

Вот ребятишки из китайского квартала. Они одеты по-американски. Но их лица ничем не отличишь от лиц ребят из Шанхая или Пекина. В китайском квартале вы повсюду увидите вывески с иероглифами, харчевни с китайской кухней, газеты на китайском языке. В этих газетах прославляется американский агент Чан Кай-ши, прессе из Народного Китая доступ сюда строжайше закрыт.

Но живущие в США китайцы помнят о своей родине, и некоторые из них возвращаются в Китай вопреки всем рогаткам, какие американские власти ставят на этом пути...

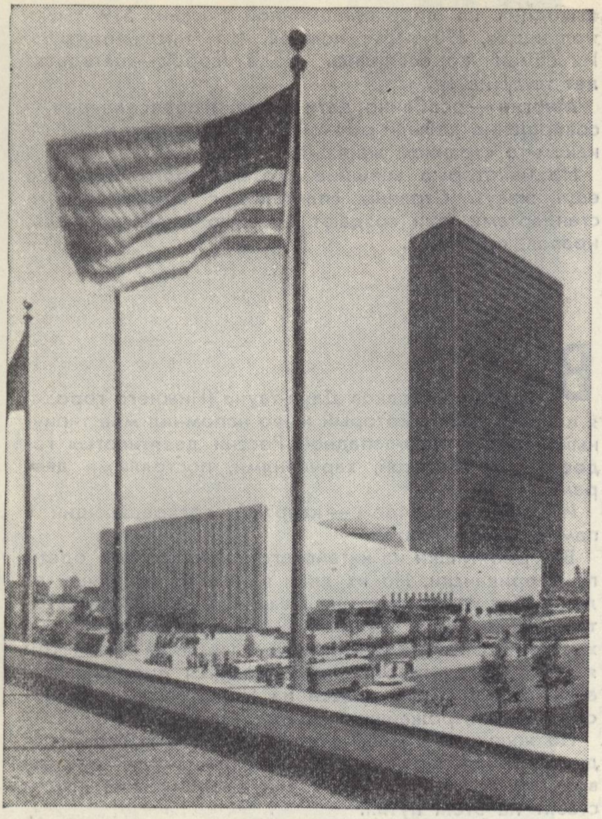
В воскресный день, когда деловая жизнь Нью-Йорка замирает, особенно бросается в глаза какой-то лоскутный, пестрый характер этого города. Фешенебельные кварталы центральных улиц города — Пятой авеню или Парк-авеню — в этот день пустынны и тихи: там остаются скучать лишь запертые в огромных стеклянных витринах восковые миссис и мисс в нарядных платьях, пижамах и халатах на зависть и удивление провинциалам, которые робкими стайками бредут за экскурсоводами в пестрых фуражках.

Совсем иная картина в кварталах, населенных беднотой: в негритянском Гарлеме, в итальянском, китайском кварталах Даун-тауна. Здесь все на улице: жильцам этих районов некуда деваться в воскресенье. Отцы семейств — в барах, матери — у подъездов домов, детвора, вооруженная рогатками и самодельными пистолетами, самозабвенно играет в бандитов и сыщиков, лавируя между автомашинами, катящимися по мостовой...

Объезжая кварталы города, вы особенно отчетливо видите границы: вот здесь — польский район, здесь — греческий, здесь живут выходцы из России, а здесь — из Германии или из Югославии. Так повелось исстари, когда гонимая нуждой из Европы беднота переселялась за океан в поисках куска хлеба: выходцы из разных стран, высаживаясь на чужой берег, инстинктивно жались друг к дружке, селились рядышком, чтобы легче было осваиваться в этом незнакомом мире.

Здесь представлены почти все национальности земного шара: 29 процентов жителей Нью-Йорка — эмигранты, 36 процентов — люди, родившиеся от иностранцев. По переписи 1946 года, в Нью-Йорке насчитывалось 1 095 тысяч итальянцев, 927 тысяч

Перед нами образец современной американской архитектуры: небоскреб Организации Объединенных Наций, построенный несколько лет тому назад. Говорят, о вкусах не спорят. Может быть, кому-нибудь это здание и понравится. Но на меня оно произвело удручающее впечатление: увеличенный в тысячи раз спичечный коробок, поставленный стоймя, не больше. В этом стеклянно-бетонном здании работают тысячи служащих ООН. А примыкающее к нему слева кособокое бетонное строение с нашлепнутым сверху сероватым куполом заключает в себе залы заседаний этой организации. На переднем плане вы видите развевающийся на ветру американский флаг, словно напоминающий о том, под чьим контролем находится пока что большинство делегаций, заседающих в этих залах.

Иногда на улицах Нью-Йорка можно увидеть и такую картину: группа людей с плакатами, повешенными на груди и на спине либо поднятыми на палках, медленно бродит взад и вперед у входа в какой-нибудь ресторан, мастерскую или магазин. Это бастующие служащие либо рабочие. Они заявляют таким образом о своих требованиях и призывают покупателей не пользоваться услугами их хозяина до тех пор, пока он не удовлетворит их требования. Чего они добиваются? Повышения заработной платы, улучшения условий жизни. Если рабочие хорошо организованы и стойко борются за свои права, они добиваются успеха, если нет, проигрывают...

Вы, наверное, не раз читали о том, что улицы Нью-Йорка отнюдь не блещут чистотой. Но для того, чтобы представить себе, как они выглядят, надо там побывать. Посмотрите на снимок наверху. Он даст вам некоторое представление о том, как выглядят иные нью-йоркские улицы во второй половине дня. Я видел принадлежащие нью-йоркскому муниципалитету автоцистерны, моющие улицы. На них красуется надпись: «Держи Нью-Йорк чистым!». Снимок показывает, что осуществить этот лозунг людям, ведающим уборкой Нью-Йорка, удается не всегда.

По вечерам больше всего людей привлекает к себе все тот же Бродвей, прозванный за обилие света от реклам «Большим белым путем».

С утра до вечера и с вечера до утра здесь сверкают и переливаются, ни на минуту не угасая, прыгающие, пляшущие, подмигивающие огни. А внизу, по лоснящимся полосам асфальта, мимо заманчивых витрин, медленно движутся толпы людей. Слева и справа — распахнутые настежь двери увеселительных заведений, магазинов, баров. Вот пресловутая американская аптека, где меньше всего думают о продаже лекарств,— здесь можно поужинать, купить чемодан, игрушку, лопату, вечное перо. Вот увеселительный комбинат, где механические гадалки-автоматы за пять центов предскажут вам судьбу и где за эти же пять центов вы можете поиграть с игрушкой-автоматом «Атомный бомбардировщик».

Ну, а если у вас нет лишних пяти центов?

Тогда вы, как этот мальчик, можете поглядеть вот на этакую витрину...

Этот фоторассказ о Нью-Йорке мне хотелось бы закончить снимком, сделанным в квартале Гарлем. В этом квартале живут только те люди, в чьих жилах течет негритянская кровь. За пределами Гарлема негру получить квартиру очень трудно, если не невозможно. Сюда, в этот тесный район, изобилующий ветхими домами, американские власти, любящие хвастать своим «демократизмом», загнали огромное количество американцев, виновных только в том, что у них темная кожа и курчавые волосы...

Здесь вы увидите только чернокожих людей; чернокожие повсюду: и на улицах, и в кино, и в магазинах. Даже манекены в витринах и куклы у детей темно-коричневые, с курчавыми волосами. Черный цвет кожи и курчавые волосы для граждан Соединенных Штатов — злой рок. И не случайно в воскресные дни в парикмахерских Гарлема вы можете увидеть мулатов, сидящих со взъерошенными волосами под сверкающими металлическими куполами: это идет развивка волос. Гладкая — как у белого! — прическа представляет собой своеобразный камуфляж, который дает возможность как-то замаскировать свое негритянское происхождение. Ведь по жестоким американским обычаям, расовые ограничения распространяются не только на негров, но и на потомков от смешанных браков, в жилах которых течет хотя бы небольшая часть негритянской крови. И если у человека белая кожа, но волосы его курчавы, а у основания ногтей сохраняется характерная синева и черты лица отклоняются от англосаксонского типа, — к нему за пределами Гарлема относятся настороженно и подозрительно.

На эту тему можно было бы поведать очень многое. Но о тяжелой судьбе негров в Соединенных Штатах уже рассказано и написано столько, что здесь, пожалуй, не стоит говорить об этом пространно. Да и сама фотография, которую вы видите на этой странице, достаточно красноречива: единственная утеха этих ребят, одетых в ветхую, рваную одежду, — грязный ручей, протекающий на улице от неисправной водоразборной колонки...

СИЛА ТАЛАНТА

С. Заречная

Пушкин остановился в дверях мастерской. Небольшая затопленная солнцем комната. Теплые лучи янтарными полосами ложатся на крашеный пол. Солнечные зайчики перепрыгивают с украинского пейзажа на портрет сына художника, на изображение молодого веселого гитариста, мальчика с карандашом в руках.

— Пожалуйте, Александр Сергеевич,— сказал Тропинин.

Пушкин вошел.

Из единственного окна комнаты открывался вид на Кремлевские башни. Перед окном стоял мольберт с холстом, только что натянутым на подрамник.

Здесь не было ничего лишнего, никаких предметов роскоши, которыми любили украшать свои мастерские модные художники того времени. Ничего, кроме собственных произведений Тропинина.

— Пожалуйте, Александр Сергеевич,— повторил художник, указывая на перекинутый через спинку кресла коричневый с синими отворотами халат.— Господин Соболевский вчера еще с человеком прислал.

Пушкин усмехнулся, сбросил длинный черный сюртук с пелериной, надел халат и повязал шею голубым платком.

Глаза художника из-за больших круглых очков зорко следили за каждым движением поэта.

— Не извольте утруждать себя,— сказал он, когда Пушкин наконец уселся.— Располагайтесь с наибольшим для вас удобством, думайте о чем вам будет угодно и постарайтесь забыть, что вы позируете для портрета.

Пушкин кивнул и удобней устроился в кресле.

Знаменитый портретист почувствовал неожиданную робость. Он имел обыкновение развлекать «натуру» разговором, чтобы схватить самое непринужденное выражение. Но наедине с Пушкиным он растерялся.

Как уловить игру подвижного лица? Беспрестанную смену настроений в светлых глазах? Можно написать двадцать портретов Пушкина, и все же ни один не передаст своеобразие его облика.

Соболевский, друг поэта, заказавший этот портрет, просил изобразить Пушкина таким, каким он бывает дома,— растрепанным, в халате.

Вот он и сидит перед мольбертом: кудрявая голова, толстые губы, слегка приплюснутый нос, такой будничный, такой домашний... Да разве это тот Пушкин, стихи которого знала вся грамотная Россия?!

Уловить бы выражение этого подвижного лица в ту минуту, когда

Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.

Вдруг «арапские губы» растянулись в широчайшей улыбке. Сверкнули великолепные зубы. Пушкин заметил на подоконнике клетку с чижиком, который попрыгивал между кормушкой и жердочкой и громко, жизнерадостно чирикал.

Художник не спускал с поэта внимательного взгляда.

Озорной мальчишка с баками и с искрящимися от смеха глазами.

Нет, это тоже не Пушкин.

Художник вздохнул, взял итальянский карандаш и несколькими штрихами набросал на листе бумаги свободно падающие складки халата, общий контур фигуры, головы.

Пушкин сидел неподвижно. Задумался. Может быть, прислушивался к каким-то еще не рожденным стихам?

Тропинин перевернул лист с наброском халата, и на оборотной стороне рисунка под торопливой, но уже спокойной, уверенной рукой художника стали возникать вдохновенные черты поэта.

Пушкин несколько раз побывал в мастерской Тропинина на Ленивке, прежде чем художник начал писать большой портрет, тот самый, который находится теперь в Пушкинском музее в Ленинграде.

Это было в 1827 году.

За сорок лет до этой встречи в усадьбе графа Миниха в Новгородской губернии отбирали детей крепостных крестьян в барскую дворню.

Привел своего десятилетнего сынишку Васю и управляющий графским имением Андрей Тропинин.

За верную службу барину Тропинин был отпущен на волю. Но граф нашел способ

привязать к себе хорошего слугу. Он дал вольную ему одному, а всех детей его оставил в крепостном состоянии. И все же дети управляющего обучались в школе в Новгороде. Вася быстро одолел грамоту, а кроме того, проявил большие способности к рисованию.

Не по летам смышленый, он понравился графу: его взяли в «казачки».

Потянулись дни, пустые и скучные. Вася часами томился в прихожей, ожидая барских приказаний.

— Васька, трубку!

— Васька, огня!

— Васька, в поварню сбегай!

— Васька, подай сапоги!

Дни, когда господа уезжали в гости к соседям-помещикам, были для Васи праздниками. «Верховые девушки», полюбившие казачка за беззлобие и услужливость, допускали его в господские хоромы. Он срисовывал там картины и дорогие фарфоровые вазы. Когда не хватало бумаги, рисовал углем либо ваксой на стенах людской, на заборах, и за это оплеухи так и сыпались на него.

Дочь графа Миниха, Наталья Антоновна, когда выходила замуж, выпросила у отца в приданое смышленого казачка. Будущий знаменитый художник был отдан за графской дочерью вместе с парчовыми платьями, собольими шубами, столовым серебром и прочей утварью.

Муж Натальи Антоновны, граф Ираклий Иванович Морков, был боевой генерал, в искусстве он ничего не смыслил.

Когда Андрей Тропинин пришел к нему с просьбой отдать Васю учиться живописи, сиятельный крепостник отмахнулся от управляющего. На что ему живописец? Вот кондитер — другое дело. В искусном кондитере его сиятельство имел самую настоятельную нужду.

Васю отправили в Петербург, в дом графа Завадовского, на выучку к его кондитеру, который на всю столицу славился своим мастерством.

Сбивать сливки или месить тесто, когда кругом столько интересного! Какое мучение!

Украдкой от Степаниды, свирепой кондитеровой жены, Вася зарисовывал все, что ему удавалось подглядеть мимоходом в барских хоромах.

Написать бы красками мраморные колонны с затейливо украшенными верхушками, и ярко-зеленое оперение заморской птицы, попугая, в сверкающей золотом клетке, и алый бархат тяжелых драпировок на дверях! Но где же их взять, краски? У Васи нет ничего, кроме нескольких кусочков карандаша. А так неудержимо хочется изобразить все увиденное хоть карандашом, хоть на бумажной салфетке для торта! (Ведь другой бумаги у него тоже нет!) И, отодвинув миску с мукой или сахаром, он рисует тут же, на кухонном столе.

— Ах ты, охальник! Дармоед! Доброе переводить?! Я тебя, щенка шелудивого!

Степанида хватает его за вихры, комкает в кулаке рисунок.

Но Вася не унимался. Держат его безотлучно в поварне — он зарисует между делом то сердитую кондитершу, то ее кроткого, безответного мужа,— и снова попреки, брань, колотушки сыплются на бедного Васю.

Так и тянулась бы горькая Васина жизнь, если бы не вызволил счастливый случай.

Во дворе у Завадовского проживал живописец. Граф подрядил его расписывать дом. Вася подружился с его сыном, тот зазвал Васю в мастерскую, и художник взялся обучать талантливого парня своему мастерству. О таком счастье Вася еще недавно и помышлять не смел.

Свирепая кондитерова жена «за уши» вытаскивала его из мастерской художника, где он пропадал теперь целыми днями. Но сколько ни внушала ему Степанида, что «конфеты да варенья красок да карандашей вкуснее и прибыльнее много», Вася был неисправим. Не помогали ни поучения, ни колотушки.

Графа Моркова между тем со всех сторон донимали ходатаи. То отец Васи позволит себе почтительнейше напомнить в письме о художественных способностях сына. То живописец, доброхотный Васин учитель, узнав о приезде Моркова в Петербург, придет просить за талантливого своего ученика.

Но настойчивее всех действовал родственник графа, Иван Андреевич Морков, большой знаток и любитель живописи. Из года в год убеждал он упрямца отдать мальчика учиться, хотя бы для того, чтобы иметь собственного придворного художника. И, наконец, потеряв терпение, обещал возместить графу расходы, если из Васиного учения не будет толку.

На этом условии граф Морков сдался.

В академию крепостных не принимали. Обойдя это постановление, Морков устроил Васю «посторонним учеником» к советнику академии Щукину.

Молодому Тропинину минул тогда уже двадцать первый год.

Автопортрет на фоне окна, с видом на Кремль. 1846 год. В. Тропинин.

ГОЛОВА МАЛЬЧИКА. (Портрет сына художника). Около 1818 года. В. Тропинин.

Прошло еще пять лет. «Посторонний ученик» академии Василий Тропинин оказывал блестящие успехи. Он уже получил две медали — серебряную и золотую, а выставка картин в академии в 1804 году завершила его торжество.

Все истинные ценители искусства отметили его картину «Мальчик с птичкой». Все толковали о необычной для той эпохи естественности, правдивости, верности натуре в картине молодого художника.

А президент академии граф Строганов заметил:

— Жаль, что Тропинин принадлежит столь упрямому человеку, а то можно бы за него похлопотать.

Советник академии Щукин заволновался. Граф Морков целых пять лет щедро оплачивал его заботы о Тропинине. Не следует ли в благодарность предупредить тароватого вельможу? Пусть граф соблаговолит отозвать своего крепостного, если не желает совсем потерять его: у Тропинина слишком могущественные покровители. Если они воспользуются милостивым вниманием самой императрицы к картине молодого художника и прибегнут к ее содействию, то просьба освободить Тропинина будет равносильна высочайшему повелению.

Об этом-то Щукин и написал Моркову.

Ответ получился скорый и немилостивый. Граф приказал «своему человеку» немедленно вернуться к нему в имение.

Художественное образование Тропинина было прервано. Он должен был оставить Петербург, академию, художественную среду,— словом, ту обстановку, в условиях которой его дарование могло развиваться, расти и крепнуть.

Из подающего надежды молодого художника он превратился в кондитера, маляра и камердинера своего господина. Он красил заборы, кареты, изготовлял великолепные торты, прислуживал своему барину за столом, сопровождал его в поездках и давал уроки рисования его пятерым детям. И все же он умудрялся находить время для живописи. Он работал упорно, пополняя пробелы своего незаконченного художественного образования. Случалось, он засыпал от переутомления перед мольбертом, но тут же, проснувшись, снова хватался за кисть.

Он писал преимущественно с натуры. Старший товарищ по академии, Варнек, перед своим отъездом в заграничную командировку сказал Тропинину на прощание:

— Хотя я еду за границу, но совершеннее натуры ничего найти не надеюсь.

Тропинин на всю жизнь запомнил эти слова, а скоро и сам убедился, что природа — лучший учитель.

Раннее утро. В доме тишина. Только в дальнем зале играют часы с курантами.

Василий Андреевич Тропинин работает в мастерской, которую граф Морков отвел ему во втором этаже своего особняка, отстроенного заново после пожара Москвы в 1812 году.

Художник заканчивает семейный портрет графов Морковых. Он особенно ценит эти утренние часы, когда никто не мешает ему, никто не отрывает от работы.

По желанию старшей дочери графа, Натальи Ираклиевны, он тщательно выписывает на портрете драгоценные венецианские кружева ее платья.

Особняк между тем просыпается. Захлопали двери. Заскрипела винтовая лестница. Рябой казачок Фомка побежал в спальню графа с начищенными до зеркального блеска сапогами. Шурша крахмальной юбкой, пронеслась в комнаты молодых графинь «верховая девушка».

Василий Андреевич со вздохом отложил палитру, вытер кисти, снял коричневую блузу и, облачившись в белый поварской халат и такой же колпак, спустился в кухню. Пора позаботиться о пирожном к завтраку да распорядиться об обеде. Заведование графским столом тоже было возложено на Тропинина.

Он аккуратно наполняет формы бисквитным тестом, а внимательный ненасытный глаз его отмечает непринужденно-грациозную позу дворовой девушки, прикорнувшей на сундуке, мелкую сетку морщин под глазами старшего повара, сизоватый нос дворового Федьки.

— Вечерком приходи ко мне в горницу. Рисовать тебя буду.

Федька хмыкнул от удовольствия и обещал прийти.

В полдень Тропинин уже снова у мольберта. Граф привел в мастерскую какого-то ученого француза. Гость, понимавший толк в живописи, оценил по достоинству групповой семейный портрет и рассыпался в похвалах художнику.

РИСУНКИ В. ТРОПИНИНА

Пильщик.

Старик, обстругивающий костыль.

Уличная сценка.

Когда же Тропинин вышел к обеду, чтобы по обыкновению стать за стулом своего барина, француз бросился навстречу и просил оказать ему честь отобедать рядом с ним.

Растерявшийся художник благодарил и кланялся, не зная, как выйти из положения. А француз не унимался, упрашивал сесть рядом. Морков с дочерьми переглядывались, не умея прервать неловкую сцену. Наконец старшая из молодых графинь решилась:

— Тысячу извинений, мсье... Но Тропинин не может... Ему не подобает сидеть за одним столом со своими господами. Ведь он наш крепостной.

— Кре-пост-ной?!

Тропинин занял место за стулом своего барина, а француз, изумленный, смотрел, как талантливый художник с привычным спокойствием менял тарелки и подавал блюда.

Поздно вечером, когда, раздевая графа на ночь, Тропинин стаскивал с его подагрических ног мягкие бархатные сапоги, Морков сказал, глядя куда-то мимо:

— Послушай, Василий Андреевич, когда мы кушаем, твое место за столом может занять кто-нибудь другой из прислуги.

Между тем слава Тропинина росла. О нем писали в отчетах о художественных выставках, печатали отзывы о его работах в журналах, толковали о нем в дворянском клубе, в литературно-художественных салонах.

Известный знаток и ценитель искусства Дмитриев выиграл как-то у графа Моркова в карты очень крупную сумму. Так как граф не мог отдать ее немедленно, Дмитриев потребовал, чтобы он вместо уплаты карточного долга отпустил на свободу Тропинина.

Но Морков и на этот раз не сдался.

Однако мнение передовых людей делало свое дело. И закостенелый крепостник екатерининских времен понял наконец, что неудобно держать в неволе крупного художника, имя которого стало известно и за пределами России. И в 1823 году, когда Тропинину было уже 47 лет, Морков отпустил его на свободу. При этом он повторил жестокость, проявленную некогда графом Минихом по отношению к отцу художника, Андрею Тропинину: единственный сын Василия Андреевича, Арсений, не был отпущен на свободу вместе со своим отцом. Так граф хотел привязать к себе незаменимого слугу, с которым ему трудно было расстаться.

Только после смерти Моркова, по его завещанию, сын Тропинина Арсений получил свободу.

В том же 1823 году Тропинин баллотировался в академики. Он представил в Академию художеств три работы: «Старик нищий», «Портрет художника Скотникова», «Кружевница». И ему было присуждено звание академика.

Тропинин первый в России начал писать скромных, простых людей из народа, которые до него не считались достойными изображения. Однако в этих работах Тропинин не достигает еще полного реализма. Он приукрашивает натуру, идеализирует ее. Крепостные кружевницы и золотошвеи на его картинах похожи на переряженных барышень. Он все еще отражал в своих картинах вкусы дворянской среды XVIII века, все еще подражал знаменитым западноевропейским художникам.

Только уже в зрелом возрасте Тропинин выявил свои собственные вкусы. Он пишет правдиво, без прикрас, становится настоящим реалистом. Много таких картин и рисунков Тропинина сохранилось до нашего времени: «Слуга со штофом», «Старуха с курицей», «Слуга со свечой», «Пирожник», «Сбитеньщик», «Гадалка», «Пряха», «Покупка яблок».

В истории русской живописи Тропинин известен как один из первых художников-реалистов.

Тропинин создал огромную галерею портретов. Слава одного из лучших русских портретистов вполне им заслужена.

Многие писатели и художники позировали Тропинину в его маленькой мастерской на Ленивке. Помимо всем известного портрета Пушкина, сохранились тропининские портреты Загоскина (автора романа «Юрий Милославский»), историка Карамзина, знаменитого художника Брюллова, скульптора Витали, гравера Уткина, писательницы Ростопчиной и др.

Тропинин отличался необыкновенной трудоспособностью. По словам современников, он написал до трех тысяч картин. Это очень много даже при условиях, благоприятных для творческой работы. Если же принять во внимание, что Тропинин лучшие свои годы вынужден был растрачивать в кухне, в лакейской, занимаясь живописью лишь урывками, трудоспособность его представляется почти невероятной.

К сожалению, не все произведения Тропинина сохранились до нашего времени. Некоторые из них погибли во время пожара

Кружевница. В. Тропинин.

Москвы в 1812 году. Другие, может быть, еще не разысканы. И все же свыше двухсот пятидесяти рисунков и картин Тропинина хранится в Третьяковской галерее в Москве, в Русском музее в Ленинграде, в музее Русской живописи в Киеве и в других местах.

Мы ценим в Тропинине не только большого мастера, одного из первых художников-реалистов, оказавших влияние на развитие этого направления в русской живописи.

Мы преклоняемся перед его огромной внутренней силой, необыкновенным упорством в труде, исключительной любовью к своему призванию.

Только благодаря этим качествам долгие годы крепостной неволи не сломили Тропинина. Только эти качества помогли ему сохранить нерастраченным свое дарование и оставить нам много прекрасных художественных произведений.

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

(Окончание)

Павел Вежинов **Рисунки Ф. Лемкуля.**

Юлия действует

Полковник Филиппов задержался в своем кабинете, он просматривал папки с документами, справками, оперативными сводками.

Где-то вдали прогремел гром.

Полковник встал, подошел к окну и настежь распахнул его. По небу бежали темные разорванные облака. Порывистый ветер разгонял их. Полковник посмотрел вниз, на улицу, и брови его удивленно приподнялись: он приметил девочку, разговаривавшую о чем-то с часовым. До него донеслась отрывистая фраза: «Иди, иди домой». Он видел, как девочка, повернувшись к часовому спиной, печально склонила голову и медленно поплелась вдоль улицы. Полковник торопливо вернулся к столу, снял телефонную трубку и, набрав нужный номер, сказал:

— Караульный начальник? Немедленно приведите ко мне девочку, которая только что разговаривала с постовым номер два. Быстрее! — приказал он.— Не потеряйте ее из виду!

Положив трубку, он снова подошел к окну. На улице никого. «Найдут!» — подумал полковник, возвращаясь к столу.

Вскоре раздался осторожный стук в дверь. В кабинет вошел дежурный офицер вместе с девочкой. Полковник быстро встал, усадил девочку, вернулся на свое место и, когда они остались одни, выдвинул ящик письменного стола, где всегда лежал кулечек с конфетами: полковник часто вместо сигареты сосал мятные лепешки. Но, взглянув на гостью, он понял: ей не до конфет.

— Ну? — дружелюбно спросил полковник.— Рассказывай, что случилось?

— Товарищ начальник, пойдемте скорее. Товарищ начальник, шпионы поймали Пешо...

Полковник внимательно посмотрел на нее.

— Спокойно, девочка. Какие шпионы, какой Пешо?

— Мы, товарищ начальник, напали на след шпионов.

— Кто это мы?

— Ну, мы, ребята!

— Хорошо, хорошо, расскажи по порядку...

Юлия начала говорить по порядку, и, хотя рассказ ее был бессвязным и довольно путаным, полковник, слушавший ее с напряженным вниманием, понимал все. Он чувствовал, что это не ребячьи выдумки, а правда. И хотя он был не на шутку удивлен, лицо его и взгляд оставались спокойными. Юлию он слушал с таким видом, будто речь шла о самой заурядной мальчишеской игре. Когда же Юлия, рассказ которой перескакивал от одной подробности к другой, упомянула о том, как странно вертелся диск электросчетчика, полковник насторожился. Задав еще несколько вопросов, он тут же снял телефонную трубку и отдал какое-то приказание дежурному. Затем соединился с гаражом и тоже отдал короткое распоряжение.

— А что было потом? Только, пожалуйста, покороче!

Юлия сама торопилась выложить все, что она знала.

Выслушав девочку, полковник снова снял телефонную трубку и приказал телефонисту:

— Немедленно свяжите меня с Кириллом Андреевым. Звоните до тех пор, пока вам не ответят!

Он хорошо знал отца Пешо: в годы фашистской оккупации они вместе сидели в Сливенской тюрьме.

— Пойдемте, товарищ начальник,— просила Юлия, встревоженная тем, что разговор затянулся.— Они его убьют!

Телефонный звонок помешал полковнику ответить.

— Андреев, ты? — спросил он.— Это полковник Филиппов. Скажи, пожалуйста, Пешо дома? А ты проверь, проверь! Глупости?.. Проверь, прошу тебя, и сию же минуту сообщи мне! Жду! — И полковник улыбнулся Юлии: «Мы-то с тобой, дескать, знаем, где надо искать Пешо. Сейчас же проверим и помчимся на выручку!»

— Да, да, я слушаю тебя,— сказал он в трубку.— Значит, все правильно. Да ты не тревожься. Никакой опасности нет. Сейчас у меня нет времени рассказывать. Никуда не отлучайся. Скоро тебе позвонят по телефону, и все разъяснится. Не волнуйся, говорю, не волнуйся. Пока!

Юлия не знала, как называется улица, где находилась квартира инженера, поэтому полковнику пришлось взять ее с собой в машину. Две мощных машины полетели по пустынным, влажным от дождя улицам. Через несколько минут из машин, остановившихся неподалеку от дома инженера, выскочила большая группа людей и моментально растаяла во мраке ночи, словно провалилась сквозь землю.

— Подожди меня в машине,— повернувшись к Юлии, ласково сказал полковник.— Скоро приведу к тебе твоего приятеля.

— Я хочу пойти с вами,— попросила Юлия.

Полковник улыбнулся.

— А если там будут стрелять? — И, круто повернувшись, он быстро удалился.

Когда Юлия осталась в машине одна, ее вновь охватила тревога за Пешо. Неужели и вправду будут стрелять? А что может случиться с Пешо во время перестрелки! Она хотела позвать полковника, но его уже не было. Сквозь стекла машины Юлия увидела, как вспыхнул свет в окнах первого этажа, в парадном подъезде появился мужчина в пижаме, с которым разговаривали люди, приехавшие с полковником Филипповым.

Юлия догадалась, что это художник.

Тем временем полковник Филиппов во главе группы своих людей бесшумно и быстро поднимался по лестнице.

Бойцы остановились перед дверью квартиры инженера. Филиппов нажал кнопку, дал длинный, настойчивый звонок.

За дверью царила мертвая тишина.

Раздалось еще несколько звонков.

Никакого ответа.

Внезапно распахнулась противоположная дверь, и на пороге показался рассерженный пожилой человек в пижаме. Завидев военных, он смущенно заморгал, бормоча извинения.

— Вернитесь в свою квартиру, гражданин,— вежливо предложил полковник,— и спите спокойно. Ничего особенного не произошло.

Растерянный гражданин поспешил скрыться.

— Взломать дверь! — приказал полковник.— Ждать больше нельзя! — И, первым переступив порог, тут же повернул выключатель. В прихожей было пусто. На полу валялась разбитая бутылка. Пахло вином.

— Коньяк,— вполголоса проговорил полковник.

В прихожую выходили три двери: справа — широкая, почти вся застекленная — в жилые комнаты; слева — кухонная, застекленная наполовину, и третья, прямо против входной, узкая и белая, вела, вероятно, в ванную. Полковник резким движением распахнул дверь в ванную и почувствовал, что она ударилась обо что-то мягкое, податливое.

«Труп?» Полковник зажег свет. На мозаичном полу лежал подросток, связанный по рукам и ногам; рот его был туго обмотан салфеткой. Мальчик с такой злостью посмотрел на полковника, словно тот явился не освободить, а арестовать его.

Сорвав салфетку, полковник опустился на колено. Его помощники разрезали веревки, опутывавшие мальчика.

— Удрали, гады! — сказал Пешо.

Филиппов понял, что происходит в душе мальчика, и, стараясь скрыть свое разочарование, сказал, усмехнувшись:

— Ничего, на этот раз далеко не уйдут!

— Тут у них радиопередатчик,— добавил Пешо.— Такой малюсенький. Его и под мышкой носить можно.

— Знаю,— кивнул головой полковник.— Давно они скрылись отсюда?

— Больше часа, наверное,— сказал Пешо.

— Здесь есть телефон?

— Не знаю, товарищ полковник. Я был только в ванной.

— Пойдем со мной.

Они пошли в холл. Просторная, изящно меблированная комната была страшно захламлена: по углам валялись пустые бутылки, в одном углу — груда грязного белья, там и сям были разбросаны скомканные обрывки станиолевой обертки от шоколада, окурки, газеты, куски черствого хлеба, огрызки копченой колбасы... Здесь, как и в прихожей, воздух был тяжелый, спертый, пропитанный запахом коньяка. Заметив телефон, Филиппов быстро подошел к аппарату.

— А откуда вы, товарищ полковник, узнали, что я здесь? — спросил Пешо.

— От Юлии. Подожди минутку! Товарищ Андреев? — стараясь говорить весело, спросил он.— Поговори с ним сам! — И, повернувшись к Пешо, протянул ему трубку.— Держи!

Этого Пешо никак не ожидал. Он нерешительно приложил трубку к уху.

— Папа...— пересохшим от волнения голосом, еле слышно произнес он.— Это я...

Нити в надежных руках

Юлии было приказано немедленно отправляться на одной из машин домой. Перед отъездом она заспорила с Пешо, как ей вернуться в свою комнату: будить родителей или потихоньку влезть в окно? Полковник, слушавший спор, рассмеялся.

— Ну ладно, пусть будет по-твоему,— согласился он, похлопав девочку по плечу.— Влезай через окно, чтобы ночью не волновать родителей. Но утром ты непременно обо всем расскажи отцу.

— Ой, товарищ начальник, пожалуйста, не надо! — взмолилась Юлия.

— Разве можно скрывать что-нибудь от папы? — сдержанно улыбнулся полковник.— Не я, а ты сама должна рассказать ему всю правду!

Юлия простилась с Пешо, который должен был на другой машине вместе с полковником ехать в министерство. Она протянула ему свою тоненькую руку, и на ее глазах вдруг блеснули слезы.

— Ты на меня не сердись,— говорила она сквозь слезы.— Сам видишь, я ни в чем не виновата...

— Я и не сержусь,— буркнул Пешо, чувствуя в горле какой-то комок.

Машина ушла. Вскоре случайный пешеход, проходивший пустынной улицей неподалеку от дома, в котором жила Юлия, с изумлением увидел странную картину: два молодых офицера осторожно подсаживали в окно девочку в пестром платье.

Взобравшись на подоконник, Юлия прислушалась. Тихо. Она махнула рукой своим новым знакомым, улыбнулась им и закрыла окно. Минуту спустя заурчал мотор, и улица снова опустела.

Тем временем Пешо, сидя в кабинете полковника, со всеми подробностями рассказывал ему историю тормановского ключа. Полковник часто прерывал его, расспрашивал о некоторых мелочах. Сидевший рядом стенограф старательно все записывал. Теперь полковник знал все, даже о новом платье госпожи Тормановой.

Два обстоятельства особенно привлекли внимание полковника Филиппова: посещения Тормановым букинистического магазина и его ночная поездка на машине. В тот момент, когда он уточнял каждую подробность, связанную с этими двумя обстоятельствами, раздался телефонный звонок. Полковник снял телефонную трубку, молча выслушал и коротко распорядился:

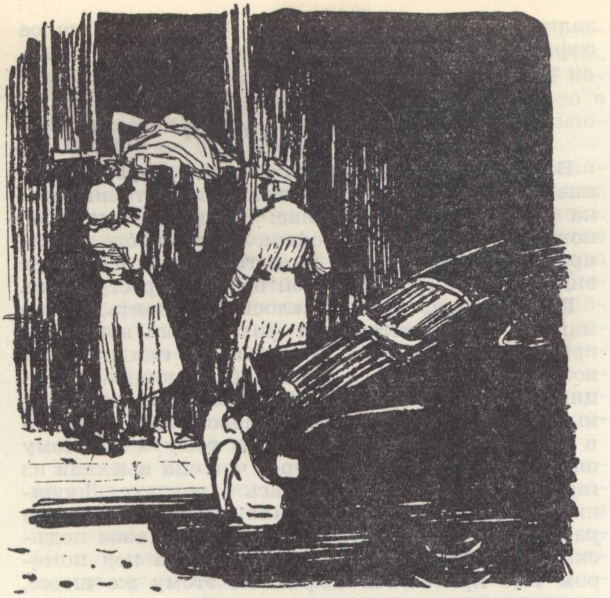
— Хорошо, продолжайте розыски!

Положив трубку, он произнес задумчиво:

— Торманов вместе с женой... Иначе, конечно, и быть не могло.

О машине, на которой Торманов уезжал ночью, Пешо мог сообщить самые точные сведения: марка, модель, внешние признаки,— но вот номер ее он никак не мог припомнить. Пришлось немедленно вызвать Чарли. Один из офицеров поехал за ним.

— Эта деталь чрезвычайно важна,— вполголоса сказал полковник Филиппов, будто разговаривал с кем-то из своих помощников.— Я глубоко убежден, что диверсанты скрылись из города на машине. Возможно, они воспользовались той же самой машиной, на которой уезжали Тормановы.

Два молодых офицера осторожно подсаживали в окно девочку.

— Я не слышал шума мотора,— сказал Пешо.— Я слышал только, как открылась и закрылась наружная дверь, но машина не приезжала.

Полковник усмехнулся.

— Это и не удивительно,— ответил он.— Бандиты приняли все меры к тому, чтобы скрыть машину, на которой уехали. Но одну мелочь они все-таки упустили.

Глаза Пешо загорелись от любопытства.

— А мне вы скажете, какую?

— Разумеется, ведь ты теперь моим помощником стал! Они забыли о дожде.

— О каком дожде? — не понял Пешо.

— О самом обыкновенном. Машина, которая пришла за диверсантами, остановилась не перед домом инженера, а где-нибудь на соседней улице, поэтому ты и не мог услышать шума мотора. Пока она ожидала своих пассажиров, прошел небольшой дождь, минут на пять, не больше. Потом машина ушла... Понимаешь?

Пешо задумался.

— Догадался! Машина ушла, а то место, где она стояла, осталось сухим! — возбужденно выкрикнул он.

— Молодец! — улыбнулся полковник и похлопал мальчика по плечу.— Именно так и случилось.

Пешо даже покраснел от неожиданной похвалы.

— Если бы шофер оказался сообразительнее, он мог бы оставить машину под деревьями, благо их много на окрестных улицах.

— А может быть, на том месте не машина стояла?

— Это исключено,— покачал головой полковник.— На асфальте остались отчетливые следы покрышек, и нам уже известна их марка. А только что мне сообщили,— продолжал Филиппов,— что перед домом Торомановa примерно в то же самое время останавливалась машина с точно такими же покрышками. И там на еще влажном асфальте остались ясно видные отпечатки.

— Значит, все удрали?

— Все. Вот если бы мы знали номер их машины, тогда нетрудно было бы установить, ушла ли она из Софии и если ушла, то в каком направлении. Впрочем, преступники, наверно, сменили номер.

— Конечно, сменили! — согласился Пешо.— А вы знаете, откуда они к нам заявились?

— Узнаем позже.

— Когда позже?

— Когда поймаем!

— Их обязательно надо поймать, товарищ полковник! — воскликнул Пешо с таким жаром, что полковник Филиппов невольно улыбнулся.

Пешо понимал: если бы не его необдуманный поступок, преступникам не удалось бы скрыться. Сознание своей вины больше всего мучило мальчика. Ему хотелось, чтобы диверсантов настигли как можно скорее.

Полковник ненадолго вышел из кабинета. Вернувшись, он принес несколько альбомов.

— Ты смог бы по фотографиям узнать бандитов? — спросил он.

— Еще бы!

Перелистывая один альбом за другим, он пристально вглядывался в каждый снимок.

— Вот он!

На полковника, наклонившегося над мальчиком, смотрели со снимка холодные глаза человека с грубо обтесанным лицом.

— Ты уверен в этом?

— Этого типа я узнал бы в любое время! Он все время молчал и сопел от злости.

— Крупная птица! — проговорил полковник.— Головорез, каких мало!

Вскоре среди множества фотографий Пешо узнал еще одного бандита — бывшего майора. Но вот фотографии третьего, главаря, и портрета шофера в альбомах не оказалось. Впрочем, и того, что стало известно, было достаточно, чтобы облегчить поиски.

Начало светать. Полковник отдавал по телефону все новые и новые распоряжения. В этот момент в его кабинет ввели Чарли.

Пешо, сорвавшись с места, кинулся к приятелю:

— Ты помнишь номер машины?

— Какой машины?

— Ну той, на которой Торомановы ночью приехали домой!

— Еще бы! — обиделся Чарли.— Да я этот номер в жизни не забуду! Тысяча сто пятьдесят!..

Полковник Филиппов, внимательно прислушивавшийся к разговору ребят, тут же передал номер по телефону и только после этого протянул руку своему новому помощнику. Хотя ему, казалось бы, уже были известны все подробности тoромановской истории, тем не менее он обстоятельно допросил и Чарли. Его особенно заинтересовали платья, которые Торомановa заказала у матери Чарли: их цвет и фасон. Чарли только пожимал плечами.

— Значит, детали машины запомнить легче, чем фасон и цвет платьев? — пошутил полковник.

— Юлия лучше меня разобралась бы в этих вещах! — вздохнул Чарли.

Раздался телефонный звонок. Полковник снял трубку. Как всегда, по выражению его лица нельзя было определить, приятную или дурную новость сообщили ему.

— Поиски продолжайте! — выслушав донесение, распорядился он. Положил трубку и, повернувшись к ребятам, деловым тоном сказал: —

Машина номер тысяча сто пятьдесят ушла из Софии в два тридцать ночи.

Пешо с Чарли переглянулись.

— Я сообщил вам об этом потому,— предупредил полковник,— что вы кажетесь мне серьезными ребятами, которые умеют держать язык за зубами.

— Теперь вы их схватите? — дрогнувшим голосом спросил Пешо.

— Схватим, схватим, мой мальчик! — произнес полковник, поднимаясь из-за стола. Он озабоченно взглянул на часы, а потом на ребят.— Вы, наверно, спать хотите? Давно пора. Моя машина развезет вас по домам.

— А может, мы еще понадобимся? — нерешительно спросил Пешо.

Полковник ласково потрепал его по щеке.

— Если понадобитесь, вызову вас. Вы не должны далеко отлучаться из дому.

— Мы будем, как на посту! — пообещал Чарли.

— Лучше всего ложитесь спать. Утром я поговорю с остальными вашими приятелями, чтобы дополнить картину.

— А потом? — поинтересовался Пешо.

— Потом? Потом у нас с вами будет одно небольшое дельце: заглянем в букинистический магазин...

* * *

Посещение букинистического магазина отняло совсем мало времени, но, как выразился полковник, оказалось весьма содержательным.

Утром в только что открывшийся магазин вошли два покупателя в гражданских костюмах и почти следом за ними пожилой мужчина с долговязым, тонконогим мальчиком. Это был Коста. Сегодня он казался необычайно серьезным. Кроме них, в магазине никого не было. Кассир с карандашом в руках что-то высчитывал на клочке бумаги. Одна из продавщиц расставляла на полке книги. За прилавком стоял старший продавец — мужчина лет пятидесяти с поредевшими седыми волосами, в довольно приличном, хотя и поношенном костюме, с темно-синим галстуком-бабочкой. Он выглядел усталым, невыспавшимся и, может быть, поэтому не обратил внимания на вошедших.

— Этот,— шепнул Коста, едва заметно кивнув головой в сторону пожилого продавца.

— Хорошо. А теперь выйди на улицу,— так же тихо приказал полковник Филиппов.

Мальчик неохотно направился к выходу. Два покупателя, которые первыми вошли в магазин, подошли к старшему продавцу, продолжавшему рассеянно смотреть в окно. Сквозь витрину видны были прохожие, мелькали автомобили, пронзительно звонили трамваи; город жил своей обычной жизнью.

Продавец повернулся к покупателям только в тот момент, когда те вплотную подошли к прилавку. Взглянув на их лица, продавец слегка вздрогнул.

— Ни с места! — вполголоса приказал один из подошедших.— Вы арестованы!

Продавец побледнел.

— Всякое сопротивление бесполезно! — добавил второй.— Магазин окружен.

Продавец кивнул головой и дрожащими руками стал стягивать сатиновые нарукавники.

Молча прошел он к закрытой машине, стоявшей неподалеку от магазина. «Ну, этот расскажет обо всем»,— подумал полковник, шагая по залитому солнцем тротуару. Это было обычное софийское утро: спешили на работу люди, звенели трамваи, одна за другой мчались автомашины.

Следы теряются

Вопреки ожиданиям полковника, преследование группы диверсантов внезапно натолкнулось на странное препятствие: легковая машина, ночью выехавшая из Софии, будто сквозь землю провалилась. Ни один из загородных постов не видел машины, на которой бежали преступники.

Почти одновременно удалось установить, что на машине диверсантов был фальшивый номер, он принадлежал одному старенькому пикапу, развозившему по городу овощи. С помощью милиции удалось установить еще некоторые любопытные детали: машина под номером 1150 прибыла в Софию той же ночью и по тому же самому шоссе. Приблизительно через час она выехала из города и словно растворилась в воздухе. Дополнительная проверка показала, что двумя днями раньше, в ту самую ночь, когда Тороманов подъехал к дому на автомобиле, машина под номером 1150 прибыла в Софию по этому же шоссе, а через несколько часов ушла из столицы.

В последующие два дня внимательно были изучены маршруты всех машин, которые в ночь исчезновения диверсантов прибывали в город и уходили из него. Затем были прослежены маршруты машин, которые в ту же ночь прибывали в окружающие Софию населенные пункты или уходили оттуда. Розыски не дали никаких результатов: оказалось, что все это были государственные автомобили, совершавшие точно установленные служебные рейсы.

Каким же образом могла исчезнуть машина с бандой преступников? Должно быть, свернув с

— Вы что же... дуетесь на меня? — не выдержал Пешо.

шоссе, она пошла дальше проселочными дорогами, старательно объезжая населенные пункты, или, что, по мнению полковника Филиппова, казалось наиболее вероятным, скрывалась где-то в окрестностях столицы между двумя контрольно-пропускными пунктами.

Картина бегства банды полковнику представлялась так: поймав мальчика, диверсанты поняли, что оставаться в городе опасно, и решили бежать. Машина была вызвана по телефону. Захватив группу, она помчалась за Торомановыми и ушла из города по тому же шоссе, по которому прибыла в Софию. Полковник был убежден, что машина была вызвана именно по телефону, а не с помощью радиопередатчика; ему не верилось, чтобы такой же радиопередатчик мог быть установлен и на автомобиле. Вся эта операция продолжалась примерно часа два — срок, недостаточный для вызова машины издалека.

Придя в такому убеждению, полковник сосредоточил усилия всех своих подчиненных на розысках исчезнувшей машины в районе шоссе и прилегающих к нему населенных пунктов. Особое внимание он обратил на те населенные пункты, которые имели телефонную связь со столицей и где шофер мог ожидать распоряжения. Однако, несмотря на самые тщательные поиски, сотрудники не смогли обнаружить никаких следов пропавшей машины.

Зашло в тупик и следствие по делу шпиона, захваченного в букинистическом магазине. Он, правда, не отрицал своей вины. При первом же допросе «букинист» рассказал все, что ему было известно, но данные им показания оказались слишком скудными: какой-то неизвестный ему человек часто приносил в магазин книги, в переплетах которых находились шифрованные сведения. «Букинист» должен был передавать эти книги человеку в белом костюме, фамилии которого он тоже не знал. Тороманов, как предполагал полковник Филиппов, доставлял книги на квартиру инженера Дончева. Группа диверсантов, по всей вероятности, с помощью радиопередатчика, сообщала получаемые секретные сведения вражескому центру. Сам продавец действительно ничего не знал ни о существовании нелегальной квартиры, ни о легковой машине, ни о планах диверсантов.

Прошло еще пять дней. Все эти дни ребята чувствовали себя не в своей тарелке. Привычные игры их уже не интересовали: одно дело — разрабатывать сложные планы, разгадывать трудные загадки, следить за опасными преступниками, другое дело — сидеть верхом на какой-то бочке и воображать себя летчиком-истребителем, сбивающим вражеские самолеты. Ребята перестали играть, они собирались либо в знакомом скверике, либо в тесной комнатушке лифтера, у Косты, и, чтобы скоротать время, рассказывали друг другу фантастические истории. Но о чем бы они ни говорили, как бы увлекательны ни были эти истории, заканчивалась каждая такая встреча воспоминаниями о только что пережитых приключениях. Снова и снова они припоминали различные эпизоды и случаи, казавшиеся такими загадочными, необъяснимыми, и каждый из них втайне сожалел, что «все это» кончилось для них безвозвратно. Когда все темы оказывались исчерпанными, ребята уходили в парк или на речку: там было веселее. Все это время Пешо чувствовал, как изменилось отношение к нему ребят: они разговаривали с ним сдержанно, с холодком.

Старым друзьям было что вспомнить...

Он все больше мрачнел, часто без всякой причины злился, но ни разу не заикнулся о своей вине. В глубине души Пешо считал, что если даже он и был в чем-то виноват, то мужественным поведением перед лицом смерти с лихвой искупил все свои прегрешения. Не зря же сам полковник Филиппов обращается с ним, как с большим, открыто восхищается его героизмом и никогда ни единым словом или намеком не попрекнул его необдуманным поступком!

Ребята возвращались из парка. Дело было к вечеру. Аллеи заполнялись гуляющими. На скамейках, опершись на трости, отдыхали старики. Взапуски бегали дети.

Юлия, которая раньше постоянно вертелась возле Пешо, сегодня ушла вперед с Чарли, оживленно и весело рассказывая ему что-то. Сзади брели Пешо, Веселин и Коста — «вечная тройка», как их окрестили в школе, заводилы всей компании. Они шли молча, чего прежде тоже никогда не случалось. Вообще в последнее время их разговоры часто обрывались на полуслове, наступали долгие паузы, чувствовалось в них что-то недосказанное; в отношениях ребят уже не было прежней сердечности.

Первым, не выдержав, заговорил Пешо. Покраснев, он грубовато спросил:

— Вы, что же... дуетесь на меня?

— Дуемся? — Веселин был смущен откровенным вопросом.— За что же нам дуться на тебя?

— Как за что? Сами знаете!

— Это только ты так думаешь,—пробормотал Веселин, сосредоточенно глядя себе под ноги.

— Дуетесь! — убежденно проговорил Пешо.— Как будто в самом деле я во всем виноват! А если, по-вашему, виноват, взяли бы да и сказали честно!

Коста молча шел рядом, загребая босыми ногами песок. Потом остановился и взглянул исподлобья на друга. В его умных зеленоватых глазах затаилась немальчишеская серьезность.

— А ты вправду думаешь, что не виноват?

— Если хочешь знать, все ребята считают тебя виноватым, все, до единого!

— Это за то, что меня электричеством пытали? За то, что я ничего не выдал?

— С тобой и разговаривать-то нельзя по-человечески! — огорченно возразил Коста.— Ты все толкуешь по-своему!

— Ладно, не буду,— смягчился и Пешо.— Ну, говори, в чем я, по-твоему, виноват?

— Сам хорошо знаешь, в чем,— не поднимая глаз, глухо сказал Веселин.— Удрали диверсанты? Удрали! А если бы ты ночью не полез туда, небось, полковник живо переловил бы всех, как... зайцев!

Пешо промолчал. Ему трудно было спорить или возражать. Подумав, он совсем тихо ответил:

— Что же, по-вашему, я и пошел за тем, чтобы спугнуть их? Я хотел сделать как лучше, чтоб не смеялись над нами. Разве я знал, что за дверью кто-то стоит?

— А наше решение? — наступал Веселин.— Ты почему не захотел выполнять его? Почему сделал по-своему?

— Ну хорошо! Пусть будет по-вашему,— тяжело вздохнув, ответил Пешо.— Тогда почему же вы — а еще товарищами называетесь! — сразу не сказали, что думаете? Только дуетесь все время!

— Кто виноват, тому первому и разговор начинать! — хмуро посмотрел на него Коста.

— Сначала-то мы вовсе не сердились на тебя,— нехотя заговорил Веселин.— Когда тебя спасли, знаешь, как мы обрадовались? — Он смущенно почесал нос и продолжал: — А потом что получилось? Бандиты удрали! Разве нам не обидно?

— Полковник все равно поймает их! — уверенно заявил Пешо.— Вы еще не знаете, что за человек полковник!

Лед был сломан. Мальчики и сами не заметили, как именно все это случилось. Во всяком случае, в свой квартал они вернулись повеселевшими. Восстанавливались прежние отношения.

Чарли первый, еще издали, заметил большой черный лимузин, стоявший возле дома Пешо.

— Гляди, ребята! — крикнул он.— Машина полковника!

Мальчики вздрогнули от неожиданности. Уж не беда ли какая приключилась? А может, диверсантов поймали?

— Подождите меня в садике!— крикнул товарищам Пешо.— Если узнаю что-нибудь интересное, сразу же прибегу к вам! — И он пулей взлетел по лестнице.

Полковник Филиппов действительно сидел у отца Пешо. Вот уже около часа он терпеливо поджидал возвращения мальчика. Нынче вечером ему непременно надо было еще раз поговорить с ним и его товарищами.

Время летело незаметно: старым друзьям-подпольщикам было что вспомнить. Начали они издалека, но мало-помалу речь зашла о детях. Полковник, не скрывая своего восхищения, говорил о смелости ребят.

— Смелость — это еще не все. Смелость требует разума,— сказал Кирилл Андреев,— разума и сознательной дисциплины. А вот мой сын нарушил оба эти требования.

— Дай бог, чтобы каждому предъявляли подобные обвинения! — засмеялся полковник.

— Ну нет, ты неправ! — нетерпеливо возразил Андреев.— Я не сержусь на сына, но это вовсе не значит, что я безоговорочно оправдываю его. Мне больше по душе поведение маленькой Юлии. Она умеет рассуждать, и мне это нравится. Самое ценное, на мой взгляд,— это сочетание силы характера с уважением воли коллектива.

Полковник едва заметно усмехнулся.

— Так-то оно так, да вот беда: сочетание этих качеств не всегда встретишь даже у взрослых! — заметил он.

— Вы поймали их, товарищ полковник? — вбежал в комнату Пешо.

Полковник покачал головой.

— Все еще нет, мой мальчик. Но скоро поймаем.— И добавил: — Особенно, если вы поможете нам.

Пешо даже покраснел от радости.

— Что же нам нужно делать, товарищ полковник? — спросил он взволнованно.

Но, словно не расслышав вопроса, полковник Филиппов продолжал:

— Если припомните все, абсолютно все, что случилось с того момента, когда вы напали на след Торoманова. Я понимаю, что вы ничего не утаили от меня, но сообщенных вами данных, к сожалению, недостаточно. Попытайтесь еще раз перебрать в памяти каждый свой шаг, даже самые незначительные мелочи. Вполне возможно, что именно какая-нибудь забытая вами мелочь, пустяк, на который вы и внимания не обратили, и наведет нас на правильный след... Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Понимаю, товарищ полковник! — ответил разочарованный Пешо. Он-то вообразил, что им дадут какое-нибудь ответственное поручение, посадят на машины, и помчатся ребята по следу диверсантов...

Полковник Филиппов, по-видимому, заметил его огорчение и добавил поспешно:

— А как нападем на след, и ваша помощь потребуется.

— Я сейчас! Ребята меня внизу ждут, товарищ полковник!

— Даже ждут, говоришь?

— Мы как увидели вашу машину, так сразу и подумали: «Случилось что-то важное!»

— Молодцы! От вас, как я погляжу, ничего не скроешь! — засмеялся полковник.— Ну, хорошо, пойди и поговори с ними. Пусть подумают, припомнят все мелочи, все детали, а завтра утром ко мне.

— Бегу, товарищ полковник!

— На этих мальчишек сейчас вся моя надежда,— сказал полковник Андрееву, когда они остались одни.— Мне кажется, что их наблюдательность и на этот раз поможет нам...

* * *

На следующий день Пешо, Веселин и Чарли вошли в кабинет полковника. По выражению их лиц он сразу догадался, что разговор предстоит серьезный. Усевшись поудобнее в кресла, ребята достали из карманов исписанные листы бумаги, и Пешо спросил:

— Можно рассказывать, товарищ полковник?

— Я слушаю вас,— ответил тот.

Пешо стал докладывать, а оба его товарища время от времени что-нибудь дополняли или уточняли. Минут тридцать спустя рассказ был закончен. Лицо полковника оживилось; в его глазах засверкали радостные искорки.

— Вы замечательные ребята! — сказал он.

— А вы узнали что-нибудь важное? — с волнением и надеждой спросил Пешо.

— Разумеется! Во-первых, судя по вашим описаниям, бандиты скрылись на «бьюике», а не на «шевроле».

— Я своими глазами видел марку «шевроле»! — смутился Чарли.

— Где ты видел эту марку?

— Над багажником, там, где у машины прикреплено запасное колесо.

— Ясно! Шофер поступил очень просто: сменил крышку. Значит, во-первых, они скрылись на «бьюике», во-вторых, новая, чрезвычайно важная деталь: вмятина на заднем правом крыле... Если бы мы знали о такой подробности раньше!..

— А сейчас поздно?

— Нет, еще не поздно! Затем очень важно упоминание о руднике. Почему Торdesigned накануне таких важных событий стремился устроиться инженером на рудник?

— Мы и сами думали об этом,— вставил Пешо.

— Такую нить нельзя выпускать из рук! Директор рудника — мой старый приятель. Возможно, что он поможет нам распутать клубок...

Побеседовав с ребятами еще минут пятнадцать, полковник Филиппов проводил их до лестницы.

— Итак, до вечера никуда не отлучайтесь из дому,— прощаясь, предупредил он.— Возможно, что кто-нибудь из вас сегодня понадобится мне.

— Никуда не уйдем! — за всех ответил Пешо.

Мальчишки стремглав помчались по лестнице. Оказывается, без них все-таки не смогли обойтись! А они уж думали, что их помощь никому больше не потребуется!

Неожиданная развязка

На следующий день, ровно в восемь часов двадцать минут вечера, на станцию Хвойная с большим опозданием прибыл пассажирский поезд. Начинало смеркаться. Под старыми вязами, окружающими станцию, замелькали светлячки. С запада надвигался густой мрак, гасивший последние лучи уходящего солнца. На станции было тихо, темно и безлюдно, как бывает на всех промежуточных станциях, возле которых нет ни одного населенного пункта. Начальник станции с фонарем в руке был единственным человеком, встретившим поезд.

Огромный черный локомотив, тяжело отдуваясь, остановился далеко от здания станции. На перрон вышли рабочие здешних рудников, а вслед за ними — еще два пассажира, которые сразу привлекли внимание начальника станции: пожилой мужчина в хорошо сшитом костюме и мальчик в коротеньких штанишках — должно быть, отец и сын. Очевидно, это были те самые гости, которых поджидала машина директора рудника. Всего лишь минут пять тому назад шофер приходил к начальнику станции справиться, когда же наконец придет запоздавший поезд, и, выругавшись, вернулся к машине.

У новых пассажиров был совсем легкий багаж — небольшой кожаный чемодан, который мужчина нес в руке. Мальчик оглянулся, будто надеялся встретить кого-то на перроне, и удивленно сказал:

— Похоже, что никакого шофера нет!

— Не может этого быть! — уверенно заявил мужчина.— Вероятнее всего, он ждет нас в кабине.

Начальник станции, случайно услышавший эти слова, вежливо сообщил:

— Машина директора ждет вас, товарищ инженер, на шоссе. Она уже давно здесь.

— Благодарю вас,— кивнул головой мужчина.— Как пройти туда?

— Через зал ожидания.

Мужчина с мальчиком ушли.

Нетрудно догадаться, что это были полковник Филиппов и Пешо. Полковник заранее условился с директором рудника, что прибудет под видом нового инженера, вместе с сыном, а машина директора доставит их на рудник, находящийся километрах в пятнадцати от станции, в долине.

Выйдя из здания станции, путники увидели слабо мерцающие вдали гирлянды электрических огней. Это были рудник и рабочий поселок.

— А вот и машина! — обрадовался Пешо.

Машина действительно поджидала их возле станции. Пешо торопливо пошел к машине; шагах в двух позади него шел полковник с чемоданом в руке. Подойдя вплотную к машине, Пешо остановился как вкопанный, сердце его учащенно заколотилось. Не обманывается ли он?

Перед ним стояла та самая машина, на которой приезжал Торманов! Он сразу узнал ее знакомые очертания, вмятину на заднем крыле. Узнал он и шофера — сухощавого, черного, молчаливого человека с коротко подстриженными усиками.

Заслышав шаги, шофер обернулся и внимательно посмотрел на инженера.

Если бы грянул гром, Пешо не был бы так ошеломлен. Он замер на месте, не решаясь переступить ногой. Уж не мерещится ли ему? Встретить машину бандитов на маленькой, глухой станции! Хорошо, что шофер, исподлобья разглядывавший полковника, не обратил никакого внимания на мальчика.

— Вы инженер Тощев? — спросил он.

— Да... Директор еще на работе?

— В конторе,— равнодушно ответил шофер.— Вы где остановитесь?

— С большим опозданием прибыли,— будто не расслышав вопроса, сказал Филиппов.— Неужели каждый день поезда у вас приходят так неаккуратно?

— Бывает... Знал, что не стоило мне приезжать так рано.

Не выходя из машины, шофер распахнул дверцу. Первым занял место на заднем сиденье полковник, рядом с ним сел Пешо, и машина

— Шевельнешься — буду стрелять! — предупредил полковник.

сразу рванулась вперед. Пешо не терпелось сообщить полковнику о своем неожиданном открытии, но как это лучше сделать? Сказать нельзя: шофер может услышать. Шепнуть полковнику на ухо? Но зеркало на ветровом стекле было установлено так, что водителю видна внутренность кабины. Несмотря на полумрак, Пешо, боявшийся пошевельнуться, чтобы не выдать своего волнения, часто ловил в зеркале пристальный взгляд шофера. Шоссе, по которому они мчались, было изрядно побито, и машину то и дело подбрасывало. Шофер включил фары. Впереди побежали два ослепительных луча, время от времени выхватывающие из темноты одинокие деревья, выбеленные камни по обочинам на поворотах, небольшие мостики. Местность пустынная, вокруг ни души, ни одной встречной машины.

Неожиданно вспыхнула лампочка на потолке кабины, включил ее полковник.

— Давайте хоть взглянем друг на друга, посмотрим, что мы за люди такие,— шутливо проговорил он.

— Аккумулятор сядет,— сдержанно заметил водитель.— Он у меня и без того слабый.

Пешо почувствовал, что полковник едва заметно коленом прикоснулся к его ноге. Взглянув вниз, Пешо увидел в руке полковника коробку сигарет, на крышке которой крупными неровными буквами было написано: «Этот шофер вез бандитов?».

Свет в машине погас.

— Да,— чуть слышно выдохнул Пешо.

В темноте полковник похлопал его по коленке, будто хотел сказать: «Не волнуйся. Ничего страшного нет. Я знаю и понимаю все».

Пешо вздохнул с облегчением. Кто бы мог поверить, что все это случится так удивительно просто! Он искоса взглянул на полковника, беспечно откинувшегося на спинку сиденья и с любопытством путешественника посматривавшего вокруг. Но даже эта его поза заставила Пешо насторожиться. Неужели сейчас здесь, в дороге, может что-нибудь произойти?

Филиппов был встревожен не на шутку — не за себя, за мальчика. Еще перед отъездом из Софии у него зародилось подозрение: не обнаружит ли он на руднике ту самую машину, на которой скрылись бандиты. Предварительная проверка показала, что одна из машин рудоуправления недавно уходила в Софию, и было это как раз в ту памятную ночь, когда бежали бандиты. Совпадала и марка машины: «бьюик». Конечно, это могло быть простой случайностью, но тот факт, что Тороманов хотел устроиться именно на рудник, усилил подозрения полковника. Хотя он и не очень-то верил в достоверность подобного рода умозаключений, но все-таки взял с собой Пешо, чтобы в случае необходимости с его помощью проверить свои догадки.

Сейчас полковник горько сожалел о том, что вовремя не предупредил Пешо о возможной встрече с кем-нибудь из банды. Он заметил, как смутился Пешо, узнав машину, почувствовал его растерянность, видел, как тревожно рассматривал мальчик шофера: тот был очень похож на портрет таинственного водителя, известный полковнику по описаниям ребят. Теперь ему все было ясно. Но тут же мысли его начали работать в другом направлении: догадался ли шофер, кого он везет? Полковник Филиппов был довольно известной личностью. По улицам столицы он всегда ходил в военной форме, и каждый, кто хотел бы запомнить его лицо, мог сделать это без особого труда. Разве он сам, когда был в подполье, не знал в лицо всех начальников политической полиции и, по крайней мере, дюжины две полицейских? А разве его друзья не знали в лицо всех опасных своих врагов? Не удивительно, если и шофер диверсантов узнал его. Полковнику показалось подозрительным поведение шофера, не нравились его бегающие глаза.

И еще один вопрос волновал полковника: вооружен ли шофер? Если вооружен, что было вероятнее всего, положение осложнялось. Предположим, что шофер вооружен и ему известно, кого он везет. В таком случае он понимает, что над ним и его соучастниками нависла смертельная опасность. С другой стороны, бандит имеет все основания предполагать, что он не узнан. Шофер, разумеется, не подозревает и не может подозревать, что мальчик, сидящий позади, мог видеть его в Софии и узнать теперь. Но если водитель все же решит любой ценой отделаться от опасных спутников? Бандит наверняка убежден, что инициатива полностью в его руках, и поэтому может рискнуть. Темнота, безлюдное шоссе — лучшей обстановки для него и не придумаешь.

Продолжая внимательно наблюдать за шофером, полковник незаметно переложил пистолет из заднего кармана брюк в карман пальто. Через несколько минут ему показалось, что и водитель сделал то же самое.

Легковая машина продолжала мчаться по шоссе среди непроглядной тьмы. Ровно гудел мотор. Казалось, все было в порядке, и все же полковник явственно ощущал приближение смертельной опасности. В душе он на чем свет стоит ругал себя за то, что взял на рудник мальчика. Не будь его, он моментально положил бы конец тягостной неизвестности.

Одно было ясно: на такой большой скорости водитель не может повернуться и выстрелить: он лишится возможности управлять машиной и рискует своей жизнью.

По сторонам дороги замелькала редкая дубрава. Свет фар то и дело вырывал из тьмы тонкие стволы и ветви.

Мотор начал «чихать».

Полковник вскинул пистолет.

— Что случилось? — спросил он.

— Неполадка какая-то, товарищ инженер,— спокойно ответил водитель, не заметивший в темноте поднятого пистолета.

Значит, сейчас!

Дуло пистолета уперлось в затылок водителя.

— Шевельнешься — буду стрелять! — предупредил полковник.

Шофер окаменел.

— Останови машину! — приказал полковник.

Скрипнули тормоза. Машина остановилась на пустынном шоссе. Фары освещали молоденькую дубраву.

— Руки вверх!

Водитель медленно поднял руки.

— Пешо! — не оборачиваясь, распорядился полковник.— Выйди из машины! Дверцу за собой не закрывай! Подойди к шоферу, достань из его правого кармана пистолет. Осторожно! Не трогай спуск!

Пешо, с немым восторгом наблюдавший эту сцену, выскочил из машины и распахнул переднюю дверцу. Засунув руку в карман шофера, он сразу же почувствовал холодный ствол пистолета.

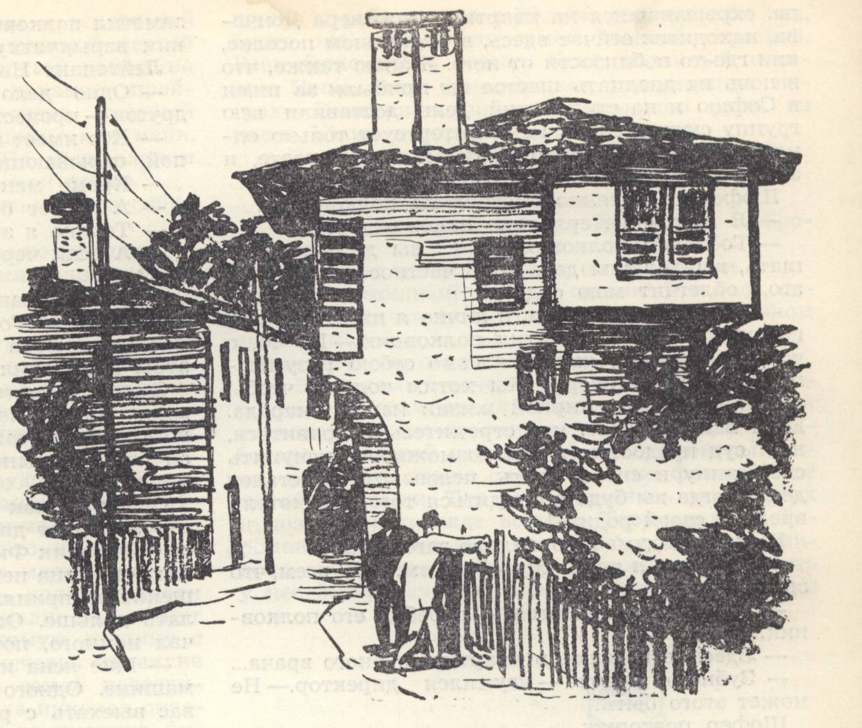
— Дай мне оружие! — проговорил полковник и впервые улыбнулся. — Так-то оно будет лучше!

Теперь у него было в руках два пистолета. Приказав шоферу выйти из машины, полковник велел Пешо обыскать его. Другого оружия не оказалось.

— Садитесь за руль! — отдал новое приказание полковник. — А ты, Пешо, рядом со мной.

Водитель молча занял свое место.

— Слушай внимательно, что я скажу тебе, приятель, — начал полковник спокойным и более мягким голосом. — Во-первых, ты должен включить мотор и вести машину дальше. Предельная скорость — двадцать километров — это во-вторых. В-третьих, не вздумай сворачивать с дороги. В-четвертых, остановишься перед конторой дирекции, возьмешь мой чемодан и, не оглядываясь, пойдешь впереди меня до кабинета директора. Все это сделаешь с таким видом, будто между нами ничего не произошло. Если попытаешься сделать хоть что-нибудь еще, пеняй на себя, шутки шутить я не намерен! Все ясно?

Лейтенант Наумов с сержантом, переодетые туристами, проникли в дом...

— Ясно,— безжизненным голосом отозвался шофер.

— Поезжай!

Машина пошла вперед со скоростью телеги. На всякий случай полковник включил свет в машине. Некоторое время ехали молча, потом полковник спросил:

— Ты меня знаешь? Знаешь, кто я?

— Не знаю,— глухо ответил шофер.

— Врешь, ты меня очень хорошо знаешь! Я полковник Филиппов. Моя фамилия тебе известна?

— Нет,— помолчав, ответил шофер.

— На лжи далеко не уедешь, приятель! — строго сказал полковник.— Зачем ты вытащил пистолет из заднего кармана брюк и переложил в пальто?

— Он лежал в пальто.

— Ты думаешь, напал на слепого?

Шофер промолчал.

— И врать-то толком не научился!

— Я и не вру... И вообще я ничего не знаю.

— Все ты, конечно, знаешь и все мне расскажешь. Это тебе же на пользу пойдет, судьбу свою облегчишь. Ведь над твоей головой не висит такой приговор, как у Владо Попова, например, или Петра Заякова. Пока будем в пути, ты подумай как следует.

Полковник увидел в зеркале, как расширились глаза шофера. Но уже через минуту он чуть не пожалел, что затеял этот разговор. Навстречу им неслась машина с включенными фарами. Встречная машина еще издали стала подавать световые сигналы: «Держи правее!» Мурашки пробежали по спине полковника. А вдруг бандит решит врезаться в мчавшийся грузовик? Моментальная смерть или — если случайно останется в живых — верное спасение! Решится ли он на это? Ослепительные фары приближались. Полковнику невольно захотелось крикнуть: «Внимание!»,— но он лишь крепче стиснул зубы: зачем подсказывать врагу хотя бы и рискованный выход?

Но шоферу, ошеломленному неожиданным поворотом событий, и в голову не пришло пойти на риск. Он благополучно довел машину до большого, ярко освещенного здания дирекции рудника. Как и было приказано, он вышел из машины, взял чемодан, не оглядываясь, поднялся по лестнице и остановился перед широкой белой дверью с табличкой: «Директор».

— Пришли! — глухо произнес он.

— Очень хорошо! Постучи и входи!

Исполнив приказание, шофер открыл дверь. Переступив порог просторного, строго обставленного кабинета, полковник увидел Стефана Бабоева, директора рудника, сидевшего за письменным столом, а в кресле перед ним — начальника рудничной охраны лейтенанта Наумова в гражданском костюме. Директор, дружески улыбаясь, встал навстречу гостям, а лейтенант, предупрежденный заранее, что его начальник прибывает инкогнито, даже не шевельнулся.

— Товарищ Наумов,— обратился к нему полковник,— есть у вас при себе наручники?

Офицер вскочил.

— Так точно, товарищ...— запнулся лейтенант, чуть не сказав: «Товарищ полковник».

— Вот и хорошо! Наденьте-ка их на этого... господина. Так оно будет спокойнее.— Полковник не без удовольствия смотрел на изумленные лица директора и лейтенанта.— Ну, ну, живей!

Шофер покорно протянул руки.

Вскоре начался допрос.

— Слушайте меня внимательно! — сказал полковник.— Мне известно, что диверсионная груп-

па, скрывавшаяся на квартире инженера Дончева, находится сейчас здесь, в рудничном поселке, или где-то поблизости от него. Я знаю также, что в ночь на двадцать шестое вы прибыли за ними в Софию и на следующий день доставили всю группу сюда. Сейчас меня интересует только одно: где они скрываются? Вы кое-что знаете, и это кое-что я тоже хочу знать!

Шофер растерянно смотрел на полковника.

— Я жду! — нетерпеливо напомнил тот.

— Господин полковник, вы... вы должны обещать, вы должны дать мне честное слово, что это... облегчит мою судьбу.

— Я не народный суд, и лично я ничего не могу вам обещать,— ответил полковник.— Но то, о чем вы просите, является само собою разумеющимся. Мы не звери. Мы хотим только, чтобы никто не мешал мирной жизни нашего народа. Если вы докажете, что стремитесь исправиться, наш суд предоставит вам возможность искупить свою вину и снова стать человеком. Настанет день, когда вы будете стыдиться того, что хотели вредить своей родине!

Шофер, подумав, торопливо заговорил:

— Хорошо, я расскажу обо всем! Обо всем, что знаю...

— Где они скрываются? — перебил его полковник.

— Здесь, в поселке, в квартире зубного врача...

— Зубного врача? — изумился директор.— Не может этого быть!

Шофер повторил:

— У зубного врача.

— Вся пятерка или Торомановы остались в Софии?

— Трое. Имени третьего я не знаю... Трое,— повторил он.— Торомановы здесь только мешали бы.

— Они вооружены?

— Да. Автомат и несколько бомб.

— Взрывчатка у них есть?

— Взрывчатка спрятана на складе номер восемь,— ответил водитель.

— Под землей?! — испуганно воскликнул начальник рудничной охраны, отирая холодный пот, выступивший на лбу.

— Прошу не прерывать меня! — холодно взглянув на лейтенанта, приказал полковник.— Кто охраняет взрывчатку?

— Никто ее не охраняет,— глухо процедил шофер.— Она сама себя охраняет. Кладовщику сказали, что в ящиках запасные части для компрессоров.

— С какой целью взрывчатка доставлена туда?

— Вы знаете, с какой...— облизывая пересохшие губы, ответил шофер.

— Я очень хорошо знаю, но вы должны подтвердить мои догадки.

— Группа получила задание — взорвать рудник вместе с важнейшим оборудованием.

— И вместе с людьми!

— Да... и с людьми.

— Когда должен быть произведен взрыв?

— Точный срок не установлен. Мы еще не знаем, как членам группы проникнуть в шахту. Это очень трудно.

— А почему вы отказались от идеи Торомanова: проникнуть на рудник под видом инженера?

Шофер смущенно посмотрел на полковника.

— Мы поняли, что его не примут. Очень уж бдительная охрана.

— Не такая уж, оказывается, бдительная,— заметил полковник,— если удалось внести в рудник взрывчатку! Охрана тут не на высоте!

Лейтенант Наумов покраснел.

— Одно дело — пронести взрывчатку, совсем другое — провести людей,— возразил шофер.

— Кто имеет право вступать в контакт с группой, скрывающейся у зубного врача?

— Кроме меня, никто.

— А может быть, каждый, кто знает пароль?

— Только я знаю пароль.

— А если через границу перебросят помощников?

— Они обязаны знать пароль.

— Пароль? Говорите при всех!

Лицо шофера побагровело; заикаясь, он сквозь зубы выговорил пароль.

Вместе с лейтенантом полковник на несколько минут вышел из кабинета. Пешо, молча слушавший допрос, тоже облегченно вздохнул. Теперь он уже не сомневался: на этот раз бандитам не уйти!

Сидел он, как на иголках, нетерпеливо ожидая, что же будет дальше. В кабинете снова появился полковник Филиппов. По спокойному выражению его лица невозможно было понять, какое решение он принял и что именно собирается делать дальше. Опустившись в кресло, он помолчал немного, потом неторопливо заговорил:

— Мне ясна игра со сменой номеров на автомашине. Одного не могу понять: что заставило вас выехать с рудника в Софию именно в то время, когда надо было спасать ваших соучастников?

— Такой уговор был,— подняв голову, коротко ответил водитель.

— Что значит уговор? Откуда вы могли знать, что произойдет в квартире инженера Дончева в ту ночь?

— Не знал, конечно. Я уехал в ночь на двадцать шестое. Сказал, что потребовался небольшой ремонт, да и аккумуляторы сменить надо было. Уговор у нас такой был: вывезти их на машине из Софии я должен был в следующую ночь, а целый день пробыть в городе. По предварительному плану, я должен был взять в машину всю пятерку: троих — на квартире инженера и Торomanова с женой. По тому же плану мне надо было замести след машины, если случайно заметят ее номер. Когда я подъехал ближе к Софии, сменил номер на машине. Потом поставил машину в софийский гараж рудника и позвонил по телефону на квартиру инженера...

— В котором часу?

— Без четверти два.

— Затем?

— Из квартиры инженера я получил приказ точно в два десять ночи прибыть на соседнюю улицу. Я сразу понял: случилось что-то непредвиденное — и, конечно, подготовился ко всяким неожиданностям. В назначенное время прибыл на указанное место и забрал группу вместе с багажом. Мне приказали захватить и Торomanова. Так со всей пятеркой я поехал на мою городскую квартиру. Там и оставил всех.

— Адрес городской квартиры? — спросил полковник.

Шофер назвал улицу и номер дома.

— Затем?

— Потом и началась игра с номером машины. Около трех часов ночи я выехал из города мимо контрольного пункта, и номер моей машины был, конечно, записан. Для милиции моя маши-

на вошла в город около полуночи и вскоре той же дорогой ушла обратно. За городской чертой я остановил машину, поставил другой номер, на этот раз настоящий. Подождал, покамест пройдет три часа и сменят милиционера, который мог запомнить внешний вид машины или меня, потом снова поехал в Софию. На контрольном пункте, конечно, снова записали мой номер.

— В каком гараже стояла машина? — перебил полковник.

— Как всегда, в городском гараже рудника.

— И никто в гараже не заметил ночных отлучек?

— Гараж у нас небольшой, а я заранее знал, что в ту ночь он будет пустовать. Сторожу сказал, что ухожу домой взять кое-какие вещи, потому что на другой день мне некогда будет заглянуть к себе. Как только стемнело, я сел в машину и поехал в авторемонтную мастерскую, где мне сменили аккумулятор и устранили коекакие неполадки в электрооборудовании. После обеда, часов в пять, посадил в машину всю тройку и уехал из Софии. Сами понимаете, конечно, они переоделись так, чтобы никто не мог признать их. Мы предполагали, что мальчишку успели найти и он мог рассказать, как выглядели те, в чьи руки он попал. Мы знали: нас станут разыскивать, искать будут ту самую машину с фальшивым номером, которая исчезла накануне ночью. Она должна показаться самой подозрительной. Значит, нам не угрожала никакая опасность. И правда, за всю дорогу до рудника никто нас не останавливал и никто не проверял, что за люди едут в машине. Фальшивый номер, думалось мне, спас нас от беды.

— Спас! — согласился полковник с горечью.— Спас, но не совсем! А зачем вы оставили Торoccurманова в Софии и где он скрывается теперь?

— Опасно было взять всю группу. Особенно опасно было везти с собой такую приметную женщину.

— А где они сейчас?

— У меня на квартире. Хозяевам я сказал, что они родственники, приехавшие из провинции подлечиться. Поживут немного и уедут.

Полковник повернулся к Пешо:

— Ну, мой мальчик, нам с тобой нынче вечером еще придется поработать. Тебе нужно встретиться с квартирантами инженера Дончева и убедиться, те ли это самые. Думаю, что скоро все они будут там, где им положено...

* * *

Трое диверсантов были схвачены без особого труда, так как шофер выдал пароль. Лейтенант Наумов с сержантом, переодетые туристами, проникли в дом зубного врача и застигли врагов врасплох. Несколько позже Пешо увидел арестованных и сразу же узнал тех самых бандитов, которые были в квартире инженера Дончева. Одновременно удалось захватить и все снаряжение диверсантов, включая рацию и шифр. Взрывчатку нашли в том самом складе, который назвал шофер. В ту же ночь в Софии были арестованы Тороманова. Ускользнул лишь инженер Дончев: узнав, что его разоблачили, он бежал за границу.

Прошло два дня. Полковник Филиппов на машине приехал к родителям Пешо и собрал своих юных помощников. Пришли все, в том числе и Юлия. Полковник казался очень довольным, шутил с ребятами, а с Юлией держал себя так, будто она здесь была самой главной персоной. Всем было очень весело. Кекс, поданный матерью Пешо, гости приняли как заслуженную награду. Полковник Филиппов положил руку на плечо Юлии и спросил деловым тоном:

— Знаете, зачем я сегодня приехал к вам?

— Знаем! — в один голос ответили ребята.

— А ну, говорите, зачем?

— Рассказать нам, почему Тороманов выбросил ключ!

Полковник даже оторопел от удивления.

— Вот дотошный народ! Угадали! Все дело, однако, в том, что тайна-то оказалась не слишком замысловатой.

Внимательно оглядев ребят, он продолжал:

— В тот самый вечер в дом, в котором жил Тороманов, вошли два милиционера — искали они знакомую какую-то, односельчанку. Девушка работала домашней работницей. Милиционеры знали, на каком этаже она живет, но фамилию ее хозяйки забыли. Так вот, поднялись они наверх и позвонили прежде всего к Торомановым. Тороманова заглянула в замочную скважину, увидела милицейскую форму и, поскольку совесть у нее была нечиста, перепугалась. Кинулась к

Полковник собрал своих юных помощников.

мужу и его напугала: «Милиция!». Единственной уликой в тот момент был ключ от чужой квартиры. Куда его спрятать? Тороманов решил, что при тщательном обыске найдут ключ и станут выяснять, откуда он. Выглянув во двор, он не заметил вас и выбросил ключ. Минуту спустя выяснилось, что тревога ложная. Спустившись вниз, во двор, он встретил вас... Остальное вы знаете лучше меня.

Перевел с болгарского
Б. Диденко.

Ключи жизни

Е. Рубцова

Рисунки В. Цельмера.

Колдун из Базеля

Четыреста с лишним лет назад жил в Швейцарии человек с длинным именем: Филипп-Ауреол-Теофраст-Бомбаст фон Гогенгейм, по прозванию Парацельс. Суеверные горожане шепотом, по секрету толковали, что он колдун и продал душу дьяволу. Не зря у него в доме по ночам полыхает огонь, в странных сосудах кипятятся таинственные варева, калятся и дымят неведомые порошки!

Парацельс, конечно, не был колдуном. Он был отличным врачом и, как многие пытливые люди его времени, алхимиком.

Алхимики думали, что можно, расплавляя, смешивая, растворяя и выпаривая различные порошки, кристаллы, жидкости, изготовить «философский камень», возвращающий молодость и превращающий простые металлы в золото. В поисках этого сказочного камня они сделали много открытий, разгадали свойства многих минералов, нашли способы получения различных красок, лекарств, металлических сплавов. Опыты алхимиков, накопленные ими знания положили начало многим наукам.

Многие алхимики, обвиненные в колдовстве и магии, погибли на костре. Многие окончили жизнь в подземельях средневековых замков, у жадных феодалов, желавших выпытать несуществующий секрет «философского камня». Но ни страх мучительной смерти, ни другие опасности не останавливали алхимиков в их стремлении проникнуть в тайны природы.

Таков был и Парацельс. Глубокий мыслитель, ненасытный исследователь, он считал главным источником знаний природу, а главной наукой медицину, но, сын своего суеверного века, он в то же время верил в населяющих воздух сильфов, в саламандр, рождающихся из пламени, в гномов и других волшебных духов.

Он был убежден, что можно искусственным путем, в бутылке с химическими растворами создать гомункулюса — крохотного живого человечка. Он даже составлял для этого рецепты, дошедшие до наших дней. Ни Парацельс, ни другие алхимики, пытавшиеся получить искусственного человечка, не подозревали даже, как сложно устроен всякий живой организм.

Если бы алхимики могли заглянуть в будущее, на несколько столетий вперед, они увидели бы, как ученые, живущие в наше время, строящие огромные заводы и сложные машины, стараются создать не искусственных человечков, а хотя бы те вещества, из которых состоит человек и все живое, и как эти попытки до сих пор не увенчались успехом.

Дверь на замке

Шли века. Развивались науки. Длинной цепочкой протянулись открытия. Через шлифованные стекла микроскопа люди заглянули в невидимый мир крохотных существ, увидели живые клеточки и ткани, из которых построены растения, животные, человек. Из алхимии родилась химия. Потом от химии

отделились новые науки, изучающие свойства тех удивительных веществ, которые образуются только в живом теле растений и животных.

Проникая все глубже в тайны этих веществ, названных органическими, ученые наконец узнали, из чего они состоят и как устроены. Химики научились создавать новые вещества, которых нет в природе. Но никому не удавалось построить молекулу сахара, крахмала или клетчатки из углерода, кислорода и водорода при тех условиях, какие существуют в клеточках зеленого растения.

Только в живых клетках возникают сложные и бесконечно разнообразные молекулы белка. Один из видов белка вам хорошо знаком, это белок куриного яйца. Белки составляют основу жизни. В теле каждого живого существа непременно содержится то или другое количество белка, который и является главным участником всех жизненных процессов.

Но как и почему именно с белком связаны явления жизни? Бактерия — одно из простейших живых существ, крохотный комочек белка — дышит, поглощает питательные вещества, изменяет их, размножается, хотя ничем как будто не отличается от другого такого же кусочка белка, кроме того, что она «живая». В ней могут происходить и происходят все эти сложные процессы, а в каком-нибудь другом, неживом комочке — нет. Почему? И каким образом в этом комочке белка образуются новые белковые молекулы, которых не удавалось получить искусственно даже величайшим химикам в самых лучших лабораториях?

А в теле птиц, зверей или человека происходят еще более сложные и удивительные превращения. Наша пища состоит из различных веществ. Главные среди них жиры, белки, сахар, крахмал. Эти вещества очень сложны. Но когда мы их съедим, они в нашем теле сперва превращаются в более простые вещества. Из этих простых веществ в клеточках нашего тела снова образуются жиры, белки, сахар, крахмал, но уже другого сорта, как раз такого, какой нужен для клеточек и тканей нашего тела. Похоже на игру в кубики. Из одних и тех же кубиков складываются разные постройки.

Почему же, под действием каких сил происходят эти двойные, а иногда и тройные превращения — сначала из сложных веществ в простые, потом из простых в сложные и

Лаборатория алхимика.

Женщины Севера смачивали жилу слюной.

еще более сложные, но уже по-другому составленные? Для того, чтобы разделить сложный белок на более простые «кубики», аминокислоты, мы в лабораториях кипятим его с крепкой серной кислотой. Кипятим долго, около суток, и только после этого получаем аминокислоты. Как же это происходит в живом теле человека и животных? Ведь там нет крепких кислот, подобных серной, там нет температур в сто градусов и выше. И крепкие кислоты и такая высокая температура были бы гибельны для любого органа, для любой ткани, для любого участка живого тела. И все же превращение съеденных белков в аминокислоты происходит. Вдобавок очень быстро и при температуре всего в 36—37 градусов.

Точно так же превращаются и другие вещества. Подержите во рту кусочек хлеба. Вы скоро почувствуете, как он становится сладковатым. Это уже началось превращение крахмала в сахар-глюкозу. Дойдя с кровью до печени, глюкоза тоже испытывает превращение: из нее опять образуется очень сложное вещество — гликоген. А потом постепенно, по мере надобности, гликоген будет снова превращаться в глюкозу и расходоваться на работу наших мышц. Десятками можно было бы перечислять химические превращения, которые идут в таинственных лабораториях — клетках, тканях и органах нашего тела.

Ключи найдены

Такие превращения прежде никак не удавалось повторить искусственно, чтобы при этом условия походили на условия в живом теле. Не удавалось, пока не были открыты ферменты. Они имеют особую химическую силу: они вызывают все эти превращения да вдобавок еще и «подталкивают» их, ускоряют. Ферменты найдены в каждом живом теле, от простой бактерии до человека.

Без помощи ферментов мы не усвоили бы ни одного глотка пищи; объедаясь, мы умерли бы от голода и истощения. Кислород, который мы добываем из воздуха с каждым вдохом, не мог бы усваиваться нашей кровью и клетками нашего тела без помощи ферментов; окруженные воздухом, мы погибли бы от удушья. Именно ферменты, вырабатываемые живыми клетками, комочками живого белка, управляют всеми химическими превращениями, отличающими живое тело от неживых предметов. Сами ферменты при этом не расходуются, не изменяются и потому нужны в очень маленьких количествах.

Ферментов много. Каждый имеет свою «специальность» и вызывает превращения одного вещества или одной группы родственных по составу веществ.

То, на что действует фермент, химики называют субстратом. Молекулы каждого фермента построены по-разному, и этим объясняется, что у всех ферментов своя «специальность».

«Фермент подходит к субстрату, как ключ к замку»,— говорят химики.

Вот как выглядят кристаллы различных ферментов. Ровненькие палочки слева — это кристаллы гексокиназы. Похожие на снежинки звездочки — кристаллы рибонуклеазы. Дальше идут кристаллы карбоксипептидазы и пепсина.

Люди с глубокой древности использовали могучую химическую силу ферментов, но использовали наугад, даже не подозревая об их существовании.

У народов Севера женщины, сшивая тонкими оленьими жилами унты, кожаную байдару или меховую одежду, обычно держали эту жилку во рту. Они ничего не знали про ферменты, а между тем именно ферменты слюны размягчали жилку, делали ее гибкой.

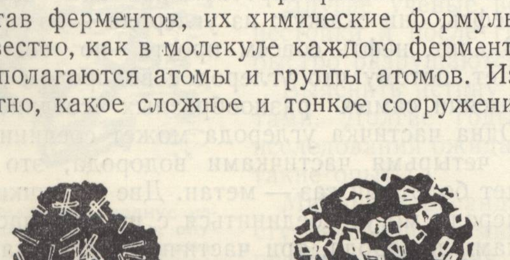
В Узбекистане и Туркмении размотчицы коконов смачивали тонкую шелковую паутинку слюной. И здесь работал фермент. Он растворял клей, которым гусеница шелкопряда, свивая кокон, пропитывает нити.

Ферменты издавна помогают людям в приготовлении хлеба, сыра, вина, чая, льна, при выделке кожи.

Но, используя силу ферментов, люди о них почти ничего не знали. Какие-нибудь полтора десятка лет назад в учебниках химии ферменты описывались как «вещества неизвестной нам природы».

Доказать, что ферменты, как и все другие вещества, имеют свой химический состав, было уже большой победой науки. В наше время это доказано. Мы теперь знаем, что ферменты относятся к группе белков. Молекула любого белка во много раз сложнее, чем молекулы других веществ, а среди белковых молекул самые сложные — у ферментов. Их крупные молекулы построены из сотен и тысяч атомов углерода, водорода, азота, кислорода, фосфора. Каждая из них заключает в себе особую активную группу. Если фермент сравнивать с ключом, то активная группа — бородка ключа. Форма и величина бородки у ключей разная. С помощью бородки ключ открывает и закрывает замок.

Итак, теперь никто не думает, что ферменты — это какие-то призраки. Известен состав ферментов, их химические формулы. Известно, как в молекуле каждого фермента располагаются атомы и группы атомов. Известно, какое сложное и тонкое сооружение представляет собой такая молекула. Уже добыты кристаллы ферментов, и вы их можете увидеть своими собственными глазами.

А это кристаллы трипсина и химотрипсина.

От живой клетки к фабрике

Разгадав работу ферментов, научившись их получать, мы заставляем их служить себе уже не наугад.

Не надо размотчицам шелка смачивать коконы слюной, как в старину. Не надо, как это делалось еще совсем недавно, обрабатывать их щелоком и горячим паром под высоким давлением. При этом способе, правда, растворяется крепкий клей, выработанный гусеницами, но и сама нить становится менее прочной. Теперь на шелкомотальных фабриках «работает» фермент супербиолаза. Он растворяет клей коконов, не повреждая нити. В городе Фрунзе — столице Киргизии — построен большой завод, вырабатывающий супербиолазу.

Когда-то сыровары клали кусочки сычуга — телячьего желудка — в молоко, чтобы молоко свернулось особым образом, не прокисая. Они не знали, что при этом действует фермент химозин. Теперь на сыроваренных заводах употребляется химозин, приготовленный химиками и не уступающий телячьему.

Оказывается, ни вяление рыбы, ни ее засолка, ни квашение капусты и других овощей не обходится без участия ферментов. В мертвом организме — будь то рыба, кочан капусты или чайный лист — ферменты, не потеряв своей силы, действуют беспорядочно, как попало. Начинается «самопереваривание», автолиз. Автолиз приводит к частичному или полному распаду тех сложных веществ, из которых было построено тело животного и растения.

Вот частичный автолиз и придает особый вкус селедке, капусте, чайному листу. Разрушаются все лишние части тканей, а те, которые наиболее ценны, освобождаются и накапливаются. Без автолиза чай пахнет сеном, а селедка, капуста и ветчина не имеют того вкуса, который мы ценим в хорошем засоле.

В науке за каждым полученным ответом всегда возникают новые вопросы. Так было и с ферментами. Каким образом один и тот же фермент производит прямо противоположное действие? Почему белковая пища — какой-нибудь кусочек мяса — под влиянием фермента, который называется пепсином, сперва расщепляется на аминокислоты, а потом силой все того же пепсина снова соединяется в сложный белок?

Ученым известны и другие вещества, которые подобно ферментам способны ускорять химические реакции. Губчатая платина, например, ускоряет соединение разных веществ с кислородом. Но губчатая платина никогда не меняет своей «специальности». Она никогда не помогает отъединению кислорода от веществ, с которыми кислород соединился.

Почему же фермент то разрушает, то строит? И почему в руках людей фермент проявляет только одну половину своей силы, разрушительную?

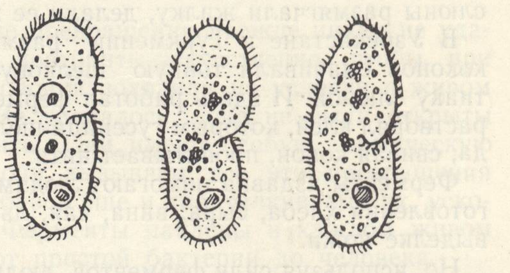
К ферментам «на дом»

Ответ на все эти «почему и отчего» помог найти советский биохимик В. Л. Курсанов. Он взял да и перевернул наизнанку те способы, которыми изучались ферменты. Раньше добывали содержащий ферменты сок из растертых, измельченных клеток какого-нибудь растения или животного. Сами клетки при этом, конечно, погибали.

Выходит, изучалось лишь действие ферментов после смерти клетки, а не при жизни ее. Но ведь после смерти всегда и обязательно происходит разрушение! Значит, надо заглянуть в живые клетки, последить, как работает фермент «у себя дома». Вместо того, чтобы сок, добытый из клеток, прибавлять в какие-либо вещества, надо эти вещества ввести в целенькую живую клетку.

Курсанов, в то время еще совсем молодой ученый, придумал, как это сделать. Он помещал живой, только что сорванный листок в склянку с каким-нибудь раствором, например, сахарным. Хорошо закупорив склянку, выкачивал из нее воздух. Тогда по законам физики весь воздух из промежутков между клетками переходил в раствор, а из раствора в пустое пространство над ним. Этот воздух тоже откачивался из склянки. Когда наконец можно было считать, что в тканях листа совсем не осталось воздуха, склянка раскупоривалась и в нее через горлышко с силой врывался воздух снаружи. В склянке восстанавливалось нормальное атмосферное давление. Силой этого давления сахарный раствор втискивался в пустые промежутки между клеточками листа. Сахар был доставлен к ферменту, и можно было наблюдать за ним в живых, а не в убитых тканях.

Вот что оказалось. Часть фермента заключена в жидкой капельке, находящейся внутри каждой клетки. Здесь фермент занимается расщеплением сложных веществ так же, как в соке, добытом из разрушенных клеток. Но остается другая часть ферментов — в тонком слое живого белка-протоплазмы, выстилающей изнутри стенки клеток. Эта часть фермента и занимается строительством. Значит, работа фермента зависит от условий, в которых он находится. Растворенный в воде, он — разрушитель, вкрапленный в протоплазму, он — созидатель.

Здесь видно, как инфузория усваивает пищу. Кусочки пищи попали внутрь клетки. К ним собираются особые тельца, богатые ферментом. Потом вокруг каждого кусочка образуется водяная капелька — вакуоля. Тельца с ферментами начинают уменьшаться, растворяясь в капельке, и тогда под действием растворенных ферментов начинается переваривание пищи.

Так вот почему в прежних опытах ферменты всегда выступали только разрушителями! Ведь изучался сок из клеток, иначе говоря, растворенные ферменты!

Ученые шаг за шагом узнают подробности разнообразной работы ферментов и при этом находят все новые и новые «ключи жизни». С их помощью можно теперь регулировать деятельность внутри живых организмов: можно увеличивать сахаристость свеклы, ускорять созревание плодов, управлять ростом растений и животных, побеждать болезни.

Ферменты участвуют в споре

Если химиков спросить, из чего состоит нефть, они скажут: из углерода и водорода. Значит, нефть совсем проста по составу? Нет, потому что углерод с водородом дают тысячи самых разнообразных соединений. Одна частичка углерода может соединиться с четырьмя частичками водорода; это будет болотный газ — метан. Две частички углерода могут соединиться с шестью частичками водорода, три частички углерода — с восемью водорода... И каждый раз получается новое вещество с другими свойствами. Все они называются углеводородами. В нефти много десятков таких соединений.

Почему такой состав у нефти? Как она образовалась?

Уже давно идет об этом спор. Одни уче-

ные считают, что нефть образовывалась в глубинах земной коры просто из углерода и водорода. А другие — что нефть произошла из мертвых остатков морских водорослей и животных, которые, разрушаясь, превращались в разнообразную коллекцию углеводородов.

Чтобы разрешить этот спор, великий русский химик Дмитрий Иванович Менделеев пытался получить нефть искусственным путем. Он создавал в лаборатории те условия, при которых она, по его предположениям, могла возникнуть в природе. Действительно, получилось вещество, сходное с нефтью. Однако некоторые составные части настоящей нефти ни за что не могли бы уцелеть и сохраниться, если бы она в природе хоть недолго находилась под действием высоких температур, с помощью которых Менделеев создавал свою искусственную нефть.

Значит, на самом деле нефть образовывалась иначе. Но как?

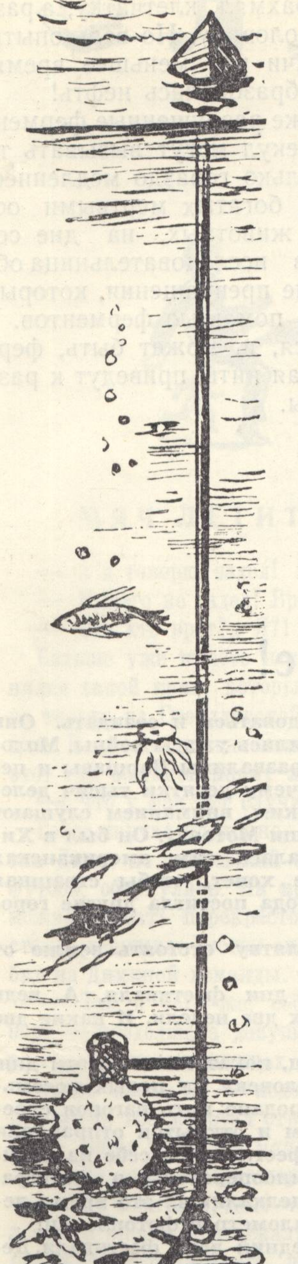
Не легко разгадать это! Ведь нефть единственное из полезных ископаемых, которое мы находим не на том месте, где началось ее возникновение. Нефть — жидкость и, как всякая жидкость, подвижна. Она просачивается сквозь другие породы, «путешествует» в земных толщах. И по-прежнему одни считают, что она образовалась в земных недрах при огромных температурах, другие — что она возникла на дне морей и озер, где скопляется ил, богатый мертвыми остатками всевозможных растений и животных.

Но какой силой превращается в нефть скопление мертвых организмов? Некоторые ученые говорили: наверно, той же силой, которая прежде управляла их жизнью, — силой ферментов, заключавшихся в живых тканях. Ферменты эти скоплялись в обширных подводных складах погибших животных и растений.

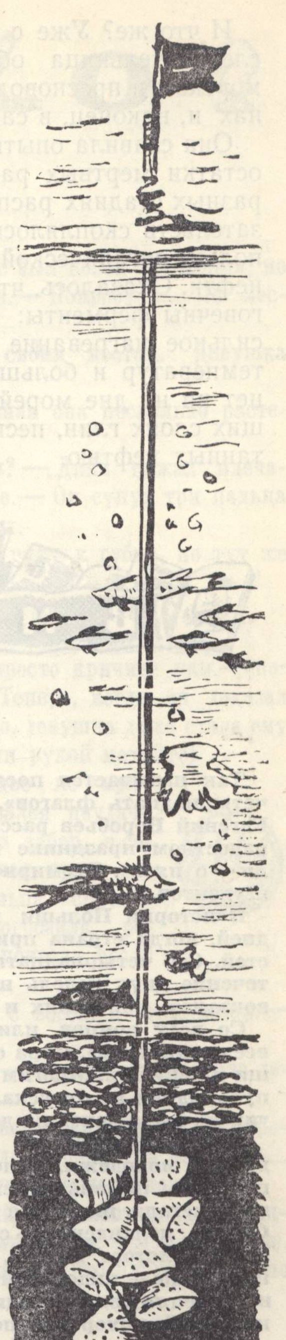
Другие ученые возражали им: ферменты нестойки и после гибели живого организма быстро разрушаются.

Выяснить истину можно было только опытами. Долгие годы работы, трудный путь исследований ожидали того, кто возьмется за такие опыты.

Милица Александровна Мессинева еще со студенческой скамьи думала над этими вопросами. Закончив университет, она стала исследовать роль ферментов в образовании нефти. Всю предполагаемую обстановку нефтеобразования ей надо было проверять опытами в лаборатории и в природе. Многие из этих опытов должны были длиться десятки лет.

Большой шар, радиус которого — полметра, опускают на дно водоема. В шаре устроены отверстия. Через них попадает внутрь ил, а обратно может выйти только вода. Десятки и сотни таких шаров отправлены на дно. Некоторые лежат там годы, другие — уже более десятка лет. В них ферменты ведут свою работу.

Этот прибор тоже служит для изучения роли ферментов в образовании нефти. Гроздья усеянных дырочками конусов опускаются в толщу донного ила, в скважины, пробуренные на глубину семнадцати — восемнадцати метров. Через много лет они расскажут ученым, какие превращения вызывают ферменты в глубоких, спрессованных слоях ила.

И что же? Уже с самых первых шагов исследовательница обнаружила ферменты в морском и пресноводном иле, в песках и глинах и, наконец, в самой нефти.

Она ставила опыты в лаборатории, изучая остатки мертвых растений и животных на разных стадиях распада. И все больше доказательств скоплялось у М. А. Мессиневой в пользу органической теории происхождения нефти. Оказалось, что вовсе не так уж недолговечны ферменты: их разрушает только сильное нагревание и кислород. А высоких температур и больших количеств кислорода нет ни на дне морей, ни в глубоко залегающих слоях глин, песка и известняков, пропитанных нефтью.

Оказалось, что автолиз на восемь десятых разрушает сахар, крахмал, клетчатку, а различные белки — наполовину. Но ведь опыты эти длились в тысячи раз меньшее время, чем то, за которое образовалась нефть!

Оказалось, что даже разрушенные ферменты, обломки их молекул могут вызывать те же превращения, только гораздо медленнее.

Наконец, в слоях, богатых мертвыми остатками растений и животных, на дне современных водоемов исследовательница обнаружила химические превращения, которые могут идти только с помощью ферментов.

Спор продолжается, и, может быть, ферменты, как путеводная нить, приведут к разгадке большой тайны.

В МИРЕ КНИГ

До свидания в Москве!

Так называется последняя глава книги «Сто четырнадцать флагов». В этой книге писатель Евгений Воробьев рассказывает о ярком, жизнерадостном празднике всех юных жителей земли — о пятом Всемирном фестивале молодежи и студентов.

В истории Польши не было, пожалуй, таких дней, когда страна принимала сразу столько гостей. Сто четырнадцать флагов радугой горели в течение двух недель на улицах и площадях, на вокзалах, пристанях и аэродромах Варшавы.

Со всех концов, или, как говорят поляки, из всех «закутков», мира съехались в Варшаву юноши и девушки. Многим из них нелегко дался этот путь: одних не отпускали власти их стран, у других не было денег на дорогу...

И тут пришла на помощь великая сила — дружба молодежи. Молодые финны собрали деньги, чтобы помочь приехать на фестиваль неграм из Сенегала, шведская молодежь помогла неграм Судана, исландская — своим друзьям с Золотого Берега, а молодые норвежцы — индонезийцам. Но вот все препятствия позади, и гости в нарядной, похорошевшей Варшаве, дружески раскрывшей перед ними объятия...

Песнями и цветами встречает их польская молодежь, и город, в котором хранится сердце композитора Шопена, с восхищением слушает музыку всех пяти частей земного шара.

Как радостна праздничная многоцветная толпа, какие чудесные знакомства завязываются на каждом шагу!

Но фестиваль — это не только безмятежный праздник юности. Люди всего мира ненавидят войну и хотят трудиться, радоваться и созидать. Они не хотят, чтобы повторились ужасы войны. Молодежь не хочет видеть развалины Варшавы и пепел Хиросимы. Вот почему десятки тысяч делегатов фестиваля с таким вниманием слушают рассказ японского юноши Мотоясу. Он был в Хиросиме, когда разорвалась там американская атомная бомба. Он не хочет, чтобы страшная судьба его родного города постигла другие города мира!

И молодежь дает клятву отстоять землю от ужасов войны.

Быстро промчались дни фестиваля. А ведь праздник длился целых две недели. И какие две недели!

Одних только зрелищ, показанных за эти дни, хватило бы одному человеку на целых восемьдесят лет!.. Было распродано пять вагонов сувениров. Сто тысяч писем и открыток отправляли ежедневно участники фестиваля к себе на родину. А кинооператоры и фотографы «нащелкали» за это время десятки километров фотопленки!

...Последний день фестиваля. Делегаты шести стран опустили вниз белый флаг с голубой эмблемой. Гости прощаются с хозяевами, друг с другом. Но они расстаются со светлым чувством: ведь они еще встретятся... «До свидания в Москве!» — кричат они друг другу.

Да, ребята, это свидание уже совсем близко. До него осталось немногим больше двух месяцев. И, наверное, многие из вас не только увидят этот праздник своими глазами, но и будут его активными участниками.

Ю. Савицкая

ЛЕТО в Клинцах

МЯЧ ЛЕТИТ В ОГОРОД

— А я говорю, задел!

— Ничего не задел! Врешь!

— Это кто врет?.. Я?!

Больше уже ничего нельзя было разобрать. Поднялся такой крик, который слышали, должно быть, не только на Свердловской, но во всем городе Клинцах. И просто удивительно, как удалось перекрыть этот гам обыкновенному женскому голосу:

— Что у вас тут случилось, орлы?

Голос звучал спокойно, но все ребята, даже капитан Дима, не терпевший женского вмешательства в футбол, обернулись. На краю площадки, если так можно назвать перекресток, на котором шла игра, стояла девушка. Ростом она была поменьше иных ребят из Диминой команды.

— Так с чего же, собственно, разгорелся сырбор? — продолжала девушка, точно ей уже начали рассказывать о причинах ссоры.

«Ишь какая!..» — недовольно подумал Дима, но почему-то все же стал отвечать.

— Яшка коснулся мяча...— начал он.

— Не коснулся! — перебил Яшка.

— Не коснулся, нет! — хором закричало пять голосов, и вперед протискались пять пареньков, очень похожих друг на друга, но разного роста.

— Тише вы, братья-кролики! — сердито сказал Дима и толково, как надлежит семикласснику, разъяснил, что вот они — команда Свердловской улицы — играют с улицей Орджоникидзе, а спор вышел из-за одного мяча.

— Понятно,— кивнула головой девушка.— Значит, у вас нет судьи?

— Ага... Где его взять, судью?.. Если с их улицы, он, ясное дело, в их пользу судить будет... А если с нашей...

— Понятно...— Девушка помолчала.— В общем, давайте свисток. Я буду судить.

— Вы?! — Димин голос был полон презрения, но Дима сохранял вежливость.— Попробуем... По местам, ребята!

Команды разошлись по своим местам. Девушка стояла в стороне.

— А свисток?— спросила она несколько растерянно.

— Свисток?.. А зачем? — Дима пожал плечами.— Вы вот так свистите.— Он сунул три пальца в рот и молодецки свистнул.

Девушка поднесла было руку к губам, но тут же опустила ее и засмеялась.

— Не выйдет. Я когда-то пробовала.

Дима тоже засмеялся.

— Ладно. Вы лучше просто кричите нам,— посоветовал он добродушно. Теперь, когда он доказал свое мужское превосходство, девушка даже стала ему симпатична.— Кричите или рукой махайте!

Но махать рукой судье не пришлось. Первый удар оказался неудачным: мяч перелетел через забор, в соседний огород, и плюхнулся прямо на грядку. Тотчас же с крыльца спустилась полная женщина, погрозила ребятам и, подхватив мяч, понесла его в дом.

— Всё,— сказал Дима с веселым отчаянием.— Начали сезон.

— Да ведь она отдаст,— неуверенно заметила девушка.

— Как же, отдаст! У нас таким манером в прошлом году три мяча пропало. Серчают на нас здесь... За всходы... Ну, и будто шума от нас много...

— Понятно,— в третий раз повторила девушка.— Вот что, орлы! Пошли к нам, в Дом пионеров. Потолкуем в холодке. Глядишь, что-нибудь для вас отвоюем!

ПИОНЕРСКИЙ ДИРЕКТОР

Так Дима Доброцкий и его команда познакомились с директором Дома пионеров — «пионерским директором». Звали директора не совсем обычно: Идея

Михайловна Райская. И характер у Райской тоже был для директора не совсем обычным. Любимым ее словом было — это с одобрением заметил Дима — бодрое: «Отвоюем!».

Произносила она это слово с веселым лукавством, так что сразу понятно было, что речь идет не о борьбе с врагами. И правда, люди, у которых Райская постоянно что-нибудь отвоевывала для своих пионеров, были добрыми и благожелательными, только им постоянно бывало некогда или же их одолевали вполне разумные сомнения. Они от души сочувствовали «пионерскому директору», они все понимали, но...

— Но как же мы пустим на стадион этих огольцов? Они и на улице так орут, что стекла дрожат... Да еще и дерутся...— возражал Райской один из таких людей.— У нас, на городском стадионе, бывают девушки, разные знатные гости...

— Честное слово, ничего не случится! Мы им дадим хорошего судью, и игра пойдет спокойнее. Ну, и скажем им при этом: так, мол, и так, орлы! Проштрафитесь — пеняйте сами на себя, не видать вам больше стадиона, как своих ушей! Вот посмотрите: все пойдет отлично!

И в самом деле, все пошло отлично. Судья был найден в том же Доме пионеров. Алик Урицкий, активист, замечательный парень, с мнением которого считались и на улице Свердлова и в Доме рабочих. И когда «орлов» пустили на городской стадион, жалоб на них почти что не поступало...

В общем, лето началось с двух побед. Во-первых, по вторникам городской стадион поступил теперь в полное распоряжение ребят: сюда стали приходить не только футболисты, но и волейболисты и баскетболисты. Здесь происходили соревнования. Чуть ли не весь город присутствовал на соревновании футбольных команд, и как хлопала публика, когда победителям — Диминой команде — вручали кубок!

А во-вторых? Но, чтобы понять, в чем вторая и важнейшая победа, надо разобраться, за что же главным образом воюет «пионерский директор».

НЕ РАЗДВИНУТЬ ЛИ СТЕНЫ?

Лето для работников клинцовского Дома пионеров и вправду самое жаркое время. Зазеленели деревья, кончились занятия в школах, и вдруг день для ребят стал непомерно длинным. Кое-кто, правда, уехал в лагеря и ушел в походы, но остальные? Остальные слоняются по городу, и им решительно некуда девать свое время и кипучую энергию.

Стайками бродят по тротуарам, толкутся у входа в кино. Со скуки заводят нелепые ссоры, которые иной раз кончаются потасовками. Ничего страшного пока что нет, но мало ли чем это может обернуться? С кем не повстречаешься на площади возле кино! Тут и мелкие спекулянты и хулиганы...

Отвоевать всех ребят у улицы — вот чего хочет «пионерский директор». Нужно, чтобы для всех клинцовских ребят лето стало веселым, содержательным временем года — настоящим пионерским летом.

Но если в вашем распоряжении всего лишь три небольшие комнаты, в которые вмещается мало народу? Что же прикажете делать?.. Стены ведь не раздвинешь...

А может быть, стены все-таки можно раздвинуть? И Райская вместе со своими помощниками — Гретой Михайловной и Федором Романовичем — с начала весны ломают голову над тем, как это сделать. На совет они приглашают активистов — энергичного Алика Немосова, обстоятельного и несколько хмурого Толика Старовойтова, хохотушку Раю Паршикову, Севу Бельцова, Люду Драгунцеву...

— Этим летом надо завоевать всех городских ребят,— решительно объявляет Райская.— Распределим неделю так, чтобы ни один день не пропадал даром...

— А знаете, к кому надо обратиться в первую очередь? — спрашивает Федор Романович.— К нашим куклам. Это маленькие, но верные помощники.

— Верно. Ребятам очень нравится кукольный театр,— подхватывает Рая.— Да много ли у нас зрителей соберешь?

— Зачем же у нас? Мы сами пойдем к зрителям — в сады, в детдома, в колхозы... Можно даже разбиться на группы, как настоящие актеры, на бригады и дать в один день два — три спектакля...

— Отлично,— подвела итоги Идея Михайловна.— Один день будет у нас днем кукольного театра.

Таким днем стала среда, теперь это знает весь город. В среду Рая Паршикова и Саша Бондарев, захватив ширму и несколько кукол, отправляются в городской парк или в один из клинцовских детдомов. А в это время другая «кукольная» бригада едет в соседнее село — в Займище или Лапотню.

Ребята, а часто и взрослые от души хлопают Зайке-Всезнайке или же персонажам «Веселой флейты». А после спектакля начинается едва ли не самое интересное: юные зрители обступают актеров, вертят в руках тряпочные фигурки кукол и расспрашивают, как их нужно делать, каким образом водить.

— Это совсем нетрудно, ребята,— объясняет Рая.— Вначале надо сделать две такие простые куколки...— Она достает из чемоданчика рабочие кук-

лы, с головками-шариками, без лиц, и надевает их на пальцы.— Кто из вас может хоть немного лепить?.. А шить кто умеет?..

Умельцы откликаются. И кукольники возвращаются к себе, в Дом пионеров, с радостным сообщением: в одном дворе начнет работать кукольный кружок! Еще группка ребят отвоевана у улицы...

Очень хорошей затеей оказались и «веселые четверги». Первый летний четверг организовали активисты: подготовили концерт, придумали игры, загадки и пригласили гостей.

А в конце вечера обратились к гостям с такими словами:

— Следующий четверг — ваш. Вы будете на нем хозяевами и пригласите в гости нас и других ребят... Уж, конечно, вы не дадите гостям скучать...

Вначале бывшие гости немного растерялись: а вдруг у них ничего не выйдет? Но не признаваться же в своей неумелости! И ребята стали собираться

и соображать, кто чем может блеснуть. Оказалось, и у них есть таланты. Один мальчуган, которого все до сих пор считали просто отчаянным сорванцом, проявил явные способности конферансье, который может вести весь вечер. У очень застенчивой, тихой девочки обнаружился хороший голос. Но ведь неинтересно опять давать концерт, как в прошлый раз...

— А что, если нам, как на радио, сделать концерт по заявкам? — предложил кто-то.

И вот по дворам пошел гулять «волшебный ящичек» — коробка из-под красок со щелкой сбоку. В щелку опускали записки с пожеланиями, какие номера хотелось бы увидеть и услышать в концерте. Концерт по заявкам удался на славу. Все были довольны — и гости и устроители. И, глядя на их веселые лица, Райская думала о том, что, может быть, именно сегодня у некоторых из них впервые появилось сознание: вот, мол, и мы можем сделать что-то хорошее для других...

А не из такого ли малого зернышка и развивается то чувство уважения к себе и другим, которое предохраняет человека от многих ошибок и дурных влияний?

Мы рассказали о среде и четверге в Клинцах. Но и другие дни недели наполнены теперь для клинцовских ребят веселыми и разнообразными делами. Для этого используются самые простые, нехитрые средства.

Скажем, проекционный фонарь... Конечно, диафильмы во многом уступают кино. Зато здесь можно приложить свое творчество. Во время показа можно вести рассказ, и с каким восторгом слушают малыши сказку в сопровождении волшебных картинок!.. Это для них что-то вроде театра; недаром в клинцовском Доме пионеров день диафильмов называют днем «театра диафильмов».

Одна беда: вот здесь-то и встает во весь рост вопрос о тесноте помещения — диафильмы надо показывать в темноте, в зале, а зал-то маленький... Но, может, и с этим можно повоевать? Райская начала воевать.

Она стала расспрашивать ребят. Оказалось, у Шурика Севакова, Вовы Веселова и некоторых других есть свои проекционные фонари. Она вызвала к себе этих ребят.

— Хочешь быть режиссером театра? — спросила она у Шурика.

Шурик не очень ясно представлял, что такое режиссер, но, догадавшись, что это нечто интересное, кивнул головой.

Идея Михайловна пояснила:

— Ты будешь раз в неделю показывать у себя дома диафильмы, мы будем их тебе давать... Пригласишь ребят из вашего дома и со двора. С твоей мамой я уже говорила. Она согласна. А разъяснять картинки будете по очереди: один раз ты, в следующий раз — кто-нибудь из ребят. Согласен?

Шурик согласен.

И вот в тот же день, когда в Доме пионеров ребятам постарше показывают «Тимура», малыши смотрят сказки на квартирах у Шуры, Вовы и у других... Прямо как в большом, настоящем кинотеатре, где фильмы демонстрируются сразу в нескольких залах.

Это все обычные дни недели.

А есть еще походы, в которых принимает участие множество ребят. Экскурсии по городу, соревнования и турниры. Есть торжественные сборы, есть праздник цветов.

Ребята вырезают из бумаги шапочки, похожие на головки ромашек, или же колпачки, вроде колокольчиков, и когда в день праздника отправляются за город, они удивительно похожи на большие ожившие цветы...

С песнями и смехом рвут они цветы в поле и в лесу. Гвоздь праздника — соревнование на самый красивый букет.

И вот, оказывается, красота букета зависит не от того, много ли ты набрал цветов, и вовсе не от пышности их. Из самых скромных полевых цветов можно составить букет удивительной красоты. И кто ни взглянет на него, сразу подумает: сколько прелести в крупной, похожей на солнце ромашке, нежном лесном колокольчике, грациозном васильке!.. На этом скромном занятии развивается волшебное свойство, преобразующее самые простые вещи в прекрасные и как будто даже драгоценные: развивается вкус...

И когда ребята в венках и с букетами в руках возвращаются в город, те, кто не пожелал принять участие в празднике, взглянув на них, подумают:

«Нет, зря я думал, что это скучно. В следующий раз непременно пойду и соберу самый лучший букет!» Тут на помощь «пионерскому директору» приходит могучая союзница — красота.

ДАВАЙТЕ ПОСПОРИМ!

Мысль о таких сборищах появилась в походах. По вечерам, у костра, ребята часто заводили разговоры на самые задушевные темы, и все заметили, что в такой обстановке беседы и споры идут особенно хорошо.

«А почему бы нам и без похода не собираться вот так же?» — подумали в Доме пионеров. Так и повелось. Двадцатого числа каждого летнего месяца ребята собираются у костра. Эти вечера не имеют программы. Просто кто-нибудь заводит беседу о виденном, читанном или продуманном. Так как беседа быстро переходит в жаркий спор, клинцовские ребята стали называть такие встречи «Давайте поспорим!»

Тянет дымком от костра, шумит речка... И вот кто-то из девочек затевает разговор, скажем, о том, каким должен быть настоящий герой...

— Конечно, он должен быть хорошим человеком,— говорит Рая Паршикова,— смелым, прямолинейным, великодушным...

— И чтобы маленьких не обижал,—подхватывает Люда Драгунцева, всегдашняя защитница малышей.— Хорош герой, если он с малышами дерется!..— При этом она поглядывает на одного из рослых пареньков, подбрасывающих ветки в костер.

Девочки чуть ли не единодушно утверждают, что герой должен быть с детства дисциплинированным и, по возможности, отличником...

— Угу,— иронически мычит Дима.— А как же Сережа Тюленин?

Спорящие смущены. Сергея Тюленина трудно признать примерным мальчиком.

— И если хотите знать,— продолжает Дима,— Николай Щорс тоже в детстве так дрался — будь здоров!.. Я вот читал недавно: они маленькими во что играли?.. В разбойника Савицкого.

— В разбойника?! — ахает Люда.

— А вы знаете, ребята, какой это был разбойник? — вмешивается Райская.— Он нападал только на богатых, на помещиков. Не удивительно, что ребятам он казался благородным...

— А все же герою прежде всего нужна смелость, отчаянность... При чем тут отметки?

В конце концов ребята все же приходят к выводу, что хотя герой, конечно, обязательно должен быть смелым, но эта смелость не похожа на отчаянность. Героем должна руководить убежденность, любовь к людям, высокие, благородные чувства, из которых складывается золотой фонд человеческой души...

Ребята иной раз говорят не совсем логично, зато всегда искренне и горячо.

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Шестое июня. День рождения героя гражданской войны Николая Щорса, с именем которого тесно связана история Клинцов.

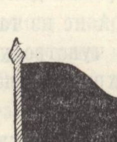
Этот день клинцовские ребята посвящают памяти героя. С цветами в руках собираются они во дворе Дома пионеров и, затаив дыхание, слушают рассказ одного из старых боевых соратников Щорса.

— Это было, когда ваши деды еще были молоды,— начинает он.— В марте 1918 года все эти места и наш город Клинцы были оккупированы германскими войсками. Оккупанты срочно вводили старые порядки. На клинцовские заводы вернулись капиталисты, землю возвратили помещикам... Стон стоял по всей Черниговщине.

Оккупированные немцами земли отделялись от Советской России нейтральной полосой, на самой границе ее находилась станция Унеча, вы все ее знаете. Здесь по указанию Владимира Ильича Ленина Николай Щорс начал формировать Богунский полк...

Из сел и деревень к Щорсу шли люди. Из уездов Новгород-Северского, Стародубского, Новозыбковского и нашего, Клинцовского.

— Где батька Микола? — спрашивали они. А батьке Миколе было тогда двадцать два года... Подтянутый, мужественный, красивый, он выходил к своим бойцам.

— Запомните,— говорил он,— богунцы не отступают. Разве только на шаг — два для разбегу, чтобы крепче ударить штыком!

И богунцы не запятнали чести своего полка. Вскоре немецкие и белые войска были изгнаны из Черниговщины... Сейчас мы с вами пойдем в музей, пройдем по залам, посвященным Щорсу.

В витринах хранятся копии исторических документов. Ребята смотрят фотографии — прекрасное мужественное лицо полководца и гордое лицо девушки, той, которой он писал: «Я больше чем люблю тебя,— я чувствую и испытываю родство душ...»

Как мало времени провели они вместе!.. Бои, служение революционному долгу постоянно отрывали их друг от друга... А когда в августе 1919 года она наконец поспешила к нему, ей не удалось застать его в живых. 30 августа Николай Щорс пал смертью храбрых в бою под Коростенем. Тело его решено было предать земле на Черниговщине, в родном его городке Сновске...

— Видите этот траурный поезд, ребята? — спрашивает докладчик, указывая на одну из фотографий.— Посмотрите, какие горестные лица у молодых бойцов. Все мы горевали в те дни так, точно лишились родного отца, но, сокрушаясь, мы давали клятву отомстить за его гибель...

...И вот ребята выстраиваются на торжественную линейку перед памятником Щорсу и кладут цветы к его подножию. Звучат слова рапорта, поднимаются руки для салюта. И тут наступает минута молчания. В глубоком раздумье замирают все: и седоголовый соратник Щорса, и всегда такая шумная, неугомонная девушка — «пионерский директор», и ребята. Они стоят торжественные, строгие; сейчас они немного похожи на тех молодых бойцов, которые изображены на фотографии в музее... И можно не сомневаться, что след этой торжественной минуты—может быть, единственной тихой минуты во все шумное пионерское лето — надолго останется у них в памяти и они пронесут его через всю свою жизнь.

Ю. Новикова

ПРИКЛЮЧЕНИЯ «ПУ-1»

Рисунки П. Сыроежкина.

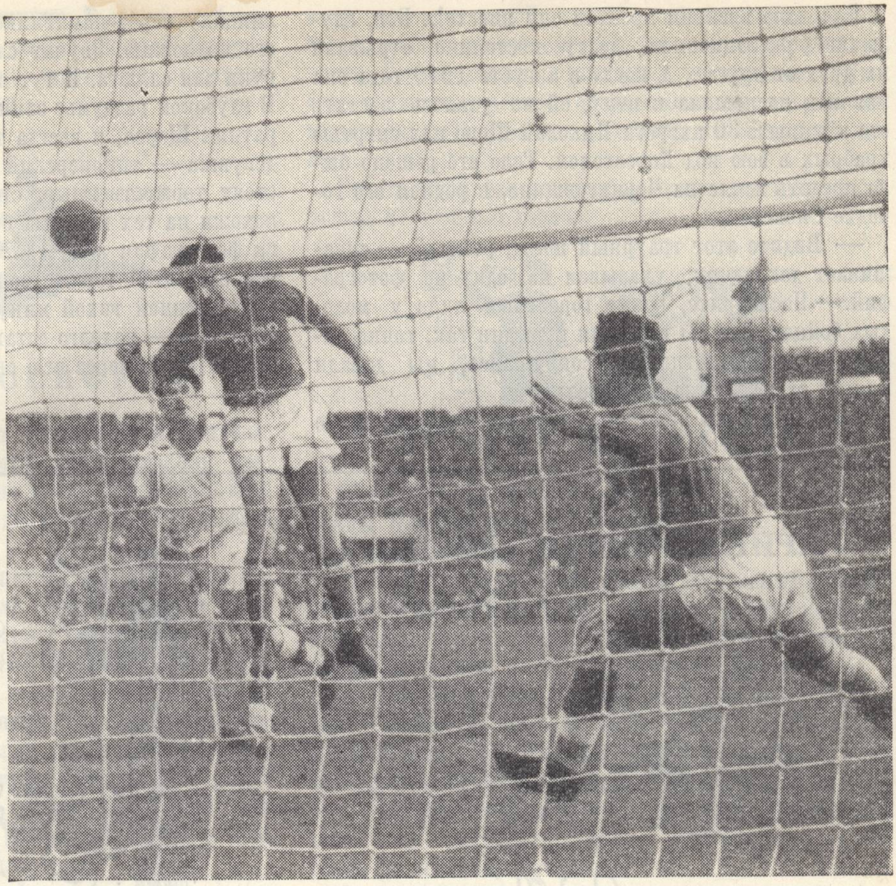

«ПУ-1» несется быстро...
Вдруг увидел наш Олег:
Три отважных альпиниста
Бодро лезут по скале!
«Рады видеть храбрецов!» —
Восклицает Удальцов.
Альпинист был тоже рад —
Дал Олегу аппарат.

Смельчакам нигде не тесно —
Стали в позу на скале,
И Олег тот миг чудесный
Навсегда запечатлел.

СПОРТ

Удар головой — и мяч в воротах.

Как надо и как не надо

Андрей Старостин,
заслуженный мастер спорта

МЯЧ — МАГНИТ

Часто можно наблюдать, как ребята, играя в футбол, толпой бегут за мячом. Куда мяч, туда и все игроки. Мяч, словно магнит, притягивает их.

Например, получил мяч центральный нападающий, и все кидаются к нему «на помощь». А мне всегда в таких случаях хочется крикнуть: «Куда вы бежите? Какая же это помощь?!»

Есть в футболе такое правило: «Все от меня для помощи», а не «Все ко мне на помощь». Если хотите помочь партнеру, у которого мяч, бегите от него, а не к нему. Да это и понятно. Побежите вы к партнеру, и противник, который страхует вас, кинется за вами—только куча получится, и гол забить почти невозможно, потому что мешают и свой и чужой. А вот если вы побежите от партнера, то и противник, стремясь вас закрыть, тоже оторвется от него. И тогда на свободном пространстве вашему партнеру легче будет маневрировать, легче будет разумно вести игру.

Как это ни странно, в футболе — игре с мячом — самое трудное научиться играть без мяча, научиться понимать все те сложные положения, которые возникают во время игры.

Давно уже прошли те времена в футболе, когда каждый игрок играл на поле сам по себе. Давно уже лучшие советские команды не играют, как раньше говорили, «по игре», то есть так, как выйдет. Сейчас команды выходят на поле с заранее намеченным планом игры, и все футболисты получают от тренера специальные задания. Ведь футбол — это не только соревнование двух команд. Вы должны помнить, что внутри этого соревнования происходит еще одиннадцать дуэлей. У каждого игрока есть свой противник, за которого он отвечает. Например, правый защитник удерживает левого крайнего противника, а левый защитник — правого крайнего. Центральный защитник прикрывает центрального нападающего, а полузащитники — полусредних. И только точно выполняя свое задание, футболист может проявлять творчество, инициативу.

Полузащитник «Спартака» Игорь Нетто очень часто выходит вперед, и это ему разрешается. Но как бы хорошо ни действовал Нетто, выбегая вперед, если правый полусредний противника забьет гол, мы

Нетто этого не простим. Если Нетто опоздает десять раз в нападение, это ничего, но он не имеет права даже раз опоздать на свое место защитника, потому что главная его задача не дать полусреднему пробить по воротам.

Футбол требует точного плана игры, заранее продуманной расстановки сил на поле. Сейчас команды располагаются на поле по системе «трех защитников». Игроки размещаются так: вратарь, три защитника, два полузащитника, два полусредних и трое нападающих, выдвинутых вперед.

Постройтесь так и старайтесь помнить свои места во время игры. Конечно, вы можете менять свое положение, но исходные позиции вы должны помнить, как солдат помнит номер своей винтовки.

Атака кончилась, и все снова на местах.

По своей сложности, по количеству комбинаций футбол превосходит шахматы. Это очень умная игра. Здесь в борьбе сталкиваются мысль и сила, смелость и выносливость, быстрота и ловкость. Подобно шахматисту, футболист должен предугадывать возможные «ходы» противника на поле, причем делать он это должен мгновенно: времени для размышлений и длительных прикидок у него нет.

Я хорошо помню двадцатиминутный штурм, который сборная команда Советского Союза предприняла против чемпиона мира — команды Федеральной Республики Германии. Темп игры был ошеломляющий. Немецкая команда была прижата к своим воротам, но отчаянно сопротивлялась. Им очень хотелось удержать счет 2 : 1 в свою пользу. Однако наши все усиливали нажим, и в один из моментов, когда мяч был у Игоря Нетто, другой полузащитник, Анатолий Масленкин, не побежал к нему, а «открылся», то есть вышел на свободное место. Нетто сразу оценил этот маневр Масленкина и дал ему пас. Последовал сильнейший удар, и счет стал 2 : 2. Вот тут Масленкин действительно по-настоящему помог Нетто.

А через несколько минут, когда неослабевающая атака развивалась с правого края, левый край сборной команды Анатолий Ильин, так же как и Масленкин, не побежал поближе к мячу, а, наоборот, отыскал в обороне противника уязвимую позицию, и когда мяч попал к нему, то никто уже не успел помешать Ильину нанести удар по воротам. Счет стал 3 : 2. Это была замечательная победа неудержимой воли и зрелой, осмысленной тактики.

СЕКРЕТ ТОЧНОГО УДАРА

Наверное, многим из вас приходилось испытывать горькое чувство досады, когда, казалось бы, верный удар не получился, и победа, желанная победа ускользнула из ваших рук из-за того, что удар по мячу был неточный, или партнер дал пас не под ту ногу, или ты упустил драгоценные секунды и мяч отобрали защитники противника.

А задумывались ли вы, почему так случается?

Потому что вы мало или почти совсем не работаете над техникой владения мячом.

Мне как-то пришлось наблюдать, как тренируется с мячом Сергей Сальников. Он подбросил мяч ногой в воздух и стал ударять его сначала подъемом одной, потом другой ноги, затем чередуя левую и правую ногу. Потом он стал подбрасывать мяч головой, левым и правым плечом, коленом, бедром, пяткой, потом задержал его на мгновение на шее и снова, не опуская на землю, стал подкидывать мяч. Почти пятнадцать минут не спускал он мяч на землю и работал так ловко, красиво и точно, как работают с шарами цирковые жонглеры.

Сейчас Сальников — известный мастер футбола, и все же на каждой тренировке он обязательно оттачивает технику удара, точность.

Совсем не просто дать верный пас, свободно и легко послать мяч головой противнику, пробить по воротам сильно и точно.

Для этого нужно хорошо знать все способы удара по мячу.

Удар прямым подъемом — самый сильный и точный, но он требует большого замаха. Если же у вас нет времени на замах,— бейте носком. Только не рекомендую вам бить носком в сырую погоду. По скользкому мячу чуть-чуть не так ударишь, и он полетит в сторону.

Если вы хотите сэкономить время,— бейте мяч с лету, не дожидаясь его приземления.

Чтобы мяч летел сильно и низко, надо ударить его внешней частью ступни — «шведкой». Удар внутренней частью ступни — «щечкой» — не сильный, но точный, им лучше всего передавать короткий пас.

«Щечкой» хорошо пасовать на маленьком отрезке поля, например, на штрафной площадке противника. При длинном пасе мяч быстро попадает к воротам противника и, главное, может вызвать много неожиданностей. Ведь когда вы передаете мяч коротким пасом, вы несколько раз его посылаете и, следовательно, несколько раз можете ошибиться и несколько раз его могут у вас отнять.

Длинный же пас вы посылаете один раз. Он опасен для противника. Правда, пользоваться им трудно: ведь легче дать мяч точно на пять, чем на семьдесят метров. Но надо уметь пользоваться и тем и другим пасом, смотря по обстоятельствам.

Как добиться точного паса? Чтобы отработать точность длинного паса, вы можете провести такую тренировку. Станьте далеко друг от друга и сильными ударами бейте по мячу с ходу, стараясь точно передать мяч своему партнеру. Короткий же пас отрабатывайте в парах, двигаясь вперед, метрах в пяти — десяти друг от друга, меняясь местами.

Футболист должен уметь бить по мячу левой ногой так же хорошо, как и правой. Сколько раз приходилось мне видеть, как игрок мог бы забить верный гол, но мяч попал ему под «чужую», как гово-

Вот как надо бить по мячу (смотрите на рисунки слева направо): носком, «шведкой», «щечкой», прямым подъемом. Когда бьете по мячу прямым подъемом, обязательно ставьте опорную ногу так, как показано на рисунке,— на одной линии с мячом. Если вы поставите ногу чуть сзади мяча, он полетит высоко вверх, а если чуть выдвинете ее вперед, то мяч совсем не полетит, он тихо покатится.

Напряженный момент игры сборной команды Советского Союза против Федеральной Республики Германии. Посмотрите, как теснят противники левого крайнего сборной Анатолия Ильина (игрок спиной к нам). Но полузащитник Игорь Нетто не бежит к Ильину на выручку, а, наоборот, оттягивается от него, чтобы принять пас. Вот это настоящая помощь.

рят футболисты, ногу. Пока переведет такой игрок мяч с левой ноги на правую, к нему уже подоспеют защитники противника, и усилия всей команды пропадут потому, что игрок оказался «одноногим». Особенно важно не терять мгновений на штрафной площадке: там время исчисляется долями секунд, а расстояние сантиметрами. Где уж перебрасывать мяч с одной ноги на другую!

Я советую вам: не увлекайтесь освоенными вами ударами. Если вы плохо бьете левой ногой, тренируйте ее, старайтесь делать ею то же, что и правой.

Очень многие из вас, принимая мяч головой, втягивают ее в плечи. Они не знают, что, если втянешь голову, удар не получится. Бывает и так, что во время удара головой по мячу футболист зажмуривает глаза. Что может сделать слепой футболист? Конечно, он попадет мячом не туда, куда надо.

Чтобы лучше научиться бить головой по мячу, тренируйтесь вдвоем или втроем, стоя в трех — четырех шагах друг от друга и постепенно увеличивая расстояние. Передавайте мяч головой друг другу, так, чтобы он не падал на землю.

Только научившись легко управлять своим телом, свободно и точно обращаться с мячом, вы сможете добиться победы.

БЫСТРЫЕ, ЛОВКИЕ, ВЫНОСЛИВЫЕ

Чтобы хорошо играть в футбол, мало заниматься одним футболом. Футболист должен уметь бегать и прыгать, как легкоатлет, и владеть своим телом, как гимнаст. Для игры в футбол надо быть физически подготовленным.

Футболистам полезно бегать кроссы, ходить на лыжах и плавать. Эти виды спорта помогают поставить дыхание, а значит, стать выносливее.

Быстрота для футболиста — залог успеха. И если вы будете регулярно бегать стометровку, то даже к концу этого лета вы будете ее пробегать быстрее на полторы — две секунды.

Очень важно также отрабатывать скоростные рывки на 25—30 метров. Их можно делать с места и во время пробежки, рывком наращивая скорость.

Мне всегда жаль тех ребят, которые только и делают, что бессмысленно гоняют мяч. Едва ли они когда-нибудь станут хорошими футболистами! Гораздо большего вы добьетесь, тренируясь, скажем, два — три раза в неделю по два часа.

Начинайте с пробежки на 300—400 метров в среднем, спокойном темпе. После этого минут десять — пятнадцать занимайтесь гимнастикой. Вы можете проделать упражнения для рук, корпуса и ног из утренней зарядки, а в конце обязательно проделайте приседания. Для начала десять — пятнадцать раз, а потом постепенно увеличивайте.

Затем минут тридцать — сорок поработайте с мячом. Осваивайте удары с обеих ног, играйте головой, останавливайте и передавайте мяч друг другу. Обводите разные препятствия, бейте в какую-нибудь цель с десяти — двенадцати метров. Если у вас только один футбольный мяч, можно упражняться с волейбольными мячами или даже просто резиновыми. И уж после этого поиграйте на двое ворот, но играйте не больше часа.

Если бы вы так тренировались, то времени затратили бы меньше, а общая всесторонняя физическая подготовка была бы лучше.

Набор
Юный химик

Настоящий химик не тот, который только из одного чтения книг понял сию науку, но который собственным искусством в ней прилежно упражнялся.

М. В. Ломоносов

Ребята!

Нет почти ни одной отрасли промышленности и сельского хозяйства, науки и техники, которая могла бы существовать без химии. И какую бы вы ни избрали профессию в будущем, вам пригодится знание химии.

Химия помогает людям раскрывать тайны природы, она облегчает их труд, помогает лечить многие болезни, а иногда и спасает от смерти.

Химию надо знать всем вам, ребята. Глубже познакомиться с этой замечательной наукой вам поможет набор «Юный химик». В нем есть различные химикаты, необходимое лабораторное оборудование и посуда и подробное объяснение о том, как с ними обращаться. При помощи этого набора вы сможете самостоятельно проделать сто интересных химических опытов. Наборы «Юный химик» можно купить во всех магазинах, торгующих игрушками.

Ваши отзывы о наборе направляйте по адресу: Москва, В-17, Новокузнецкая улица, дом 4/12, Главкультторгу.

ГЛАВКУЛЬТТОРГ МИНИСТЕРСТВА ТОРГОВЛИ СССР

Цена 2 р. 50 к.

Рисунки П. Сыроежкина

ФЕСТИВАЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Вот, ребята, какие забавные игрушки принес нам сегодня Мастер-На-Все-Руки. Все они — из орехов арахиса. Попробуйте и вы делать такие. Руки и ноги — из спичек, глаза—из спичечных головок, воткнутых в орех. Уши у собачки и поля шляпы у рыболова бумаж- из фанерки. Человечки на глобусе — из кедровых орешков. Яички в гнезде — тоже из кедровых орешков. Раскрашиваются все игрушки акварельными или гуашевыми красками.

Из орехов можно сделать множество других игру-